

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 46 / 2026 / № 1

DOI: 10.24888/2410-4205-2026-46-1

<https://history-fas.ru/>

Журнал основан в 2007 г. под названием Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История". В 2012-2014 г. журнал назывался «Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция».

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Отдел издательской деятельности ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер: ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала – 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://history-fas.ru/>

The journal was founded in 2007 under the name Bulletin of the Yelets State University. Series "History". In 2012-2014 the publication was called "West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence".

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 17.03.2026

Founder and publisher: Bunin Yelets State University named

Printing house: Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)

Roskomnadzor registration certificate

PI No. ФС77-59752 dated November 7, 2014.

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

"History: Facts and Symbols" is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://history-fas.ru/>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog "Press of Russia"

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 17.03.2026

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, 1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237
e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Главный редактор: Д.А. Ляпин (ЕГУ им. И.А. Бунина).

Редакционный совет: П.И. Гайденко (МГТУ им. Н.Э. Баумана), В.Н. Глазьев (ВГУ), В.В. Канищев (ТГУ им. Г.Р. Державина), Н.А. Плавинский (БГУ), Д.А. Редин (УрФУ), Б.У. Серазетдинов (ИРИ РАН), Н.В. Чернышева (ФНИСЦ РАН).

Редакционная коллегия: А.В. Гладышев (СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского), В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Веллингтон, Университет Королевы Виктории), Н.Н. Грибов (Институт археологии РАН), Н.А. Жиров (ЕГУ им. И.А. Бунина), О.В. Клевцова (ЕГУ им. И.А. Бунина), И.В. Крючков (СКФУ), В.П. Николашин (ТГУ им. Г.Р. Державина), Н.Н. Петрухинцев (РТУ МИРЭА), Д.В. Сень (ЮФУ), Н.А. Тропин (ЕГУ им. И.А. Бунина), А.А. Чубур (РАЕ), Б.Л. Шапиро (РГГУ).

Журнал «История: факты и символы» входит в Перечень рецензируемых научных изданий **ВАК** (К2), включен в ЕГПНИ («Белый список», уровень 3), в международные реферативные база данных научных материалов (ERIH PLUS, Berkeley, Mendeleev, Scilit), а также доступен под международной лицензией открытого доступа Creative Commons.

Editor-in-Chief – Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Pavel I. Gaidenko (Bauman Moscow State Technical University), Vladimir N. Glazyev (VSU), Vladimir V. Kanishchev (Derzhavin TSU), Nikolay A. Plavinsky (Minsk, BSU), Dmitry A. Redin (UrFU), Boris U. Serazetdinov (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); Natalia V. Chernysheva (Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences).

Editorial board: Andrey V. Gladyshev (Chernyshevsky SNIGU), Valentin I. Gorbachev (Victoria University of Wellington); Nikolay N. Gribov (Institute of Archeology RAS), Nikolay A. Zhirov (Bunin YSU), Oksana V. Klevtsova (Bunin YSU), Igor V. Kryuchkov (NCFU), Vadim P. Nikolashin (Derzhavin TSU), Nikolay N. Petrukhintsev (MIREA – Russian Technological University), Dmitry V. Sen (Russia, SFU), Nikolay A. Tropin (Bunin YSU), Artur A. Chubur (Russian Academy of Natural Sciences), Bella L. Shapiro (RSUH).

The scientific journal “**History: Facts and Symbols**” is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the **Higher Attestation Commission** (K2), is included in the **Unified State Register of Scientific Research** ("White List", level 3), in international abstract databases of scientific materials (ERIH PLUS, Berkeley, Mendeleev, Scilit), and is also available under the international open access license Creative Commons.

© «История: факты и символы» (Оригинал-макет и оформление) / "History: facts and symbols" (Original layout and design), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Авксентьев М.В.</i> (Елец)	ЗНАЧЕНИЕ МОНАСТЫРЯ КАК ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ЦЕНТРА В УСЛОВИЯХ ЮЖНОРУССКОГО ФРОНТИРА XVII В.....	8
<i>Ливенцев Д.В.</i> (Воронеж)	ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА НА ПРИМЕРЕ ЖАЛОБЫ ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ П.Л. НОВИКОВА НА ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА В.З.КОЛЕНКО.....	24
<i>Музыченко О.А.</i> (Москва)	ОТКАЗЫ ВЛАСТИ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОДУБЬЯ).....	33
<i>Подлесных С.Н.</i> (Воронеж)	УСТРОЙСТВО ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830 – 1860-е гг.....	43
<i>Серазетдинов Б.У.,</i> <i>Жевалов С.А.</i> (Москва)	МОЛОТОВСКАЯ (ПЕРМСКАЯ) ОБЛАСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В СССР. 1941–1945 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ).....	57
<i>Филатов Г.А.</i> (Воронеж)	ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МИЧМАНОВ НА РОССИЙСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ФЛОТЕ НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВИЦЕ-АДМИРАЛА П.Я. ШКОТА.....	75

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

<i>Шмаилави Р.,</i> <i>Джамил М.</i> (Воронеж)	МУЗЕИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ	83
--	---	----

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО

<i>Булавина А.А.</i> (Елец)	НЕСЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕЛЬЦА И СТАРОГО ОСКОЛА ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1646 г.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	94
<i>Житин Р.М.,</i> <i>Топильский А.Г.</i> (Тамбов)	ПРОБЛЕМЫ ЭРОЗИИ ПОЧВЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ, МОНИТОРИНГ И ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ОВРАГАМИ...	105

<i>Левченко А.В.</i> <i>(Пермь)</i>	ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ГОТОВНОСТИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕМУАРАХ ЕЁ УЧАСТНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	116
<i>Федорик И.А.</i> <i>(Воронеж)</i>	УЧАСТИЕ НАЧАЛЬНИКА АСТРАБАДСКОЙ МОРСКОЙ СТАНЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПЕРСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.).....	129
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ		
<i>Юрьев К.А.,</i> <i>Ермошина Е.В.</i> <i>(Воронеж)</i>	СЛАВЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ПОСТКОЛОНИАЛЬНУЮ ОПТИКУ: О КНИГЕ PRIETO S. T. «THE EARLY SLAVS. THE FIRST CENTURIES OF EASTERN EUROPE». LONDON: ROUTLEDGE, 2025. 220 P.	141
<i>Шмаилави Р.</i> <i>(Воронеж)</i>	ЗАЩИТА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ.....	148
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		158

CONTENTS

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Avksentyev M.V.</i> (<i>Yelets</i>)	THE SIGNIFICANCE OF THE MONASTERY AS A MILITARY MEDICAL CENTER IN THE CONDITIONS OF THE SOUTH RUSSIAN FRONTIER OF THE 17TH CENTURY.....	8
<i>Liventsev D.V.</i> (<i>Voronezh</i>)	FEATURES OF EVERYDAY LIFE IN A PRE-REVOLUTIONARY PROVINCIAL THEATRE: A COMPLAINT FROM THEATRE FIGURE P.L. NOVIKOV AGAINST THE VORONEZH GOVERNOR, ACTUAL STATE COUNCILOR V.Z. KOLENKO.....	24
<i>Muzychenko O.A.</i> (<i>Moscow</i>)	GOVERNMENT FAILURES TO SOLVE ECONOMIC PROBLEMS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE MENTALITY OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE POST-REFORM ERA (BASED ON THE MATERIALS OF STARODUBYE)	33
<i>Podlesnykh S.N.</i> (<i>Voronezh</i>)	ARRANGEMENT OF PREMISES FOR THE JUDICIAL CORPS OF TAMBOV PROVINCE IN THE 1830S–1860S.....	43
<i>Serazetdinov, B.U.</i> <i>Zhevalov, S.A.</i> (<i>Moscow</i>)	THE MOLOTOV (PERM) REGION AND ITS ROLE IN SOLVING THE FOOD PROBLEM IN THE USSR. 1941-1945 (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ECONOMICS).....	57
<i>Filatov G.A.</i> (<i>Voronezh</i>)	FEATURES OF THE DAILY LIFE OF WARRANTS IN THE RUSSIAN IMPERIAL FLEET BASED ON THE MEMORIES OF VICE-ADMIRAL P.Y. SHKOT	75

INTELLECTUAL CULTURE OF THE HISTORICAL EPOCH

<i>Shmailavi R.,</i> <i>Jamil M.</i> (<i>Voronezh</i>)	MUSEUMS AS A FACTOR IN THE PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN MODERN IRAQ.....	83
--	--	----

AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST

<i>Bulavina A.A.</i> (<i>Yelets</i>)	NON-SERVICE POPULATION OF YELETS AND STARY OSKOL ACCORDING TO THE 1646 CENSUS: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	94
<i>Zhitin R.M.,</i> <i>Topilsky A.G.</i> (<i>Tambov</i>)	SOIL EROSION PROBLEMS IN TAMBOV PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: CAUSES, MONITORING, AND FEATURES OF RULF CONTROL.....	105

<i>Levchenko A.V.</i> <i>(Perm)</i>	ASSESSMENT OF THE DEGREE OF READINESS OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY FOR WORLD WAR I IN THE MEMOIRS OF ITS PARTICIPANTS: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	116
<i>Fedorik I.A.</i> <i>(Voronezh)</i>	PARTICIPATION OF THE CHIEF OF THE ASTRABAD NAVAL STATION IN THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S MILITARY-POLITICAL INTERESTS IN PERSIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES).....	129
SCIENTIFIC LIFE: DISCUSSIONS AND PROBLEMS		
<i>Yuryev K.A.,</i> <i>Ermoshina E.V.</i> <i>(Voronezh)</i>	SLAVIC MEDIEVAL HISTORY THROUGH A POSTCOLONIAL VIEW: ON THE BOOK BY S.T. PRIETO "THE EARLY SLAVS. THE FIRST CENTURIES OF EASTERN EUROPE". LONDON: ROUTLEDGE, 2025. 220 P.....	141
<i>Shmailavi R.</i> <i>(Voronezh)</i>	PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN MODERN IRAQ.....	148
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....		158

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ /
HISTORY OF EVERYDAY LIFE

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-8-23>

УДК 93/94

ЗНАЧЕНИЕ МОНАСТЫРЯ КАК ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОГО ЦЕНТРА
В УСЛОВИЯХ ЮЖНОРУССКОГО ФРОНТИРА XVII В.

М. В. Авксентьев

*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 26, Елец, 399770, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению роли монастырей в системе военно-медицинского обеспечения на южных рубежах Российского государства в XVII в. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа факторов, обеспечивавших боеспособность войск в условиях постоянной военной угрозы со стороны Крымского и Ногайского ханств. Освоение южнорусского фронта сопровождалось строительством городов-крепостей и формированием служилого сословия, что остро ставило вопрос об организации лечения раненых и социальной поддержке пострадавших. В историографии сложилась традиция изучения государственной медицины преимущественно через деятельность Аптекарского приказа, однако роль церковных институтов в этом процессе остается недостаточно раскрытой. В статье подчеркивается, что на фронтире, где система здравоохранения только зарождалась, монастыри могли выполнять функции, выходящие за рамки сугубо религиозных, выступая в качестве центров медицинской помощи и призрения. **Материалы и методы.** Источниковую базу исследования составили опубликованные материалы делопроизводства Аптекарского приказа, содержащие сведения о лекарственном обеспечении войск, челобитные служилых людей, а также докторские сказки (медицинские заключения) XVII века. В работе использован комплекс методологических подходов. Микро-исторический подход позволил реконструировать частные аспекты взаимодействия государства, церкви и военного сообщества в вопросах лечения. Историко-системный метод применен для рассмотрения монастырской медицины как элемента общей системы военно-медицинского обеспечения. С помощью историко-типологического метода были выделены характерные черты организации лечения в различных типах монастырей (казачьих, больничных, пограничных). Также привлекались труды дореволюционных, советских и современных историков медицины. **Результаты.** В ходе исследования показано, что становление военной медицины в России XVII века носило несистемный, но поступательный характер. Инициатива исходила от государства, которое через Аптекарский приказ организовывало подготовку лекарей, закупку медикаментов и эпизодически – временные госпитали. Анализ документальных свидетельств, включая цитируемые в статье докторские сказки, демонстрирует тяжелый характер ранений, получаемых служилыми людьми, что требовало орга-

низованного лечения. В этих условиях монастыри южного фронта, строившиеся часто одновременно с городами и при поддержке казны, объективно становились центрами оказания медицинской помощи. Автор выявляет специфику таких обителей, как Борщев, Семилукский, Покровский монастыри, которые выполняли функции не только духовных центров, но и своеобразных лазаретов и богаделен. Особое внимание уделяется казачьим монастырям, служившим местом лечения и приюта для донских казаков. Как отмечается в статье, источники не позволяют в полной мере оценить масштабы и методы монастырского лечения, а также порядок финансирования этих учреждений из казны. **Заключение.** Автор приходит к выводу о том, что в условиях южнорусского фронта XVII века сформировалась модель медицинского обеспечения, носившая двойственный характер. Наряду с деятельностью Аптекарского приказа и полковых лекарей, важную роль играла монастырская сеть, которая на практике восполняла недостаток государственных лечебных учреждений. Лечение в монастырях часто сочеталось с функциями призрения (для инвалидов, вдов, престарелых казаков) и носило во многом патронатный или частный характер, инициируемый местным населением или казачеством. Тем не менее, государство, финансируя строительство монастырей и поддерживая их, косвенно признавало их медико-социальную роль. Поставленные в статье вопросы о порядке эвакуации раненых, уровне монастырского лечения и взаимодействии воевод с «медицинскими» монастырями открывают перспективы для дальнейших исследований истории повседневности, социальной истории и истории медицины на южных рубежах России.

Ключевые слова: южнорусский фронт, военная медицина, монастырская сеть, Аптекарский приказ, служилые люди, XVII век, история здравоохранения, казачество, Белгородская черта, лечение раненых

Для цитирования: Авксентьев М.В. (2026). Значение монастыря, как военно-медицинского центра в условиях южнорусского фронта XVII в. // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 8-23 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-8-23

Статья поступила: 11.11.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

Конфликт интересов: М.В. Авксентьев является аспирантом учредителя журнала – Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью.

© Авксентьев М., 2026

THE SIGNIFICANCE OF THE MONASTERY AS A MILITARY MEDICAL CENTER IN THE CONDITIONS OF THE SOUTH RUSSIAN FRONTIER OF THE 17TH CENTURY

M. V. Avksentyev
Bunin Yelets State University,
28, Kommunarov St., Yelets, 399770, Russia

Abstract

Introduction. This article examines the role of monasteries in the military medical support system on the southern borders of the Russian state in the 17th century. The relevance of this topic stems from the need for a comprehensive analysis of the factors that ensured the combat readiness of troops under the constant military threat from the Crimean and Nogai Khanates. The development of the southern Russian frontier was accompanied by the construction of fortified towns and the formation of a service class, which raised the pressing issue of organizing the treatment of the wounded and social support for the injured. Historiography has traditionally studied state medicine primarily through the work

of the Apothecary Prikaz, but the role of church institutions in this process remains underexplored. The article emphasizes that on the frontier, where the healthcare system was just emerging, monasteries could perform functions that went beyond purely religious ones, serving as centers of medical care and charity. **Materials and Methods.** The study's source material included published records of the Apothecary Prikaz, containing information on the provision of medication to troops, petitions from service personnel, and doctoral reports (medical opinions) from the 17th century. A combination of methodological approaches was employed. A microhistorical approach allowed for the reconstruction of specific aspects of the interactions between the state, church, and the military community in matters of treatment. A historical-systemic method was applied to examine monastic medicine as an element of the overall military medical support system. A historical-typological method was used to identify characteristic features of the organization of treatment in various types of monasteries (Cossack, hospital, and border). The works of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary medical historians were also consulted. **Results.** The study demonstrates that the development of military medicine in 17th-century Russia was unsystematic but progressive. The initiative came from the state, which, through the Apothecary Prikaz, organized the training of physicians, the procurement of medications, and, occasionally, the establishment of temporary hospitals. An analysis of documentary evidence, including doctors' tales cited in the article, demonstrates the severe nature of the wounds suffered by service personnel, requiring organized treatment. Under these conditions, monasteries on the southern frontier, often built simultaneously with towns and with treasury support, naturally became centers for medical care. The author identifies the specific features of monasteries such as Borshchev, Semiluki, and Pokrovsky Monasteries, which served not only as spiritual centers but also as unique hospitals and almshouses. Particular attention is given to Cossack monasteries, which served as treatment centers and shelters for Don Cossacks. As noted in the article, sources do not allow for a full assessment of the scale and methods of monastic treatment, nor the manner in which these institutions were financed from the treasury. **Conclusion.** The author concludes that a dual model of medical care emerged in the conditions of the southern Russian frontier of the 17th century. Along with the activities of the Apothecary Prikaz and regimental physicians, the monastic network played an important role, effectively compensating for the shortage of state-run medical institutions. Treatment in monasteries was often combined with caregiving (for the disabled, widows, and elderly Cossacks) and was largely patronage or private, initiated by the local population or Cossacks. Nevertheless, by funding the construction of monasteries and supporting them, the state indirectly recognized their medical and social role. The questions raised in this article about the evacuation of the wounded, the level of monastic treatment, and the interactions between military commanders and "medical" monasteries open up prospects for further research into the history of everyday life, social history, and the history of medicine on Russia's southern borders.

Keywords: southern Russian frontier, military medicine, monastery network, Apothecary Order, service people, 17th century, history of healthcare, Cossacks, Belgorod line, treatment of the wounded
For citation: Avksentyev, M.V. (2026). The Importance of the Monastery as a Military Medical Center in the South Russian Frontier of the 17th Century In *History: facts and symbols*, 1 (46), 8-17. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-8-23

Received: 11.11.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

Conflict of interest: M. V. Avksentyev is a graduate student at the journal's founder, Bunin Yelets State University. The founder has no involvement in the decision to publish this article.

© Avksentyev, M., 2026

1. Введение

Огромные территории в XVI–XVII в., растянувшиеся на Юге Российского государства, представляли существенный интерес для государственной власти по многим причинам, весомость которых подвигла правительство к совершению решительных шагов по освоению южных территорий. В 80-х гг. XVI в. Российское государство активизировало свою деятельность по расширению южных государственных границ [31, с. 33]. Однако продвижение на Юг имело свои особенности. Колонизация осуществлялась практически на незаселенных территориях. Это была пустынная, неосвоенная лесостепная зона, где хозяйственная деятельность человека не велась. Большей частью эта территория использовалась Крымским и Ногайским ханствами для прохода на территорию России с целью совершения своих опустошительных набегов. Поэтому одной из причин для Московского правительства была необходимость создания мер безопасности против военной угрозы. Такие меры, как сторожевые и станичные службы не могли полноценно создать систему безопасности против военной угрозы. Методы противодействия татарским набегам в 80-х гг. XVI в. были в той или иной мере определены. Дело в том, что через южную область проходили три основные дороги: Муравская, Изюмская и Кальмиусская (последние две обычно называли сакмами), по которым по которым татарские орды добирались до пределов Российского государства. Поэтому государством был выбран способ решения проблемы, как перекрытие этих дорог, что создаст препятствия для свободного прохода татарских войск. Главенствующая роль на начальных этапах борьбы была отдана городам-крепостям. В 1585 г. основывается г. Ливны, далее строится Воронеж (1586 г.), следом возникают города Елец, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов, что позволило к концу XVI в. создать линию городов-крепостей. Конечно, это не решило проблему полностью, но позволило в будущем использовать созданную линию пограничных городов для строительства сплошной оборонительной линии – Белгородской черты (1658 г.) [7, с. 76].

Основание городов на южном порубежье, конечно, оказало влияние на формирование общества, в котором преобладали служилые (военные) люди. Хозяйственное освоение было лишь на уровне обработки служилыми людьми полученных от государства наделов. Все это формировало социальный облик населения южного фронта России и организовывало их быт. Представляется, что одним из важных направлений должно было быть медицинское и социальное обеспечение в той мере, как это было возможно в тех условиях и того времени. В результате боевых действий и татарских набегов войска и гражданское население получали ранения, увечья, теряли жилища, орудия труда, запасы продовольствия и т. д. Естественным для государства как представляется должен был быть вопрос об организации лечения, первым делом, служилых людей, чтобы как можно раньше военный человек был поставлен в строй и мог далее продолжать исполнять свои военные обязанности.

2. Методы и материалы

Для исследования были привлечены, прежде всего, опубликованные архивные данные Аптекарского приказа в сборнике «Материалы для истории медицины в России»¹. Указанные архивные сведения, с применением микроисторического подхода, позволяют отчасти реконструировать процессы становления и организации военно-медицинского обеспечения на Юге России в XVII в. Также были привлечены историографические труды по истории медицины России, таких ученых как М. Б. Мирский, В. И. Бородулин, М. К. Кузьмин, М. М. Леви и другие. Ученые историки медицины в своих трудах комплексно рассматривали вопрос появления государственной медицины и в том числе затрагивали вопрос о военно-медицинском обеспечении. Комплексное изучение архивных данных Аптекарского приказа и историографических трудов открывает широкие возможности для исследования данной проблемы как в частных, так и в общих аспектах. При исследовании использовались как общенаучные методы, так и

¹ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 2 СПб. 1883; Материалы для истории медицины в России. Выпуск 4 СПб. 1885.

методы исторической науки: проблемно-хронологический, историко-системный, историко-типологический.

3. Результаты

Вопрос становления государственной медицины довольно подробно изучен учеными историками. Дореволюционные ученые одними из первых столкнулись с необходимостью анализа большого массива источников, касающегося истории медицины. Л. Ф. Змеев указывал на существенную источниковедческую проблему. С одной стороны он указывал на скудность исторических источников, с другой стороны он описал методологическую проблему работы с источниками того времени, которая, в частности, выражалась в недостаточной проработке источников и закреплении полученных результатов, т. к. при новом изучении приходилось опять анализировать те же источники и по тем же вопросам [9, с. 182, 183]. Я. А. Чистович сконцентрировался на изучении истории медицины с XVIII в. хотя все же сделал обобщенный исторический обзор становления медицины. По его мнению, первый военный госпиталь был создан по указу Петра Алексеевича от 25.05.1706 г. [29, с. 6]. В небольшом своем труде Н. П. Загоскин суммировано изложил путь возникновения медицины в России до реформ Петра Алексеевича. Ученый особо указал на отсутствие какой-либо централизованной системы медицинского обеспечения в XVII в., приходя к выводу, что в тот период преобладала народная медицина [8, с. 6,7]. М. Ю. Лахтин обратил свой взгляд на всеобщую медицину, где особо изучил становление военной медицины. По его мнению, в XVII в. войны стали более кровопролитными, и поэтому остро встал вопрос о системной организации медицинской помощи [14, с. 142]. В работе Н. Я. Новомбергского содержатся полемические тексты с предшествующими исследователями. Историк развивает мысль об ошибочности выводов ряда ученых в вопросе возникновения государственной медицины и, в частности, касаясь деятельности Аптекарского приказа [20, с. 81–83]. По его мнению, именно возникновение в XVII в. Аптекарского приказа является отправной точкой государственной медицины.

Историки советского периода продолжили исследования, начатые в дореволюционный период. Советский ученый Ф. Р. Бородулин в своих трудах акцентирует внимание на изучении вопроса появления, становления и развития военной медицины, при этом выходит за пределы России и рассматривает проблему в общемировом масштабе [2, с. 149]. Довольно интересным является труд Б. Д. Петрова, который в своих Очерках истории отечественной медицины, среди прочего обратил внимание на историю развития санитарии начиная от народной гигиены [21, с. 122]. Не менее значимым являются труды М. К. Кузьмина. Ученый всесторонне подходит к вопросу о развитии и становлении отечественной медицины, в том числе уделяет достаточное внимание военной медицине [11, с. 17].

Современные историки стали переосмысливать труды советских историков как в общем аспекте, так и в частных сторонах этого объемного проблемного вопроса. В частности, М. Б. Мирский писал, что в историографии советского периода имеются конъюнктурные работы, которые нельзя назвать научными [17, с. 3]. Исследователь предложил считать началом отечественной медицины создание Аптекарского приказа в XVI в. Отдельное направление в изучении истории медицины рассмотрел В. И. Бородулин, для которого представил интерес клиническая медицина, ее истоки и развитие. Он полагает, что благодаря научной революции в естествознании в XVII в. появилась возможность для рождения клинической медицины в России. По его мысли медицина в России развивалась в общеевропейском контексте [3, с. 53].

Из вышесказанного прослеживается основное направление исследовательского поиска. Для них было важным изучить историю медицины в общем контексте развития государственности. Показать, что Российское государство развивалось во многих направлениях, в том числе и в области медицины. Основой их выводов служило утверждение, что толчком к развитию

государственной медицины стало возникновение Аптекарского приказа¹, в котором были сконцентрированы все вопросы медицинского характера (обеспечение лекарствами, продажа лекарств, лечение и т.п.). Такая постановка вопроса заслуживает своего внимания, но этим не исчерпывается. Сам феномен государственной медицины намного шире и многогранен. К примеру, довольно важный вопрос – боеготовность войск, частью которой является здоровье военных людей. В этой части приведенные выше исследования не содержат детального изучения этого вопроса (это не было задачей исследований, хотя некоторые исследователи делали отсылки к обстоятельствам государственной инициативы по медицинскому обеспечению войск). Комплексный характер проблемы проявляется в необходимости изучения таких аспектов как, организация лечения раненых служилых людей, порядок финансирования лечения, взаимодействие военного командования и государственных структур и т.д. Данный аспект подробно рассматривается в статье А. А. Будко и Д. А. Журавлева «Военная медицина России к началу XVIII века» [4], где дан обзор комплексного вопроса возникновения и реализации военной медицины в России. Авторы статьи выделяют ряд важных аспектов становления войсковой медицины, отмечая, что главной проблемой была слабость российской государственности в XVII в. [4, с. 43]. И приходят к выводу, что «благодаря» опыту походов на Чигирин правительство приходит к необходимости создания военной госпитальной организации, что было начато реализовываться в 1682 г. [4, с. 50].

Общеисторический контекст безусловно необходим и важен, но наравне с общими вопросами необходимо акцентировать внимание и на частных вопросах. Это позволит увидеть в системе и во взаимосвязи комплексное становление и развитие военно-медицинского обеспечения. Среди ученых военных историков сложилось общее мнение, что с формированием стрелецкого войска царем Иваном Васильевичем были заложены основы военной медицины. По их мнению, Иван Васильевич высоко ценил медицину и поэтому при нем были созданы условия для появления иностранных врачей, что послужило базой для дальнейшего развития отечественной, и конечно, военной медицины. Связь развития медицины с интересом Ивана Васильевича к врачебному делу прослеживается и в решениях Стоглавого собора, где царь поставил проблему отсутствия организованной системы заботы о здоровье людей. Постановка царем этого вопроса дала основание ученым для выводов о государственном интересе к заботе о здоровье людей². В данном случае нужно признать, что решение Стоглавого собора не были реализованы в полной мере, но сама постановка вопроса именно царем, а не церковными иерархами указывает на наличие государственного интереса в этом вопросе.

В последующем царский интерес в области медицины вообще и в частности военной медицины в той или иной мере служил дальнейшим развитием этой области. Относительно вопросов здоровья военных нужно отметить следующие известные исторической науке действия государства по медицинскому обеспечению войск. Начатая при Иване Васильевиче выдача служилым людям денег на лечение продолжалась весь XVII в. В данном случае нужно признать, простая констатация факта выдачи денег на лечение не проливает свет на порядок реализации этого механизма, как учитывались выдаваемые денежные средства, каков порядок возврата если не было ранений или утратой не зависимо от причин денежных средств. Все это пока остается в области общего утверждения о выдаче служилым людям денег на лечение. Борис Годунов в 1605 г. по совету московских медиков Аптекарского приказа направил войскам, осаждавшим г. Кромы большое количество лекарств, т. к. возник большой мор и для 80-тысячного войска это могло закончиться катастрофически [30, с. 38, 39]. После воцарения Михаила Федоровича в 1620 г. составляется «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся

¹ Хотя здесь нужно признать единого мнения в этой части нет, как и в дате основания Аптекарского приказа. Но в едином согласны ученые, что развитие медицины в России началось именно с возникновения Аптекарского приказа.

² См. гл. 73 Стоглавого собора. Российское законодательство X-XX веков. Т.2.

до воинской науке» в котором устанавливалась система организации и финансирования войсковой медицины [25]¹. Но в данном контексте необходимо отметить замечания историка Г. П. Успенского, который отмечал, что «подлинные полковые врачи» в 1616 г. находились в списках «верховного Государственного Розряда», а также впоследствии военачальникам выдавались денежные средства для расходов на медицинские цели [27, с. 539]. Примечательно, что роль полковых лекарей возрастает, когда при Михаиле Федоровиче были созданы «полки иноземного ратного строя» [17, с. 32]. Хотя в то же время статус полкового лекаря не был престижным и оплаты были мизерными, тогда как придворные медики имели гораздо больший статус и оплату соответственно. Другим ярким примером государственной заботы о здоровье военных людей является указ Алексея Михайловича направление от 15 сентября 1654 г. группы лекарей в г. Смоленск для лечения ратных людей². При этом важно подчеркнуть в 1656 г. в Смоленске действовал временный военный госпиталь, финансирование которого осуществлялось за счет государственной казны [11, с. 38]. Нужно отметить, что это не единственная государственная забота о военных под Смоленском. Ранее в 1633 г. по царскому указу были направлены медицинские препараты для лечения военных людей, 56 наименований³. В 1654 году была открыта при Аптекарском приказе школа русских лекарей. Срок обучения составлял 5–7 лет, учеников набирали из детей стрельцов и духовенства. Первый набор составил 30 человек, но выпуск был досрочный в 1658 г. т. к. требовались специалисты в войсках. Из первого выпуска 17 человек были направлены в войска, остальные выполняли свою работу в Стрелецком приказе [12, с. 38,39].

Важно отметить, полномочия Аптекарского приказа не исчерпывались только медицинским обеспечением придворных лиц, но и производством, хранением, распространением лекарственных средств⁴. Дело в том, что начиная с 1581 г., со дня открытия первой аптеки в России монополия на производство, хранение, продажу лекарственных препаратов принадлежала аптекам [11, с. 41]. Лекарства военным могли быть отпущены безвозмездно по царской грамоте. Так 27 июня 1658 г. солдат Митька Иванов подает челобитную царю: «...я холоп твой ранен, пробит насквозь из карабина по самому животу и ниже... От той раны лежу во гноище и посию пору раны не затворились... Вели государь меня...излечить в аптеке», на что была сделана резолюция о выдаче необходимого количества лекарств безвозмездно⁵. Спрос на лекарства возрастал довольно быстро, и это повлекло необходимость создания в 1672 г. второй аптеки⁶.

11 июня 1672 г. по указу Алексея Михайловича князь А. А. Галицын должен был в Казани изготовить: «...двести ведер сосновых вершин намоча в вине...», а в Нижнем Новгороде сто ведер и «...послать то вино в Астрахань и давать то вино в Астрахане служивым людям от цинги»⁷.

¹ В данном случае нужно отметить, именно с даты составления первого Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, историки полагают возникновение государственного военно-медицинского обеспечения (см. к примеру Будко, А. А., Журавлев Д. А. Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. Сб. в 2 т. Т. I: Становление военной медицины России. В 3 кн. Кн. 1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX столетия / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. – М., 2010. С. 42).

² Материалы для истории медицины в России. Выпуск 2. СПб.1883. С. 145.

³ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 1. СПб.1881. С. 35, 36.

⁴ Нужно отметить, что с 40-х гг. XVII в. Аптекарский приказ расширяет круг лиц, которым мог он оказывать медицинскую помощь, и этот круг лиц выходил далеко за пределы царской семьи, а ранее с 30-х гг. XVII в. Аптекарский приказ также начинает отпускать лекарства за пределы царской семьи (хотя все действия были по указу государя).

⁵ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 3. СПб.1884. С. 719.

⁶ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 2. СПб.1883. С. 450.

⁷ Там же. С. 457.

Что касается военного госпитального лечения, то в отечественной историографии нашли отражение следующие факты. Троице-Сергиева Лавра является первым местом, где организовалась временная военная госпитальная организация, хотя причинами этому послужили печальные события 1611–1612 гг. – осады монастыря польско-литовскими войсками. Стихийная организация такого госпиталя показала достаточную эффективность лечения, как военных людей, так и гражданских, потому как в этом госпитале лечили не только военные ранения, но и от обычных заболеваний. Второй госпиталь, также имевший временный характер, был организован под Смоленском в 1656 г., во время войны с Польшей. Большое количество раненых военных (более 1000 человек) в результате второго Чигиринского похода в 1678 г. для Федора Алексеевича было причиной принятия ряда указов по организации лечения ратных людей¹. Для понимания картины ранений и причин такого поведения царя представляется правильным процитировать несколько докторских сказок (заключений), которые делали врачи Аптекарского приказа: *«Пушкарь Гераська Иванов – ранен: оторвало у левой руки персты и ладонь, да вышибло правый глаз и висок правый пробило до мозга, да у правой руки три пестра оторвало из пушки, да левая ж рука переломлена. Раны тяжелы. Пушкарь Сенька Иванов – ранен: из пушки опалило лицо, да у правой руки издробило кости; раны тяжелы; да левую руку издробило ж, и глаз вышибло левый и лоб изломало. Гришка Афанасьев – ране саблею: отрублен нос и верхняя губы и зубы передние отрублены. Рана тяжела. Алешка Федоров ранен: лицо из пушки и нос сишло. Мишка Кузьмин – ранен: у левой ноги перешиблена икра гранатным ядром...»*². Характер ранений был очень тяжелый, и учитывая степень тяжести и количества нуждающихся в лечении, Федор Алексеевич открыл временный военный госпиталь, это был третий госпиталь, на Рязанском подворье, а в связи с большим количеством раненых после были организованы места лечений на Казанском, Новгородском, Суздальском, Смоленском и Коломенских подворьях. Продолжая начатое, Федор Алексеевич в 1682 г. дал указ Аптекарскому приказу создать две больницы в Знаменском монастыре и на Гранатном дворе за Никитскими воротами, для лечения за счет государства *«...увечных и старых людей, служивых чинов, которые тяжелыми ранами на государевых службах изувечены...»*, который остался неисполненным [28, с. 31].

Изложенное выше демонстрирует процесс развития медицины, эволюцию отношения к ней государства и понимания ее как важной части обеспечения боеготовности войск. Остается, конечно, много проблемных вопросов, и один из них – это военная медицина на Юге России XVII в. Дело в том, что когда во 2-й половине XVI в. Российское государство начало активно осваивать южные территории, то это освоение хоть и имело комплексный характер, но с преобладанием военных действий. В этот период колонизации южного порубежья складывается специфическая территориальная зона, получившая в историографии наименование - фронтальная зона [31, с. 15]. Основание городов в границах фронта первоначально носило военно-оборонительное значение и с учетом такой специфики население городов, а с их развитием и уездов, состояло из служилых людей. В условиях постоянной военной угрозы хозяйственное освоение сводилось к обработке наделов, полученных в качестве жалования. Хотя и в этом случае могли быть исключения. Слишком большие владения не всегда могли быть полностью освоены ввиду постоянной военной угрозы или когда эти владения располагались на достаточно дальнем расстоянии от городов, сел, т. е. и мелся риск попасть в плен при встрече с татарами. Помимо угрозы со стороны татар были и другие военные вторжения. Так в 1618 г. Петр Сагайдачный со своим огромным войском совершил уничтожительный поход на южные города. Это вторжение принесло большие жертвы среди мирного и военного населения. В 30-е годы XVII в. когда Россия вела Смоленскую войну, татары воспользовались отсутствием большей части войск в южных городах и обрушились с грабительскими набегами. По приблизительным

¹ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 4 СПб. 1885. С.1007-1009.

² Там же. С. 1011-1015.

подсчетам в результате татарского вторжения в 1632 г. количество населения уменьшилось на 2 660 человек [16, с. 43]. Не перекрытая Муравская дорога в 1645 г. позволила около 40-тысячному татарскому войску совершить свой кровавый набег, в результате только захваченных в плен составляло около 10 000 человек [7, с. 108]. Атаманы с. Ступино Воронежского уезда в своей челобитной писали: *«Воюют нас крымские и ногайские люди – татаровя четвертой год... Не пашем мы хлеба, ржи и яри не сеем за частыми татарскими приходы четвертой год... многие татарские приходы большие, на боях мы, холопы твоих, на тех боях и на приступах татарове побивали и переранили многих и от тех ран стали мы увечны, бесконны и бессемейны»* [5, с. 102]. Челобитная атаманов указывает на три большие проблемы последствий военного вторжения: одна из них отсутствие возможности ведения хозяйственной деятельности на своих владениях, в том числе в результате увода скота, другая проблема носит социальный характер, когда в результате набега в плен могли быть захвачены в плен члены семьи, третьей проблемой было получение ранений в ходе боестолкновений. Следующий опустошительный набег татаров был в 1659/60 гг. Начало войны с Османской империей в 1672 г. также отразилось на городах южного пограничья.

Строительство городов на южном фронтире имело свои особенности. Обязательно при возведении города строился соборный храм и монастырь. В отличие от соборного храма монастырь не всегда строился. Строительство монастыря и последующее его содержание было преимущественно за счет государства. Причины, по которым строились монастыри, были различными, и в историографии не сложилось однозначного мнения по этому вопросу. И. К. Смолич, Д. И. Багaley, П. В. Никольский [1, с. 116; 19, с. 15; 26, с. 115] объясняли строительство монастырей на Юге России стремлением государства удовлетворить глубокую религиозность населения¹. Д. А. Ляпин акцентирует внимание на мировоззренческие взгляды людей того времени, для которых наличие церкви и монастыря есть внешняя форма идеи самоидентификации, что очень остро требовалось в условиях фронтальных отношений [15, с. 40]. Для В. Н. Глазьева монастыри — не что иное, как способ организации медико-социального обеспечения населения южного фронта, когда, получив ранения, увечья требовали медицинского лечения или для социального ухода за вернувшимися из плена (к примеру, покалеченные или старики), вдов, сирот [6, с. 79]. Проведение идеологической работы были причинами строительства монастырей на южном порубежье, к такому выводу пришел А. И. Папков который в одновременном строительстве города и монастыря видел эту главную причину [23, с. 110–115]. Эту идею разделяли также И. М. Покровский [24, с. 131] и Ю. А. Мизис [18, с. 91], дополняя ее юридическим аспектом: через строительство монастырей Российское государство выражало вове свои правопритязания на южные земли. Нужно отметить, что некоторые монастыри помимо всего прочего выполняли и военные задачи. Так Борщев монастырь был включен в единую линию военно-оборонительной защиты известной как Белгородская черта [7, с. 212]. К примеру, когда обострились Российско-Польские отношения в 1632 г. Борщев монастырь совместно со служилыми людьми, отразил нападения польских войск [5, с. 99].

Несмотря на создание Аптекарского приказа Русская Церковь в силу сложившихся традиций не переставала заботиться в той или иной мере о больных, сирых и убогих. По словам В. О. Ключевского, *«Церковь на Руси ведала тогда не одно только дело спасения душ: на нее возложено было много чисто земных забот, близко подходящим к задачам государства. Она является сотрудницей и нередко даже руководительницей мирской государственной власти в устройении общества и поддержании государственного порядка»* [10, с. 164]. Известно и о некоторых священнослужителях, которые довольно успешно занимались лечением. Патриарх

¹ А. И. Папков отмечал, что традиционно приписываемые монастырям южной окраины в XVII в. миссионерские функции не могли быть реализованы по причинам отсутствия коренного, туземного населения (см. Папков А.И. Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII вв. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 182. С. 213).

Никон занимался лечением, с 1672 г. принимал больных и с помощью религиозных обрядов и светских лекарств успешно лечил заболевших. Архиепископ Холмогорский и Вятский Афанасий при монастыре организовал аптеку, а также написал труд «Преосвященного Афанасия архиепископа Холмогорского и Вятского Реестр из доктурских наук». В монастырях при строительстве либо впоследствии сооружались больничные келии. Так в 1655 г. при строительстве Троицкого калязинского монастыря, келарь Иринарх построили келии для больных. Больничные келии были в Белгостицком монастыре, а в 1685 г. патриарх Иоаким указал новгородскому митрополиту Корнелию приписать к Софийскому дому Николаевский монастырь, а в монастыре устроить больницу. Архиепископ Вологодский и Белозерский Симон в 1678 г. устроил в Успенском горнем девичьем монастыре больницу. Эти примеры свидетельствуют о наличии в мировоззрении людей того времени отношения к монастырям, как и к лечебницам более того, монастырская медицина в тот период существовала наравне с народной медициной и естественно во многом были одинаковые подходы к лечению. Государственный интерес к размещению больниц в монастырях представляется вполне понятным и логичным. Русская Церковь являлась достаточно большой организационной силой, а также обладала большими владениями. У монастырей были свои вотчины, земли, крестьяне, что давало возможность создать материальную базу для обеспечения деятельности больниц. Кроме этого, монастыри обладали помещениями и имели административную структуру управления и подчинения, что для того времени было не мало важным.

В условиях южного фронта монастыри не были достаточно обеспеченными, хотя имели для этого все необходимое. Поэтому государство не прекращало материально поддерживать южные монастыри. Другой спецификой было постоянное военное соприкосновение, от чего некоторые монастыри могли быть полностью разорены и уничтожены. Особое отношение государства было к так называемым казацким монастырям. Эти монастыри хорошо были обеспечены наделами, а также пополняли свою казну за счет вкладов донских казаков [18, с. 46]. Такие монастыри служили донским казакам местом ухода за старыми казаками, лечили казаков после походов. Николо-Чернеевский монастырь в Тамбовском уезде долго служил для донских казаков местом лечения, отдыха и приюта на старость. Но с продвижением границы далее на юг, путь к монастырю увеличился и поэтому казаки стали располагаться в Борщевом монастыре Воронежского уезда. Важным в этом случае являлось отношение казаков к таким монастырям, которые можно охарактеризовать как патронатные. Казаки рассматривали монастыри как находящиеся под их попечением, против чего монастырское начальство особенно не возражало. Игумены таких монастырей даже использовали эти отношения в своих целях. Дело в том, что государству нужны были казаки как военная сила для ведения военных действий на Юге, поэтому всячески создавало казачеству разные прерогативы.

Борщев монастырь был мужским, и поэтому казачьи женщины не могли в нем лечиться или оставаться для ухода по старости. Для этого в Воронеже был построен Покровский женский монастырь куда «...въезжали их матери и сродницы...» [19, с. 22]. Учитывая связи монастыря с донским казачеством Покровский монастырь имел доходную вотчину по р. Форосань. Еще один казачий монастырь был построен в Усть-Медведицке бывшим игуменом Чернеева монастыря. Учитывая связь с донским казачеством, можно предположить, что он также выполнял функции аналогичным Борщева и Покровского монастырей. Другим монастырем, занимавшимся лечением и приютом был Семилукский Спасо-Преображенский монастырь. Строили монастырь местные жители Воронежа. Первыми насельниками монастыря стали полковые казаки, которые имели боевые раны и увечья. В последующем этот монастырь стал именоваться больничным. Монастырь выполнял роль больницы и приюта для инвалидов. Сам монастырь был на иждивении горожан, но к 50-м годам XVII в. по каким-то причинам горожане перестали содержать монастырь, что явилось для игумена монастыря основанием обратиться к государю за помощью. Государь выделил ряд владений монастырю, что крайне не понравилось местному населению, посчитавшему, что монастырь вторгся в их владения (что довольно было частыми

причинами раздора между местным миром и монастырями на южной территории). После 60-х годов XVII в. монастырь видимо теряет свою актуальность и сведения о нем за эти периоды отсутствуют.

Сведений о том, как лечили в монастырях и каков был состав лекарей, на данный момент не обнаружено. Неизвестно также, принимали ли монастыри действующих военных, как оформлялось их помещение на лечение и составлялись ли какие-либо «сказки» о характере ранений. Также не известно, учитывая, что финансирование лечения осуществлялось за счет государства, были ли со стороны государства финансовое обеспечение лечения в этих монастырях. С другой стороны, если государство строило одновременно с городом монастырь (в условиях южной колонизации), то это не свидетельствует в том числе об однозначном медицинском их назначении. Успенский монастырь Воронежа не оказывал лечение раненым военным, так же, как и Акатов монастырь. Конечно, можно предположить о развитой народной медицины на фронтирной территории. Но это пока остается в области предположений исходя из общих сведений. С развитием Аптекарского приказа развивалась и медицина, и как показано было выше это развитие не было системным. Одним из полномочий Аптекарского приказа было сбор трав для приготовления лекарств. В материалах Аптекарского приказа есть царская грамота от 3 января 1663 г., согласно которой воронежцу Сеньке Чиненому нужно было собрать сто пудов «*солоткое коренье*» и отправить в Москву в Аптекарский приказ¹. Это может свидетельствовать об активной деятельности Аптекарского приказа, который собирал разные сведения о том, где и в какой области растут травы, из которых можно готовить лекарства. Вполне возможно были и другие взаимодействия с Аптекарским приказом.

Оказываемая помощь в монастырях носила все же частный характер и в развивающемся государстве, и при таком большом количестве боестолкновений нельзя признать, что в такой форме было достаточным медицинское обеспечение. Если допустить, что лечение являлось делом рук самих раненых, то, скорее всего, речь могла идти только о легких ранениях, а если тяжелораненые, то их необходимо было транспортировать в места лечения. При этом нужно учитывать и количество раненых, и тот факт, что не сложилось единой системы управления, так как полномочия были рассредоточены по разным приказам. Некоторые исследователи соотносят оказание медицинской помощи с тактикой ведения боевых действий XVII в., указывая, что существовала так называемая система «лечение раненых на месте». Это означает, что медицинская помощь раненым, в ее оптимальном варианте, оказывалась в ближайших к сражению монастырях, населенных пунктах либо государство выделяло денежные средства на лечение в постоянных домах [13, с. 175]. Но все же нужно отметить, в войсках была система учета. С 1616 г. государство снабжало войска медикаментами, которые подлежали строгому учету. Полковым лекарям вменялось вести учет раненых и больных, а также расходную книгу по затраченным лекарствам на лечение каждого военнослужащего. Очень часто, учитывая значимость, лекарственных средства и книга учетов расходов находилась у воеводы [4, с. 45]. Воеводы также в случае нехватки медикаментов или лекарей обращались с челобитными: «*В полку у нас холопей твоих лекарь один и лекарства у него мало, раненых лечить некому, а один лекарь лечить не успеает*», на что обычно Аптекарский приказ реагировал быстро и при наличии испрашиваемого направлял челобитчикам [4, с. 46].

4. Заключение

Военная медицина Российского государства в XVII в. зарождалась и развивалась в общем контексте развития медицины в целом. Инициативу в этой области проявляло именно государство, т. к. это было в его интересах. Большое количество военных действий, эпидемий требовали от правительства принятия действенных мер по сохранению жизни и здоровью населения. Как было показано озабоченность вопросом здравоохранения была высказана в XVI в. царем Иваном Васильевичем. На начальных этапах это конечно было эпизодическим и не си-

¹ Материалы для истории медицины в России. Выпуск 2 СПб.1883. С. 230, 231

стемным, кроме организации медицинского обеспечения царя и его семьи. В последующем эта инициатива развивалась в различной интенсивности и направленности. Большой проблемой было отсутствие в России медицинской науки, школ, что не позволяло транслировать знание и опыт. Для этих целей государство несло большие расходы на иностранных врачей. Когда Россия начала активно осваивать южные территории возник вопрос и о лечении военных людей. Эти цели достигались в том числе включением монастырей в лечебное дело. Мы видели, что такое лечение по своему характеру было скорее частной инициативой местного населения или казаков. По объему оно больше напоминало функции богаделен, нежели систематическое лечение боевых ранений — по крайней мере, известные источники не сообщают об ином. Если же учитывать, что медицинское лечение военнослужащих зависело от военно-тактических мероприятий, т. е. «лечение раненых на месте», то в данном случае не совсем ясно, где и как лечили тяжелораненых, как их транспортировали. В 70-е годы XVII в. все эти вопросы должны были решать специалисты Аптекарского приказа, которые были уполномочены в том числе и на проведение медицинской экспертизы. Они осматривали раненых, составляли заключение (докторские сказки), занимались лечением. По результатам второго Чигиринского похода был создан временный военный госпиталь в Москве, а также применена эвакуация большого количества раненых военнослужащих с последующим размещением их в госпитале. И если мы исходим из утверждения о наличии развитой сети монастырской медицины для служилых людей на Юге России в XVII в., то возникает необходимость поиска ответов, в частности на вопрос о причинах создания военного госпиталя в Москве Федором Алексеевичем в 1678 г. для раненых служилых людей, принявших участие в Чигиринском походе, при наличии действующей системы монастырской медицины, затратив при этом средства на их эвакуацию, когда можно было бы их разместить в монастырях южных окраин; затронула ли развитие государственной медицины развитие монастырской медицины; вполне возможно монастыри были простыми богадельнями, а больничные келии служили для насельников монастыря и т.д.

Поэтому представляется актуальным изучение комплексного вопроса монастырской медицины на Юге России XVII в., ее вовлеченность, порядок обеспечения, кто лечил, как распределялись военнослужащие по монастырям, был ли у воевод список «медицинских» монастырей и многое другое. Эти вопросы позволят комплексно изучить историю южного фронта (порубежья) России XVII в.

Список источников и литературы

1. Багалеи, Д. И. (1887) Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: В Университетской типографии (М. Катков) на Страстном бульваре, 571 с.
2. Бородулин, Ф. Р. (1961) История медицины. Избранные лекции. М.: Государственное издательство медицинской литературы МЕДГИЗ, 250 с.
3. Бородулин, В. И. (2015) Клиническая медицина от истоков до 20-го века. М.: Российское общество историков медицины, 475 с.
4. Будко, А. А., Журавлев Д. А. (2010) Военная медицина России к началу XVIII века. Первый госпиталь и военная медицина России: 300 лет служения Отечеству. Сб. в 2 т. Т. I: Становление военной медицины России. В 3 кн. Кн. 1: Военная медицина и Московский госпиталь в XVIII – начале XIX столетия / Под общ. ред. Н. Л. Крылова, В. М. Клюжева, И. Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, С. 41–52.
5. Глазьев, В. Н. (2024) История Воронежского края в конце XVI – начале XVIII века: люди и власть; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 283 с.
6. Глазьев, В. Н. (2018) Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках; Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 270 с.

7. Загоровский, В. П. (1969) Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 291 с.
8. Загоскин, Н. П. (1891) Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Типография Императорского университета, 72 с.
9. Змеев, Л. Ф. (1896) Чтения по врачебной истории России. Санкт-Петербург: типография В. Демакова, 252 с.
10. Ключевский В. О. (2011) Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 1197 с.
11. Кузьмин, М. К. (1973) Лекции по истории русской медицины. Медицина в Московском государстве (XVI–XVII вв.). Лекция вторая. М.: Типография В/О «Внешторгиздат», 53 с.
12. Кузьмин, М. К. (1978) История медицины. М.: Издательство «Медицина», 196 с.
13. Кульнев, С.В., Котив, Б. Н., Крючков, О. А. Мавренков Э. М. (2018) Развитие систем оказания медицинской помощи ранены, больным и пострадавшим в военных конфликтах прошлого и настоящего. СПб.: Вестник Российской военно-медицинской академии. 4 (64) 174–180 с.
14. Лахтин, М. Ю. (1902) Этюды по истории медицины. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 191 с.
15. Ляпин, Д. А. (2022) Монастырь на окраине царства: о роли монастырей в жизни общества Юга России XVII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 3 (19). С. 34–42.
16. Ляпин, Д.А. (2020) На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке. СПб.: Дмитрий Буланин, 416 с.
17. Мирский, М. Б. (1996) Медицина России XVI–XIX веков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 400 с.
18. Мизис, Ю. А. (2022) На южных рубежах Московского государства: монография: в 3 кн. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 года). Тамбов: Издательский дом «Державинский», 236 с.
19. Никольский, П. В. (1909) Монашество на Дону. Воронеж: Типо-Литография т-ва «Н. Кравцов и К^о», Больш. Дворян. д. д-ра Столь, 326 с.
20. Новомбергский, Н. Я. (1907) Врачебное строение в допетровской Руси. Томск: паровая типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 388 с.
21. Петров, Б. Д. (1962) Очерки истории отечественной медицины. М.: государственное издательство медицинской литературы, 302 с.
22. Папков, А.И. (2019) Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронта на Юге России в XVI–XVII вв. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 24, № 182. С. 209–219.
23. Папков, А. И. (2011) Освоение Российским государством своих южных окраин и основание монастырей в конце XVI — начале XVII веков / А.И. Папков; НИУ БелГУ // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. №7(102), вып.18. С. 110–115.
24. Покровский И. М. (1897) Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т.1. Казань: типо-лит. Императорского Ун-та, 534 с.
25. Радишевский О.М. (1777, 1781) Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч.1. СПб.: при Государственной военной коллегии, 236 с.; Ч. 2. СПб.: при Государственной военной коллегии, 236 с.
26. Смолич, И. К. (1997) Русское монашество. М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 607 с.
27. Успенский, Г. П. (1818) Опыт повествования о древностях русских. Харьков: В Университетской типографии, 815 с.

28. Хмыров М. Д. (1869) Русская военно-медицинская старина. ВМЖ. Январь. Подотдел VII. 257 с.
29. Чистович, Я. А. (1883) История первых медицинских школ в России. СПб.: типография Якова Трея, 662 с.
30. Щербатов, М. М. (1774) Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб.: типография Сухопутного кадетского корпуса, 227 с.
31. Южный и юго-восточный фронт России с XVI–XVIII века (2024): очерки истории. Монография. Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 864 с.

References

1. Bagalei, D. I. (1887). *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state]. Moscow, V Universitetskoi tipografii (M. Katkov) na Strastnom bul'vare. (in Russian).
2. Borodulin, F. R. (1961). *Istoriya meditsiny. Izbrannye lektsii* [History of medicine. Selected lectures]. Moscow. (in Russian).
3. Borodulin, V. I. (2015). *Klinicheskaya meditsina ot istokov do 20-go veka* [Clinical medicine from its origins to the 20th century]. Moscow. (in Russian).
4. Budko, A. A., Zhuravlev, D. A. (2010). *Voennaya meditsina Rossii k nachalu XVIII veka. Pervyi gosptial' i voennaya meditsina Rossii: 300 let sluzheniya Otechestvu* [Military medicine in Russia by the beginning of the 18th century] in Krylova, N. L., Klyuzheva, V. M., & Maksimova, I. B. (Eds.). *Stanovlenie voennoi meditsiny Rossii. V 3 kn. Kn. 1: Voennaya meditsina i Moskovskii gosptial' v XVIII - nachale XIX stoletiya*. 41-52. Moscow. (in Russian).
5. Glaz'ev, V. N. (2024). *Istoriya Voronezhskogo kraya v kontse XVI - nachale XVIII veka : lyudi i vlast'* [History of the Voronezh region in the late XVI - early XVIII century: people and power]. Voronezh, Izdatel'skii dom VGU. (in Russian).
6. Glaz'ev, V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uezda v kontse XVI-XVII vekakh* [Essays on the history of the city of Voronezh and Voronezh district in the late XVI-XVII centuries]. Voronezh, Izdatel'skii dom VGU. (in Russian).
7. Zagorovskii, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta* [Belgorod line]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. (in Russian).
8. Zagoskin, N. P. (1891). *Vrachi i vrachebnoe delo v starinnoi Rossii* [Doctors and medicine in ancient Russia]. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo universiteta. (in Russian).
9. Zmeev, L. F. (1896). *Chteniya po vrachebnoi istorii Rossii* [Readings on the medical history of Russia]. St. Petersburg, tip. V. Demakova. (in Russian).
10. Klyuchevskii, V. O. (2011). *Kurs russkoi istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [Course of Russian history. Complete edition in one volume]. Moscow, «Izdatel'stvo ALFA-KNIGA». (in Russian).
11. Kuz'min, M. K. (1973). *Lektsii po istorii russkoi meditsiny. Meditsina v Moskovskom gosudarstve (XVI-XVII vv.). Lektsiya vtoraya* [Lectures on the history of Russian medicine. Medicine in the Moscow State (XVI-XVII centuries). Lecture two]. Moscow. (in Russian).
12. Kuz'min, M. K. (1978). *Istoriya meditsiny* [History of medicine]. Moscow. (in Russian).
13. Kul'nev, S.V., Kotiv, B. N., Kryuchkov, O. A., & Mavrenkov, E. M. (2018). Razvitie sistem okazaniya meditsinskoi pomoshchi raneny, bol'nym i postradavshim v voennykh konfliktakh proshlogo i nastoyashchego [Development of medical care systems for the wounded, sick and injured in military conflicts of the past and present]. in *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoi akademii*, 4 (64), 174-180. (in Russian).

14. Lakhtin, M. Yu. (1902). *Etyudy po istorii meditsiny* [Studies on the history of medicine]. Moscow. (in Russian).
15. Lyapin, D. A. (2022). Monastyr' na okraine tsarstva: o roli monastyrei v zhizni obshchestva Yuga Rossii XVII veka [Monastery on the outskirts of the kingdom: on the role of monasteries in the life of society in the South of Russia in the 17th century]. in *Palearosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*, 3 (19), 34-42. (in Russian).
16. Lyapin, D.A. (2020). *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the outskirts of the kingdom: everyday life of the population of the South of Russia in the 17th century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin. (in Russian).
17. Mirskii, M. B. (1996). *Meditsina Rossii XVI-XIX vekov* [Medicine of Russia in the 16th-19th centuries]. Moscow, «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN). (in Russian).
18. Mizis, Yu. A., Napol'nikova, P.K. (2022). Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva : monografiya : v 3 kn. Kn. 1. Istoriya zaseleniya i osvoeniya Tambovskogo i Kozlovskogo uezdov XVI-XVII vv. (do 1635 goda) [On the southern borders of the Moscow state: a monograph: in 3 books. Book 1. History of settlement and development of Tambov and Kozlov districts in the 16th-17th centuries (until 1635)]. Tambov, Izdatel'skii dom «Derzhavinskii». (in Russian).
19. Nikol'skii, P. V. (1909). *Monashestvo na Donu* [Monasticism on the Don]. Voronezh. (in Russian).
20. Novombergskii, N. Ya. (1907). *Vrachebnoe stroenie v dopetrovskoi Rusi* [Medical system in pre-Petrine Russia]. Tomsk. (in Russian).
21. Petrov, B. D. (1962). *Ocherki istorii otechestvennoi meditsiny* [Essays on the history of Russian medicine]. Moscow. (in Russian).
22. Papkov, A. I. (2019). Gosudarstvenno-tserkovnoe vzaimodeistvie v usloviyakh frontira na Yuge Rossii v XVI-XVII vv. [State-church interaction in the conditions of the frontier in the South of Russia in the 16th-17th centuries]. in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 24(182), 209-219. (in Russian).
23. Papkov, A. I. (2011). Osvoenie Rossiiskim gosudarstvom svoikh yuzhnykh okrain i osnovanie monastyrei v kontse XVI - nachale XVII vekov [Development of its southern outskirts by the Russian state and the foundation of monasteries at the end of the 16th - beginning of the 17th centuries]. in *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 7(102)(18), 110-115. (in Russian).
24. Pokrovskii, I. M. (1897). *Russkie eparkhii v XVI--XIX vv., ikh otkrytie, sostav i predely* [Russian dioceses in the 16th--19th centuries, their opening, composition and boundaries], Vol. 1. Kazan'. (in Russian).
25. Radishevskii, O.M. (1777-1781). *Ustav ratnykh, pushechnykh i drugikh del, kasayushchikhsya do voinskoj nauki* [Charter of military, cannon and other matters relating to military science], Pt. 1 (1777), Pt. 2 (1781). St. Petersburg. (in Russian).
26. Smolich, I. K. (1997). *Russkoe monashestvo* [Russian monasticism]. Moscow. (in Russian).
27. Uspenskii, G. P. (1818). *Opyt povestvovaniya o drevnostyakh russkikh* [An essay on Russian antiquities]. Khar'kov. (in Russian).
28. Khmyrov, M. D. (1869, Yanvar'). *Russkaya voenno-meditsinskaya starina* [Russian military-medical antiquity]. in *Voенно-meditsinskii zhurnal, Podotdel VII*, 257. (in Russian).
29. Chistovich, Ya. A. (n.d.). *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii* [History of the first medical schools in Russia]. St. Petersburg. (in Russian).

30. Shcherbatov, M. M. (1774). *Kratkaya povest' o byvshikh v Rossii samozvantsakh* [A short story about the impostors in Russia]. St. Petersburg. (in Russian).

31. *Yuzhnyi i yugo-vostochnyi frontir Rossii s XVI--XVIII veka: ocherki istorii* [The southern and south-eastern frontier of Russia in the 16th -18th centuries: essays on history]. (2024). Rostov-na-Donu, ООО «Al'tair». (in Russian).

**ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА НА ПРИМЕРЕ ЖАЛОБЫ
ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ П.Л. НОВИКОВА НА ВОРОНЕЖСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА В.З. КОЛЕНКО**

Д.В. Ливенцев

*Воронежский государствен-
ный аграрный университет*

им. императора Петра I,

ул. Мичурина, 1, Воронеж, 394087, Россия

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности повседневной жизни дореволюционного провинциального театра на примере жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко. **Материалы и методы.** Для исследования были привлечены различные исторические методы. Проблемно-хронологический метод последовательность развития конфликта между театральным деятелем П.Л. Новиковым и воронежским губернатором действительным статским советником В.З. Коленко. Материалами для научной статьи послужили архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), в которых содержится информация о подаче П.Л. Новиковым официальной жалобы на Воронежского губернатора и реакции на нее представителей государственной власти Российской Империи. Издания историков и других ученых, занимающихся проблемами истории российской государственной власти и истории дореволюционного театра, послужили основой для реконструкции конкретно-исторических условий начала и последующего развития конфликта между театральным деятелем П.Л. Новиковым и воронежским губернатором действительным статским советником В.З. Коленко. **Результаты.** В статье анализируются основные события, ставшие поводом для жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко. Подтверждаются и опровергаются факты, приводимые в жалобе театрального деятеля П.Л. Новикова, направленной на имя министра внутренних дел Российской Империи. Обосновываются объективные причины для возникновения и развития конфликта между театральным деятелем П.Л. Новиковым и воронежским губернатором действительным статским советником В.З. Коленко. Через общую оценку позиций сторон конфликта характеризуется ряд особенностей присутствующих повседневной жизни дореволюционного провинциального театра. Прослеживается последовательность реакции российских официальных государственных структур на жалобу театрального деятеля П.Л. Новикова. Выявляется становление взаимоотношений между государственной властью и гражданским обществом в дореволюционной России. Исследуется соотношение возможностей сторон конфликта для его последующего успешного разрешения. **Заключение.** В заключении приходим к выводу о том, что для подачи жалобы на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко у театрального деятеля П.Л. Новикова были свои административные причины, связанные с недобросовестным руководством театральной труппой. Театральный деятель П.Л. Новиков хотел при помощи жалобы

на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко скрыть ряд собственных финансовых правонарушений.

Ключевые слова: дореволюционный провинциальный театр, повседневная жизнь, Воронежский зимний театр, театральный деятель, воронежский губернатор, официальная жалоба, министерство внутренних дел, официальная государственная власть, губернаторская ложа, воронежский полицмейстер, театральная труппа, столичная пресса, денежные выплаты.

Для цитирования: Ливенцев Д.В. (2026). Особенности повседневной жизни дореволюционного провинциального театра на примере жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 24-32 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-24-32

Статья поступила: 12.11.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Ливенцев Д., 2026

**THE PECULIARITIES OF THE DAILY LIFE
OF A PRE-REVOLUTIONARY PROVINCIAL THEATER
ON THE EXAMPLE OF A COMPLAINT
THEATRICAL FIGURE P.L. NOVIKOV TO THE VORONEZH GOVERNOR,
FULL STATE COUNCILOR V.Z. KOLENKO**

*D. V. Livensev
Emperor Peter I Voronezh State
Agrarian University
1 Michurina St., Voronezh, 394087, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the peculiarities of the daily life of the pre-revolutionary provincial theater on the example of the complaint of theatrical figure P.L. Novikov against the Voronezh governor, State Councilor V.Z. Kolenko. **Materials and methods.** Various historical methods were used for the study. The problem-chronological method is the sequence of the development of the conflict between the theatrical figure P.L. Novikov and the Voronezh governor, State Councilor V.Z. Kolenko. The materials for the scientific article were the archival funds of the State Archive of the Russian Federation (GA RF), which contain information about P.L. Novikov's filing of an official complaint against the Voronezh Governor and the reaction of representatives of the state authorities of the Russian Empire to it. The publications of historians and other scientists dealing with the problems of the history of Russian state power and the history of the pre-revolutionary theater served as the basis for reconstructing the specific historical conditions of the beginning and subsequent development of the conflict between the theatrical figure P.L. Novikov and the Voronezh governor, full state Councilor V.Z. Kolenko. **Results.** The article analyzes the main events that became the reason for the complaint of the theatrical figure P.L. Novikov against the Voronezh governor, State Councilor V.Z. Kolenko. The facts cited in the complaint of theatrical figure P.L. Novikov, addressed to the Minister of Internal Affairs of the Russian Empire, are confirmed and refuted. The objective reasons for the emergence and development of the conflict between the theatrical figure P.L. Novikov and the Voronezh governor, State Councilor V.Z. Kolenko, are substantiated. Through a general assessment of the positions of the parties to the conflict, a number of features inherent in the daily life of the pre-revolutionary provincial theater are characterized. The sequence of the reaction of the Russian official state structures to the complaint of the theatrical figure P.L. Novikov is traced. The article reveals the formation of the relationship between state power and civil society in pre-revolutionary Russia. The correlation of the possibilities of the parties to the conflict for its subsequent successful resolution is

investigated. **Conclusion.** In conclusion, we conclude that the theatrical figure P.L. Novikov had his own administrative reasons for filing a complaint against the Voronezh governor, acting State Councilor V.Z. Kolenko, related to the unfair management of the theater troupe. Theatrical figure P.L. Novikov wanted to conceal a number of his own financial offenses with the help of a complaint against the Voronezh governor, acting state Councilor V.Z. Kolenko.

Keywords: pre-revolutionary provincial theater, everyday life, Voronezh Winter Theater, theatrical figure, Voronezh governor, official complaint, Ministry of Internal Affairs, official state authority, governor's lodge, Voronezh police chief, theater troupe, metropolitan press, cash payments.

For citation: Livensev D.V. (2026). The peculiarities of the daily life of the pre-revolutionary provincial theater on the example of the complaint of the theatrical figure P.L. Novikov against the Voronezh Governor, State Councilor V.Z. Kolenko In *History: facts and symbols*, 1 (46), 24-32. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-24-32

Received: 12.11.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Livensev D., 2026

*«Кто сказал, что здесь задворки мира?
Это край, где любят до конца,
Как в седых трагедиях Шекспира –
Сильные и нежные сердца!»
Александр Ойслендер*

1. Введение

Взаимоотношения представителей государственной власти Российской Империи и творческой интеллигенции можно назвать сложными и неоднозначными. Практически речь идёт о взаимодействии гражданского общества и государственных структур в дореволюционной России. Некоторые особенности повседневной жизни дореволюционного провинциального театра можно рассмотреть на примере жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко.

Именно особенности истории взаимоотношений театральных деятелей и государственных чиновников Российской Империи и исследуются в данной научной статье. Надо отметить, что конфликт между театральным деятелем П.Л. Новиковым и воронежским губернатором действительным статским советником В.З. Коленко раскрывает многие малоизвестные для специалистов и любителей отечественной истории аспекты.

2. Материалы и методы

Основу статьи составили документы фондов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), дающие полное представление о возникновении и последующем развитии конфликта между театральным деятелем П.Л. Новиковым и воронежским губернатором действительным статским советником В.З. Коленко [5].

Информацию об истории дореволюционного воронежского театра содержит брошюра Н.И. Данилова [6]. Газета «Петербургский листок» на своих страницах излагает неизвестные читателя факты о финансовых махинациях театрального деятеля П.Л. Новикова [3].

Из современных исследователей истории воронежского академического театра необходимо, прежде всего, упомянуть научные труды известного искусствоведа З.Я. Анчиполовского [2] [3].

В научной статье использовался ряд произведений театрального деятеля П.Л. Новикова написанных для российского дореволюционного театра [5; 10; 11; 13]. Краткая статья о

театральном деятеле П.Л. Новикове есть в обширном справочном издании по истории театра под авторством И.Ф. Масанова [9].

Если говорить, о воронежском губернаторе действительном статском советнике В.З. Коленко, то сведения о нем можно найти в дореволюционном альманахе об отечественных государственных деятелях [1]. Ряд научных изданий до 1917 г. помогает проследить родственные связи воронежского губернатора В.З. Коленко [7; 8]. Работа действительного статского советника В.З. Коленко в плане взаимодействия с гражданским обществом получила оценку в научной статье современного исследователя А.В. Филимонова [13].

Упомянутые документы архивных фондов ГА РФ, издания, энциклопедические справочники и научные статьи стали основой для характеристики особенностей повседневной жизни дореволюционного провинциального театра на примере жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко в исследуемый истории чешской период.

3. Результаты

В дореволюционной повседневной театральной жизни нередко бушевали настоящие шекспировские страсти. Достаточно привести подробности конфликта на основе жалобы театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко.

Прежде всего, давайте рассмотрим личности участников конфликтной ситуации.

Театральный деятель, дворянин П.Л. Новиков (сценический псевдоним Скуратов) был известен своей режиссерской, антрепренерской и актерской работой. П.Л. Новиков перевел и написал целый ряд пьес для российского дореволюционного театра:

- «Горе побежденным: Комедия в 3 действиях» [5].
- «Изгнанница: Драма в 3 действиях с французского Габорио: (Из романа Прево: «Манон Леско»)» [11].
- «Старые маски Пьеса в 5 миниатюрах с прологом» [11].
- «Узы любви и крови: Комедия в 4 действиях» [12].

Известный актер П.Л. Новиков-Скуратов создал на столичной и провинциальной сцене образы персонажей:

- Гамлета.
- Чацкого.
- Фердинанда.
- Незнамова.
- Отелло.
- Уриеля Акосты [9, с. 271].

В свою очередь, статский советник и воронежский губернатор В.З. Коленко успел на момент возникновения конфликта сменить несколько важных государственных постов:

1. Плоцкий вице-губернатор.
2. Председатель специальной правительственной комиссии по финансовым злоупотреблениям в городе Плоцке.
3. Иркутский губернатор.
4. Якутский губернатор.
5. Вологодский губернатор.

Младший брат воронежского губернатора В.З. Коленко являлся известным ученым-минерологом и профессор Московской горной академии. В дореволюционной России он исследовал научные проблемы:

- Геологического происхождения Заонежья [7].
- Полярного электричества кварца [8].

Воронежский губернатор В.З. Коленко являлся камергером императорского двора, почетным гражданином города Якутска, имел орден Св. Станислава 1-й степени [1, с. 767]. Современный ученый А.В. Филимонов утверждает, что воронежский губернатор В.З. Коленко достаточно эффективно взаимодействовал с местными общественными организациями и поддерживал их при помощи административного ресурса [13, с. 65].

Рисунок 1. Воронежский губернатор В.З. Коленко

Figure 1. Voronezh Governor V.Z. Kolenko

Как уже упоминалось, конфликт начался с жалобы дворянина и театрального деятеля П.Л. Новикова на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко, которая была направлена в министерство внутренних дел Российской Империи 20 февраля 1896 г. Артист и режиссер заявил, что труппа воронежских артистов стала жертвой необыкновенного произвола со стороны воронежского губернатора. П.Л. Новиков указал на следующие неприемлемые действия местных властей:

1. Чиновники увеличили сумму ежедневного кассового сбора для лиц, обслуживающих театр с 10 до 50 %.

2. На жалобу, поданную воронежскому полицмейстеру, местный губернатор приказал отбирать у театральной труппы всю кассу в пользу наемных сотрудников ¹.

3. Губернатор потребовал от театральной труппы выплаты крупной денежной суммы за освещение помещения театра.

4. Губернатор заявил, что надо вернуть в театральную труппу, уволенную за нарушение договора цеховую артистку Демидову (сценический псевдоним Дарьяла), пожелал, чтобы

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. 102. Оп. 53. Д. 16 ч. 40. Л. 1-2

данной артистке выплатили 179 руб. денежной неустойки. При этом на П.Л. Новикова давили чины полицейского управления, а губернатор угрожал выгнать его из города.

5. Губернатор вместо своего кресла занимал в течение 88 спектаклей с семьей и друзьями губернаторскую ложу.

6. Губернатор полностью удержал всем актерам за февраль 1896 г. новогодние праздничные денежные выплаты. Жалованье получила только госпожа Демидова. На наш взгляд, вероятно, этой фразой театральный деятель П.Л. Новиков намекал вышестоящему начальству об особых личных отношениях между артисткой Демидовой и воронежским губернатором В.З. Коленко.

7. Чиновники особых поручений при воронежском губернаторе Левицкий и Вышесловцев начали расследование работы П.Л. Новикова на посту главного режиссера¹.

8. Чиновники особых поручений при воронежском губернаторе Левицкий и Вышесловцев склоняли написать жалобу на П.Л. Новикова артистов Ратмирова и Лидина.

9. Все выплаты театральной труппе в обход главного режиссера производились полицейским чиновником Безбородковым. Данный полицейский чин толкнул девушку, исполнявшую обязанности кассира, при изъятии денежной суммы, о чем был составлен соответствующий протокол.

10. На многолетнюю профессиональную карьеру театрального деятеля П.Л. Новикова воронежские власти решили наложить незаслуженное репутационное пятно.

Рисунок 2. Воронежский городской зимний театр

Figure 2. Voronezh City Winter Theater

¹ Там же.

В результате театральный деятель П.Л. Новиков просил у министра внутренних дел И.Л. Горемыкина:

1. Заставить воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко отчитаться по расходам театральной кассы.

2. Предписать воронежскому губернатору, выплатить деньги за губернаторскую ложу в течение театрального сезона.

3. Возбудить против воронежского губернатора уголовное дело о превышении властных полномочий.

К своей жалобе театральный деятель П.Л. Новиков приложил в качестве доказательств ряд официальных документов: деловые расписки, служебные договоры, распоряжения губернской канцелярии, денежные отчёты театральной труппы ¹.

В ответ, воронежский губернатор действительный статский советник, камергер императорского двора В.З. Коленко 23 апреля 1896 г. направил официальную бумагу в департамент полиции министерства внутренних дел Российской Империи, где утверждал, что театральный деятель П.Л. Новиков намеренно клеветает на него и ходатайствовал о возбуждении уголовного преследования по данному факту ².

В свою очередь, товарищество воронежских артистов направило воронежскому полицмейстеру коллективное письмо в поддержку честного имени театрального деятеля П.Л. Новикова ³.

Проведенное расследование привело к тому, что официальная власть встала на сторону воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко. Так, столичная газета «Петербургский листок» напечатала статью под авторством актера из театральной труппы П.Л. Новикова с названием «Голодные актеры», которая приводила многочисленные случаи его служебных финансовых злоупотреблений [2, с. 6]. Следственные мероприятия подтвердили материалы газетной статьи ⁴.

В результате именованным императорским указом от 13 ноября 1896 г. театральный деятель П.Л. Новиков был уличен в многочисленных финансовых правонарушениях, а его жалоба на воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко царь оставил без последствий ⁵.

4. Заключение

Таким образом, допустивший ряд финансовых театральный деятель П.Л. Новиков, пытался решить возникшие проблемы при помощи своевременно поданной жалобы на действия воронежского губернатора действительного статского советника В.З. Коленко в министерство внутренних дел Российской Империи. Однако проведенное следствие оправдало воронежского губернатора. Благодаря материалам фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) можно проследить зарождение взаимоотношений между представителями официальной власти и творческой интеллигенцией, т.е. общественными деятелями, в дореволюционной России. Помимо этого, архивные фонды ГАРФ раскрывают малоизвестные особенности повседневной театральной жизни до 1917 г.

Список источников и литературы

1. *Альманах современных русских государственных деятелей* (1897). Т. 1 – 2. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1250 с.

¹ Там же. Л. 5-6

² Там же. Л. 10-10 об.

³ Там же. Л. 58-59

⁴ Там же. Л. 64.

⁵ Там же. Л. 54-54 об.

2. Анчиполовский, З. Я. (2002). *Кольцовский академический: К 200-летию Воронежского государственного академического театра драмы имени Алексея Кольцова* Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2002. 381 с.
3. Анчиполовский, З. Я. (1996). *Старый театр, Воронеж: 1787 – 1917* Воронеж: Черноземье, 318 с.
4. Бывший актер группы Скуратова (1896). *Голодные актеры* // Петербургский листок. № 164. С. 3.
5. *Горе побежденным: Комедия в 3 действиях* (1896). М.: Литография Московской Театральной библиотеки С. Ф. Рассохина. 64 с.
6. Данилов, Н. И. (1953). *150 лет Воронежского государственного драматического театра. (1802 – 1952)* Воронеж: Областное книгоиздательство, 48 с.
7. Коленко, Б. З. (1885). *Геологический очерк Заонежья* СПб.: Императорской академии наук, 79 с.
8. Коленко, Б. З. (1884). *Полярное электричество кварца по отношению к его кристаллографическому характеру: Гемиморфизм, гемиедриия* СПб.: Типография А. Граншеля, 76 с.
9. Масанов, И. Ф. (1957). *Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в четырех томах. Т.2.* М.: Всесоюзная книжная палата, 387 с.
10. Скуратов, П. Л. (1897). *Изгнанница: Драма в 3 действиях с французского Габорио: (Из романа Прево: «Манон Леско»)*. М.: Издатель Д. И. Эварницкий, 50 с.
11. Скуратов, П. Л. (1908). *Старые маски Пьеса в 5 миниатюрах с прологом.* М.: Типография Московской театральной библиотеки С.Ф. Рассохина, 75 с.
12. Скуратов, П. Л. (1897). *Узы любви и крови: Комедия в 4 действиях.* М.: Типография Московской театральной библиотеки С.Ф. Рассохина, 77 с.
13. Филимонов, А. В. (2022). *Социокультурная деятельность воронежских губернаторов во второй половине XIX в.* // Вестник Омского государственного университета. Серия: Исторические науки. Т.9. № 2 (34). С. 62 – 71.

References

1. *Al'manah sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatelej* [The Almanac of modern Russian statesmen] (1897). Т. 1 – 2. Saint-Petersburg: Tip. Isidora Gol'dberga. (in Russian).
2. Anchipolovskij, Z. Y. (2002). *Kol'covskij akademicheskij: K 200-letiyu Voronezhskogo gosudarstvennogo akademicheskogo teatra dramy imeni Alekseya Kol'cova* [Koltsovsky Academic: On the 200th anniversary of the Voronezh State Academic Drama Theater named after Alexey Koltsov]. Voronezh: Centr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraja. (in Russian).
3. Anchipolovskij, Z. Y. (1996). *Staryj teatr, Voronezh: 1787 – 1917* [The Old Theater, Voronezh: 1787 – 1917]. Voronezh: Chernozem'e. (in Russian).
4. Byvshij akter gruppy Skuratova (1896). *Golodnye aktery* [The Hungry Actors] in *Peterburgskij listok*, 164, 3. (in Russian).
5. *Gore pobezhdenным: Komediya v 3 dejstviyah* [Woe to the Vanquished: A Comedy in 3 acts] (1896). Moscow: Litografiya Moskovskoj Teatral'noj biblioteki S. F. Rassoxina (in Russian).
6. Danilov, N. I. (1953). *150 let Voronezhskogo gosudarstvennogo dramaticheskogo teatra. (1802 – 1952)* [150 years of the Voronezh State Drama Theater. (1802 – 1952)]. Voronezh: Oblastnoe knigoizdatel'stvo. (in Russian).
7. Kolenko, B. Z. (1885). *Geologicheskij ocherk Zaonezh'ya* [Geological sketch of Zaonezhye]. Saint-Petersburg: Imperatorskoj akademii nauk (in Russian).
8. Kolenko, B. Z. (1884). *Polyarnoe elektrichestvo kvarca po otnosheniyu k ego kristallograficheskomu harakteru: Gemimorfizm, gemiedriya* [Polar electricity of quartz in relation to its crystallographic character: Hemimorphism, hemihedry]. Saint-Petersburg: Tipografiya A. Transhelya. (in Russian).

9. Masanov, I. F. (1957). *Slovar' psevdonimov russkih pisatelej, uchyonyh i obshchestvennyh deyatelej: v chetyrekh tomah*. [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in four volumes], t. 2. Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata. (in Russian).

10. Skuratov, P. L. (1897). *Izgnannica: Drama v 3 dejstviyah s francuzskogo Gaborio: (Iz romana Prevo: «Manon Lesko»)* [The Exile: A drama in 3 acts from the French Gaborio: (From Prevost's novel: «Manon Lescaut»)]. Moscow: Izdatel' D. I. E`varniczkij. (in Russian).

11. Skuratov, P. L. (1908). *Starye maski P'esa v 5 miniatyurah s prologom* [Old Masks is a play in 5 miniatures with a prologue]. Moscow: Tipografiya Moskovskoj teatral'noj biblioteki S.F. Rassoxina. (in Russian).

12. Skuratov, P. L. (1897). *Uzy lyubvi i krovi: Komediya v 4 dejstviyah* [Bonds of Love and Blood: Comedy in 4 acts]. Moscow: Tipografiya Moskovskoj teatral'noj biblioteki S.F. Rassoxina. (in Russian).

13. Filimonov A. V. (2022). *Sociokul'turnaya deyatel'nost' voronezhskih gubernatorov vo vtoroj polovine XIX v.* [Socio-cultural activity of Voronezh governors in the second half of the 19th century] in *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, t. 9, 2 (34), 62 – 71. (in Russian).

ОТКАЗЫ ВЛАСТИ В РЕШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛИТЕТА РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРОДУБЬЯ)

О.А. Музыченко

*МИРЭА – Российский технологический университет,
проспект Вернадского д. 78, Москва, 119454 Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению влияния отказов власти в решении экономических проблем на крестьянский менталитет в пореформенное время, что на данный момент является малоизученным вопросом отечественной истории. **Материалы и методы.** Данный вопрос рассматривается в статье на примере одного из регионов Европейской части России – Стародубья, включавшего в себя четыре северных уезда бывшей Черниговской губернии. Этот регион в настоящее время относится к западной части Брянской области России. Стародубье являлось типичным нечерноземным регионом Центральной России, где у большинства крестьян существовала проблема нехватки земли и где наблюдалась низкая урожайность. Соответственно, данные из этого региона будут репрезентативны для большинства нечерноземных местностей Европейской России. Источниковой базой исследования выступают архивные документы, извлеченные из фондов отечественных архивохранилищ. В статье были использованы делопроизводственные материалы из фондов Российского государственного исторического архива – прошения крестьян во власть, а также Государственного архива Российской Федерации – следственные дела об оскорблении власти. Работа выполнена в рамках такого направления, как историческая антропология. В ходе исследования применялись историко-генетический, хронологический, историко-системный и историко-сравнительный методы. Хронологические рамки исследования: 1861–1905 гг. Этот период относится к пореформенному времени в истории России. **Результаты.** В ходе анализа было установлено, что одним из ключевых факторов, способствовавших трансформации сознания крестьян в пореформенный период, стали отказы власти в решении их экономических проблем. Этот процесс сопровождался изменением отношения к монарху, который перестал олицетворять для части крестьян защиту и покровительство. **Заключение.** Можно резюмировать, что вследствие ухудшения экономического положения и отказов власти в покровительстве, крестьяне начали отказываться от патерналистской модели жизни и стали стремиться к самостоятельности, активно вовлекаясь в товарно-денежные отношения в пореформенное время.

Ключевые слова: крестьяне, община, пореформенное время, отказы власти, патернализм, менталитет, XIX в., историческая антропология.

Для цитирования: Музыченко О.А. (2026). Отказы власти в решении экономических проблем как фактор трансформации менталитета российского крестьянства в пореформенное время (по материалам Стародубья) // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 33-42 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-33-42

Статья поступила: 10.12.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Музыченко О., 2026.

REFUSALS OF AUTHORITY IN SOLVING ECONOMIC PROBLEMS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE MENTALITY OF RUSSIAN PEASANTRY DURING THE REFORM PERIOD (BASED ON MATERIALS FROM STARODUBYE)

O.A. Muzychenko

*MIREA – Russian Technological University,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454 Russia*

Abstract

Introduction. This article is dedicated to the study of the influence of authorities' refusals to address economic problems on the peasant mentality during the post-reform period, a topic that remains underexplored in the context of Russian history. **Materials and Methods.** The issue is examined through the lens of one of the regions in the European part of Russia – Starodubye, which encompassed four northern districts of the former Chernigov province. This region currently belongs to the western part of Bryansk Oblast in Russia. Starodubye was a typical non-black soil region of Central Russia, where the majority of peasants faced land shortages and experienced low crop yields. Consequently, data from this region will be representative of most non-black soil areas in European Russia. The research is based on archival documents extracted from domestic archival repositories. The article utilizes administrative materials from the Russian State Historical Archive – petitions from peasants to the authorities – as well as investigative files from the State Archive of the Russian Federation concerning offenses against authority. The work is framed within the field of historical anthropology. Various methods were applied during the study, including historical-genetic, chronological, historical-systemic, and historical-comparative approaches. The chronological scope of the research spans from 1861 to 1905, a period associated with post-reform developments in Russian history. **Results.** The analysis revealed that one of the key factors contributing to the transformation of peasant consciousness during the post-reform period was the refusal of authorities to resolve their economic issues. This process was accompanied by a change in attitude towards the monarch, who ceased to represent protection and patronage for some peasants. **Conclusion.** It can be summarized that peasants began to reject the paternalistic model of life and sought independence, actively engaging in commodity-money relations during the post-reform period.

Keywords: peasants, community, post-reform period, refusals by authorities, paternalism, mentality, 19th century, historical anthropology.

For citation: Muzychenko O.A. (2026). Refusals of authority in solving economic problems as a factor in the transformation of the mentality of russian peasantry during the reform period (based on materials from Starodubye) In *History: facts and symbols*, 1 (46), 33-42. doi/10.24888/2410-4205-2026-46-1-33-42

Received: 10.12.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Muzychenko O., 2026.

1. Введение

На современном этапе развития исторической науки приобрели актуальность вопросы, связанные с изучением исторической психологии и менталитета различных социальных групп. Это междисциплинарное направление позволяет посмотреть на причины различных исторических событий в аспекте психологии. Менталитет российского крестьянства и его трансформация в пореформенное время становились предметом изучения в ряде научных работ. Одним из первых трудов, где отдельно исследовался крестьянский менталитет, стала работа под авторством П.С. Кабытова, В.А. Козлова и Б.Г. Литвака [7]. В ней с позиций марксистской методологии рассмотрены изменения в крестьянском сознании в контексте изучения крестьянского движения. Важной вехой в изучении вопроса является работа О.А. Суховой [10]. Автором рассмотрены различные особенности крестьянского менталитета и его трансформации под влиянием модернизационных процессов XIX в. Некоторые аспекты темы также рассмотрены В.П. Буддаковым [3]. Крестьянский менталитет остается актуальным направлением исследований по сей день. В частности, разрабатываются проблемы крестьянского традиционализма на рубеже XIX–XX вв. [4], восприятие категории старости в мировоззрении крестьян в пореформенное время

[9]; исследуются особенности крестьянского менталитета в контексте изучения отдельных направлений деятельности земств [1]. При относительной разработанности темы, на данный момент исследователи не обращали должного внимания на отказы власти в решении экономических проблем и их влияние на менталитет крестьян в пореформенное время. Мы считаем, что отказы со стороны власти выступили одним из факторов в трансформации менталитета российского крестьянства во второй половине XIX в.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования выступают делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива – прошения крестьян во власть, а также Государственного архива Российской Федерации – следственные дела об оскорблении крестьянами власти. Работа выполнена в рамках такого направления, как историческая антропология. В ходе исследования применялись историко-генетический, хронологический, историко-системный и историко-сравнительный методы.

3. Результаты

Многовековой мечтой большинства крепостных было избавление от власти помещика и приобретение воли. Еще за несколько лет до обнародования Манифеста 19 февраля 1861 г. стали распространяться слухи о скором прекращении крепостничества; это нередко вызывало неповиновение помещикам и прочие волнения [6, с. 80-81]. Значение свободы для крестьян иллюстрирует стихотворение крепостного П.А. Мартынова, присланное в газету «Московские ведомости» за 7 лет до начала реформы: «Эх, как бы воля да воля..., и я крестьянин, и я русский крестьянин и часто повторяю... Ах, если бы воля да воля, нашел бы я вам исход! Нашел бы я цель моей жизни, и путь бы к бессмертию открыл, на жертвенник милой отчизны всю кровь по капле пролил» [6, с. 191].

Другой важнейшей идеей крестьянства являлась идея получения помещичьей земли в свои руки. С обладанием земель были связаны все надежды и чаяния крестьян, что иллюстрирует множество крестьянских пословиц: «С родной земли умри, не сходи», «Своя земля и в горсти мила» [12, с. 61] и т. д. Сами же крестьяне считали, что наделение земель должно произойти без дополнительных условий только потому, что они и их предки обрабатывали эту землю множество лет.

Однако реализация реформы 1861 г. не оправдала ожиданий: объявленный 19 февраля 1861 г. Манифест встретил непонимание со стороны крестьянства. П.А. Зайончковский приводит воспоминания одного из современников событий – сельского священника – по поводу реакции крестьян на зачитываемый документ. В воспоминаниях отмечается, что, как только священником произносились слова о помещиках и их правах на землю, народ тут же начинал шуметь. А когда прозвучали слова: «Пользуясь сим поземельным наделом, крестьяне за сие обязаны исполнять в пользу помещиков определенные в «Положении» повинности...», крестьяне огорчились и повесили головы, при этом один из крестьян произнес: «Да какая же это воля?» [6, с. 165]. Подобные реакции типичны и встречаются в большинстве губерний с помещичьим землевладением.

Реформа предполагала сохранить за помещиками их земли, однако с обязательной передачей части земель крестьянам. В большинстве случаев крестьянский надел урезался. Вместе с тем земля давалась не даром, а за выкуп, до перехода на который крестьяне выполняли прежние повинности: несли барщину или выплачивали оброк. Все это вызвало в среде крестьян глубокое разочарование [6, с. 190] и в целом, «содержание документов об отмене крепостного права обмануло напряженные ожидания крестьян и не отвечало их представлениям о воле» [14, с. 123].

Возникновение такой несправедливости крестьяне связывали с деятельностью помещиков и местных чиновников, которые «нарушили» царскую волю [14, с. 123]. Ненависть к помещикам формировалась еще и под влиянием распространившихся слухов в период реализации реформы 1861 г. Темой слухов иногда становилась «подложность» Манифеста об отмене крепостного права. Крестьяне полагали, что подлинный текст Манифеста якобы утаили помещики и местная администрация [2, с. 44]. На умонастроения крестьян оказывала влияние идея т. н. «слушного часа», когда должна была быть объявлена «настоящая» воля, а не та, которая была озвучена крестьянам в церквях [6, с. 196]. Об ожиданиях крестьянами «правильного» манифеста упоминал также современник событий – А.Н. Энгельгардт [13, с. 453].

Необходимо отметить, что по своим воззрениям крестьяне были приверженцами монархизма, часто носившего наивный характер. Для крестьян настоящим авторитетом являлся царь, выступавший в их представлении хранителем правды и справедливости. Это подтверждается многочисленными выражениями со стороны крестьян относительно царской власти в период реализации реформы 1861 г.: «Все

до одного умрем, но не покоримся [помещикам – *О.М.*]; «За Бога и царя умрем все до одного» [6, с. 194].

Крестьяне верили, что государь и высшая власть способны защитить их от действий помещиков и местных чиновников и передать земли «настоящим» владельцам – самим крестьянам. Для этого уполномоченные от сельских обществ стали подавать множество жалоб в различные учреждения на имя императора, в Сенат, министру внутренних дел, а также в различные крестьянские учреждения.

Большинство прошений и жалоб либо не удовлетворялись, либо отклонялись вовсе. Например, в Гродненской губернии против выкупных актов выступили жители 113 селений, что составляет 6,75% от общего числа населенных пунктов. В Ковенской губернии было опротестовано 1369 выкупных актов, что составляет почти треть (32,07%) от общего количества селений. Однако лишь 435 жалоб были признаны обоснованными и удовлетворены, в остальных же случаях последовало решение об отказе [6, с. 288]. При этом, необходимо отметить, что государство широко оказывало крестьянам поддержку в виде продовольственных ссуд, а также оно нередко прощало эти ссуды в связи с различными праздничными датами. М.А. Давыдов достаточно подробно проанализировал этот вопрос и сделал вывод, что во многом такое положение поддерживало иждивенческую (патерналистскую) психологию крестьян [5, с. 120].

Рассмотрим крестьянские прошения к представителям власти на конкретных примерах. Для анализа нами были отобраны источники одного из регионов Европейской России – Стародубья, включавшего в себя четыре северных уезда бывшей Черниговской губернии. Стародубье являлось типичным нечерноземным регионом Центральной России, где у большинства крестьян существовала проблема нехватки земли и где наблюдалась низкая урожайность. Соответственно, данные из этого региона будут репрезентативны для большинства нечерноземных местностей Европейской России.

Обращения крестьян необходимо проанализировать в хронологическом порядке и классифицировать их по группам. Первую составляют прошения 1860-х – 1870-х гг. Для данной группы характерна попытка найти покровительство и защиту через власть в разрешении проблем временнообязанного статуса – уменьшения надела и тяжести повинностей за пользование землей. Прощения данного периода характеризуются преклонением перед лицом власти, а также эмоциональным окрасом в объяснении своей сложной ситуации.

Поиск покровительства и защиты в лице государства от действий помещика иллюстрирует прошение 1864 г. временнообязанного крестьянина села Синего Колодезя Новозыбковского уезда Черниговской губернии Федора Повалкина. В прошении к императору он подробно описывал трудности своей жизни и жизни односельчан после начала реформы 1861 г. В частности, крестьянин жаловался государю на действия помещика П.П. Голицына, «отобравшего у всех крестьян в 1861 г. сенокосные земли», где накопилось 24 тыс. пудов сена, а также на удержание им урожая конопли за невыплаченный оброк, что привело к нехватке семян для посева на следующий год. Отдельно проситель указывал на принуждение со стороны помещика к выкупу земли на 49 лет по 34,5 руб. каждый год. Свое же положение он называл «крабским игом»¹.

Такие действия помещика, как следует из прошения, крестьяне считали нарушением воли императора на объявленную в 1861 г. свободу, в связи с чем они составили жалобу губернатору. Но, как следует из текста, за жалобой последовало «следствие с угрозами и тяжкими притеснениями» со стороны уездного предводителя дворянства, который принуждал крестьян отказаться от жалобы. В последствии часть крестьян так и сделала. Повалкин же сообщает, что не отказался от требований, за что прилюдно был подвергнут сначала 300, а потом 65 ударам розгами, и в последствии неоднократно его и других несогласных крестьян отправляли в тюремный замок².

Свои надежды в решении проблем крестьяне возлагали на императора. К чиновникам, в частности, к губернаторам, крестьяне относились без доверия, что подтверждает заключение прошения: «Всемиловейший государь император! Повелите! Не передавая это прошение господину черниговскому губернатору, сделать распоряжение, дабы наложенный таковой денежный выкуп вовсе отменить». Себя же он назвал в прошении «верноподданным рабом»³. Вероятно, крестьянин считал, что эмоциональность рассказа о своем положении и положении односельчан поможет ему добиться положительного

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 33 1864 г. Д. 50. Л.1.

² Там же. Л.2.

³ Там же. Л.4.

решения от императора. Однако оснований для удовлетворения прошения крестьян не было установлено.

Предотвращение несправедливого раздела земель между крестьянами и их бывшими владельцами показывает прошение 1864 г. временнообязанных крестьян села Радонежского Новозыбковского уезда Черниговской губернии, которые жаловались в Главный комитет по крестьянскому делу на помещика П.П. Голицына и управляющего его экономией в том, что крестьянам навязывается губительный для них обмен землями. Крестьяне указывали, что им в случае обмена достанутся сенокосные земли более худшего качества, причем в отдалении от мест жительства¹.

Чтобы доказать свои права на землю и убедить высшие инстанции в своей правоте, крестьяне очень часто прибегали к практике апеллирования к прошлому. В своем прошении крестьяне села Радонежского писали: «Означенными сенокосами деда, отцы наши владели от начала своей жизни и нам передали»². Крестьяне в качестве аргумента указывали, что никакой иной работы, кроме как земледелие они для себя не видели, и поэтому потеря земли будет означать полное их разорение и невозможность прокормить себя. Для большей убедительности крестьяне пытались показать знание законов и писали, в частности, что «разверстание не так делается, как указано в ст. 69 Местного великоросского положения», а далее приводили «правильное» видение размежевания³. При рассмотрении данного дела оснований для удовлетворения просьб крестьян установлено также не было.

Отдельно стоит осветить решение проблем через власть бывшими дворовыми крестьянами в первые пореформенные годы. У дворовых еще до реформы 1861 г. существовала практика отбытия на отхожие промыслы с разрешения помещика. Так, крестьянин села Нижнего Стародубского уезда Черниговской губернии Осип Паталин отбыл в Кишинев в 1859 г.⁴ Поскольку в 1858 г. в России проводилась 10 ревизия крестьян, Осип Паталин числился членом Нижневского сельского общества, и после введения уставной грамоты, был наделен землей в 1862 г. Находясь на отхожих промыслах крестьянин пытался причислиться к мещанскому сословию города Кишинева, но Черниговское губернское по крестьянским делам присутствие отказывало ему, так как он был учтен в выкупном договоре⁵.

В этом деле решил оказать содействие отец Осипа Паталина – Федор Паталин, который подавал прошения различным ведомствам и чиновникам. В 1868 г. Федор Паталин составил прошение на имя министра внутренних дел. В нем он указал, что его сын по ошибке и без его желания был наделен землей в селе Нижнем Стародубского уезда, и выделенный душевой надел земли в итоге не используется ни Осипом, ни его младшим братом Трофимом, ни самим просителем⁶. «Нижайше прошу ваше высокопревосходительство, – указывал Федор Паталин в резюме своего прошения по поводу сына, – разрешить перейти ему в мещане, так как гораздо справедливее считать вместе с обществом села Нижнего, что сын мой Осип как бы умер для него, чем стеснять его жизнь, неправильно признавая его за собственника»⁷. В данной ситуации не было найдено оснований к удовлетворению прошения, поскольку просителем был нарушен срок обжалования по предыдущим решениям⁸.

Можно резюмировать, что в первые пореформенные десятилетия крестьяне связывали появившиеся экономические проблемы исключительно с ролью помещиков и местных чиновников.

Следует перейти к анализу следующей группы прошений. Прошения, поданные крестьянами в 1880-е – 1890-е гг. и в начале XX в., во многом схожи с теми, что они писали ранее. Как и прежде, основные проблемы, с которыми обращались крестьяне к представителям власти, касались их отношений с помещиками и условий реформы 1861 г. Однако с 1880-х гг. заметны изменения по отношению к прошениям предыдущих пореформенных десятилетий. Они выражаются, во-первых, в том, что все реже стала присутствовать столь характерная для более ранних прошений покорность в обращениях крестьян к власти: реже использовались слова о том, что они «верноподданные рабы императора» и т. п. Вместе с тем для крестьян в этот период власть стала выступать в роли судебной инстанции в земельных и финансовых спорах с помещиками, что может свидетельствовать о трансформации восприятия власти.

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 33 1864 г. Д. 50. Л. 9.

² Там же. Л. 8–9.

³ Там же. Л. 10.

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53 1868 г. Д. 187. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 12.

Так, в 1882 г. крестьяне-собственники села Луговцы Мглинского уезда Черниговской губернии, братья Повторей, обращались в Правительствующий Сенат по поводу земельного спора с помещиком. В прошении крестьяне сообщили, что еще до отмены крепостного права их предки, дед и отец, приобрели на имя помещика Серебрянникова землю в деревне Кокоток Мглинского уезда. Позднее Серебрянников продал имение К.М. Вериге, но земли крестьян не вошли в состав проданной земли. Вместе с тем крестьяне продолжали пользоваться землей, пока К.М. Вериге в 1876 г. не присвоил ее себе. Братья Повторей указывали на то, что они приносили жалобы в различные инстанции, в том числе и черниговскому губернатору, но они не были удовлетворены. Крестьяне просили Сенат, как высшую судебную инстанцию по такого рода вопросам, вынести свое решение¹. Сенат в данном деле не встал на сторону братьев Повтореев².

В 1880-х – 1890-х гг. распространилась передача имений мелкопоместных дворян в казенное ведомство. Нередко возникали споры крестьян с помещиками, поскольку при передаче имения в казну могла передаваться часть крестьянских земель. Так, в 1900 г. крестьяне деревни Завалипутья Мглинского уезда Черниговской губернии, находившиеся к тому времени в процессе многолетнего спора с помещиком Обуховским, просили министра внутренних дел о возвращении им усадебной земли в размере 30 дес., которую до передачи в казенное ведомство помещик присоединил к своему имению. Крестьяне также сообщали, что они не имеют информации какому помещику они ранее принадлежали, но, «зная по разговору стариков», они принадлежали графу Клейнмихею, при этом именно Обуховский брал с них оброк до 1885 г.³ Крестьяне деревни Завалипутья просили власть провести расследование о том, какому помещику они в действительности ранее принадлежали для решения вопроса с неправильными выплатами повинностей помещику Обуховскому, а также просили о разрешении вопроса о принадлежности переданного участка земли в казну⁴.

Просители прилагали к жалобе доказательства: окладные листы с суммами взносов, а также выписки из журнала заседаний Черниговского губернского присутствия от 1899 г. с более ранними решениями по данному делу. Из них следует, что крестьянам отказали в 1899 г., поскольку при переходе на выкуп в 1885 г. они не заявляли о присвоении помещиком усадебных земель, а также не указали точного времени и размера отобранных земель⁵. Данное прошение, как и многие другие, не было удовлетворено. МВД сослалось на те основания для отказа, которые приводились в решении губернского присутствия⁶.

С 1880-х гг. крестьяне стали чаще обращаться с личными прошениями, а не коллективными. Таковую тенденцию показывает прошение 1887 г. в Правительствующий Сенат крестьянина села Нижнего Стародубского уезда Черниговской губернии Федора Шустова с просьбой о разрешении подворного владения земельным участком. В своем прошении крестьянин жаловался на отказ Стародубского уездного и Черниговского губернского по крестьянским делам присутствий в приобретении права на выделение своего участка земли из общинного фонда⁷. Шустов пытался доказать свою правоту ссылкой на законодательство, которое допускало подобное. Но Сенат не усмотрел в данном деле правоту крестьянина и отказал ему с тем обоснованием, что в селе Нижнем при поземельном устройстве была установлена общинная собственность на землю, а решения общины на изменение формы собственности на подворную не было⁸.

Среди типичных индивидуальных прошений можно выделить прошение 1882 г. крестьянки местечка Почепа Мглинского уезда Черниговской губернии Анны Зинчуковой в Правительствующий Сенат. Зинчукова описывала в своем прошении, что после отбытия на Крымскую войну ее отца – Лариона Зинчукова, который так и не вернулся, у нее осталась четверть надела усадебной земли с домом, в котором она родилась и проживала 28 лет с момента рождения⁹. После перехода сельского общества на выкуп она отказалась от полевой земли, но волостная администрация все равно требовала от нее участия в

¹ РГИА. Ф. 1344. Оп. 2 1882 г. Д. 3010. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 3 1900 г. Д. 1986. Л. 1–2.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6–7.

⁶ Там же. Л. 8–9.

⁷ РГИА. Ф. 1344. Оп. 12 1887 г. Д. 1619. Л. 2–4.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ РГИА. Ф. 1344. Оп. 2 1882 г. Д. 3009. Л. 1–2.

выкупе. Просительница же отказывалась от выплаты выкупных платежей за неиспользуемую ею землю, что побудило местную администрацию взыскать 33 руб. долга по выкупным платежам в виде части имущества¹.

Зинчукова жаловалась в различные инстанции и не получала на момент составления прошения в Сенат положительного решения по своей ситуации более 5 лет. Вместе с тем просительница указывала, что однажды она явилась в волостное правление с целью отменить выкуп полевой земли, и волостной старшина, Василий Атрощенко, ударил ее по уху так, что та потеряла дух и «упала на пол в присутствии, откуда была подхвачена и посажена в арестантскую, где за сутки едва дошла до памяти»². Сенат отказал ей в просьбе в возвращении имущества, взятого в счет выкупных платежей, а также не признал правильным отказ от участия в выкупе³.

С 1880-х гг. прослеживается тенденция, связанная с самостоятельным поиском решения проблемы малоземелья и иных экономических проблем, где крестьяне просили власть лишь о содействии. Эта тенденция отражена в прошении 1883 г. уполномоченного от крестьян разных селений Уношевской волости Суражского уезда Черниговской губернии Родиона Горбачева. Крестьяне обращались в Правительствующий Сенат и просили о разрешении к переселению в Амурскую область. В своем прошении крестьяне указывали, что еще в 1878 г. «послышали», будто бы бывшие государственные крестьяне Суражского, Новозыбковского и Мглинского уездов начали подавать прошения как «истесненные малым количеством земли» с тем, чтобы им разрешили переселиться в Амурскую область⁴.

В качестве аргумента крестьяне указывали, что подававшие прошения бывшие государственные крестьяне жили «в одиннадцать крат лучше нашего житья» и имели собственные удобренные земли и при этом им дали разрешение на переселение в Амурскую область. Жители Уношевской волости писали, что они живут и страдают на своих местностях, «что нельзя описать в нашем слезном прошении»; что вынуждены скитаться без дневного пропитания с родными детьми в поиске заработка⁵. Однако данное прошение удовлетворено не было⁶.

Можно резюмировать, что просьбы крестьян о земле и выкупных платежах властью не удовлетворялись. По нашему мнению, это породило у крестьян представление о том, что правящий монарх действует не в их интересах. Этот тезис доказывается тем, что с конца 1870-х гг. в крестьянской среде стал широко распространяться такой вид преступлений, как оскорбление высшей власти [7, с. 36-37], где одним из основных поводов к оскорблению выступало недовольство своим экономическим положением. Если ранее крестьяне во всем винили помещиков и местных чиновников, то теперь крестьяне стали связывать нерешенность экономических проблем с личностью императора.

Оскорбления происходили в общественных местах, а также в домах крестьян. Обычно на оскорблявших власть лиц доносили свидетели – сами крестьяне, что служило поводом к возбуждению следствия. Такую ситуацию показывает дело по обвинению крестьянина деревни Поповки Суражского уезда Черниговской губернии Андрея Гавриловича Матюшенко. В тексте заключения по делу сообщается, что на обвиняемого сделал донос крестьянин Василий Пысь, который утверждал, что Матюшенко прилюдно сказал: «я служил 6 лет, а он [император – *О.М.*] не только земли мне не дал, но и солдатского звания лишил», и при этом обругал государя матерной бранью⁷.

Другим примером выступает ситуация, описанная в следственном деле по обвинению крестьянина села Петряшенки Новозыбковского уезда Черниговской губернии Павла Федоровича Пирогова в оскорблении императора. Из материалов дела следует, что 17 апреля 1895 г. в трактире села Петряшенки крестьянин Павел Пирогов затеял ссору с обществом крестьян, назначивших ему плохой участок земли под усадьбу взамен взятой у него для церковного причта. Сообщается, что обвиняемый во время ссоры был пьян и произнес: «мать вашу пере... с старостами, писарями, попом и государем»⁸.

Еще одним примером эрозии монархических воззрений жителей Стародубья является следственное дело по обвинению крестьянина деревни Поповой горы Суражского уезда Черниговской гу-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. Л. 4.

⁴ РГИА. Ф. 1344. Оп. 4 1883 г. Д. 1838. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 19. Д. 850. Л. 9.

⁸ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 16. Д. 609. Л. 10.

бернии Никиты Комадына. Из заключения по делу выясняется, что обвиняемый 21 ноября 1894 г., находясь в пьяном виде в трактире села Поповой горы, неодобрительно высказался по поводу Всемиловейшего манифеста 1894 г., а также оскорбил императора и его супругу. На одну из реплик своего собеседника о Манифесте 1894 г. Комадын ответил следующее: «вот, сколько милостей от царицы», а также: «говно ты и твоя царица»¹.

Неуважение к высшим чиновникам показывает следственное дело по обвинению крестьянина деревни Селище Суражского уезда Черниговской губернии Федора Ефремовича Безхлебного. Из заключения по делу выясняется, что через город Сураж в конце октября 1893 г. должен был проезжать губернатор. В разговоре со своим собеседником Безхлебный сказал, что хотел бы лично встретиться с губернатором, но был уверен, что его не подпустят. Одновременно с этим, как следует из текста следственного дела, обвиняемый неоднократно в разговоре произносил: «х... его матери»², тем самым выражая свое недовольство по отношению к губернатору.

Недовольства и оскорбления из-за своего экономического положения нередко исходили от крестьян, которые находились на отхожих промыслах или вообще порвали связь с деревней. В частности, такую ситуацию показывает следственное дело по обвинению чернорабочего из крестьян Леонтия Климовича Выголки из г. Суража Черниговской губернии, который оскорблял императора бранными словами в 1895 г.³

Возрастание числа преступлений, связанных с оскорблением власти, не означает, что абсолютно все крестьяне придерживались антимонархических воззрений. Многие из крестьян, как видно из анализа, сами сообщали о подобных инцидентах полиции и выступали с осуждением такого поведения. Однако это показывает тенденцию на эрозию монархизма у части крестьянского сословия, возникшую в связи с нерешенностью социально-экономических проблем пореформенного времени и отказами государства в покровительстве.

Необходимо отметить, что в пореформенный период происходил активный рост населения, что усугубляло экономическое положение крестьян, особенно в вопросе обеспечения землей. В условиях отсутствия покровительства со стороны власти и ухудшения экономического положения крестьяне были вынуждены решать свои проблемы самостоятельно: они стали активно вовлекаться в товарно-денежные отношения.

Для решения проблемы малоземелья крестьяне занимались арендой, а также покупали участки земли через Крестьянский поземельный банк. Чтобы выплатить подати и прокормиться крестьяне нанимались на различные сельскохозяйственные работы в деревне (к помещикам или другим землевладельцам), причем зачастую за низкую плату, а также продавали за бесценок скотину и выращенные на наделных землях продукты [15, с. 364].

Самой же яркой иллюстрацией вовлечения крестьянства в товарно-денежные отношения можно назвать активный отход крестьян из деревни в города и отдаленные губернии на заработки. Следует отметить, что отход существовал и ранее, однако именно в пореформенное время он стал массовым явлением. Отхожие промыслы и их значение для крестьян Европейских губерний можно проследить через статистику о выдаче паспортов. Если в 1861–1870-х гг. крестьянам выдали 532,2 тыс. таких документов, то в 1871–1880 гг. эта величина составляла уже 941,4 тыс., а в 1881–1890 гг. – 1188,9 тыс. Если же рассмотреть количество выданных паспортов по нечерноземным регионам, к которым относится Стародубье, то в таких регионах в 1861–1870-х гг. было выдано 192,3 тыс. паспортов, в 1871–1880 гг. – 316,5 тыс., а в 1881–1890 гг. – 371,2 тыс. [11, с. 212].

Из приведенной статистики можно видеть, что количество выданных крестьянам Европейских губерний паспортов значительно возрастает в 1870-е – 1880-е гг. Это коррелирует с данными о том, что именно в это время меняется характер обращений крестьян к власти, а также широко распространяются преступления, связанные с бранью в адрес императора, где одним из главных поводов выступало недовольство своим экономическим положением. Причем важным обстоятельством является то, что зачастую, как показывают источники, власть оскорбляли оторвавшиеся от деревни и ушедшие на заработки в города крестьяне.

¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 16. Д. 223. Л. 10.

² ГА РФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 18. Л. 10.

³ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 16. Д. 937. Л. 1–10.

4. Заключение

Таким образом, анализ имеющихся документов показал, что одним из важных факторов в процессе трансформации сознания крестьян в пореформенное время стали отказы власти в решении экономических проблем. Этот процесс сопровождался изменением отношения крестьян к монарху, который для многих перестал олицетворять защиту и покровительство. Крестьяне стали отказываться от патерналистской модели жизни в пользу самостоятельности, что выражалось в активном вовлечении крестьянства в товарно-денежные отношения в пореформенное время. Однако нельзя утверждать, что представленные тенденции характеризовали ментальность всего крестьянского населения Российской империи.

Список источников и литературы

1. Большакова, Д. А., Петровичева, Е. М. (2022). *Влияние религиозных воззрений сельского населения на практику земского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Владимирской и Рязанской губерний)* // Вестник Костромского государственного университета. №1. С. 26–31.
2. Буганов, А. В. (2008). *Историческая память русских крестьян: реальность и мифы (XIX–начало XX в.)* // Новый исторический вестник. №18. С. 40–49.
3. Булдаков, В. П. (2010). *Красная смута: природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН. 965 с.
4. Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. А. (2022). *Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома»* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. №5. С. 1296–1303.
5. Давыдов, М. А. (2016). *Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина*. СПб.: АЛТЕЙЯ. 1072 с.
6. Зайончковский, П. А. (1968). *Отмена крепостного права в России*. М.: Просвещение. 368 с.
7. Кабытов, П. С. (1988). *Русское крестьянство: этапы духовного освобождения* / П.С. Кабытов, В.А. Козлов, Б.Г. Литвак. М.: Мысль. 237 с.
8. Литвак, Б. Г. (1991). *Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива*. М.: Политиздат. 300 с.
9. Лямин, С. К., Олейникова, С. Д. (2025). *Старость как компонент жизненного и исторического циклов в мировоззрении крестьян* // История: факты и символы. №1. С. 22–35.
10. Сухова, О. А. (2008). *Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья*. М.: РОССПЭН. 677 с.
11. Тихонов, Б. В. (1978). *Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики*. М.: Наука. 208 с.
12. Тюкавкин, В. Г. (2001). *Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа*. М.: Памятники ист. мысли. 302 с.
13. Федоров, В. А. (1994). *Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи)*. М.: Изд-во МГУ. 526 с.
14. Фурсов, В. Н. (2017). *Протест крестьян центрально-черноземных губерний в ответ на реформу 1861 года* // История: факты и символы. №3. С. 122–131.
15. Энгельгардт, А. Н. (1999). *Из деревни 12 писем: 1872–1887*. СПб.: Наука. 714 с.

References

1. Bolshakova, D. A., Petrovicheva, E. M. (2022). *Vliianie religioznykh vozzrenii selskogo naseleniia na praktiku zemskogo strakhovaniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh Vladimirskoi i Riazanskoi gubernii)* [The influence of religious beliefs of the rural population on the practice of zemstvo insurance in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Vladimir and Ryazan provinces)] in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 26–31. (in Russian).
2. Buganov, A. V. (2008). *Istoricheskaya pamyat russkikh krestian: realnost i mify (XIX–nachalo XX v.)* [Historical memory of Russian peasants: reality and myths (19th–early 20th centuries)] in *Novyy istoricheskii vestnik*, 18, 40–49. (in Russian).

3. Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [The Red Troubles: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
4. Viazinkin, A. Iu., Iakimov, K. A. (2022). *Krestianskii traditsionalizm v gody «revoliutsionnogo pereloma»* [Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”] in *Vestnik Tambovskogo universiteta*, 5, 1296–1303. (in Russian).
5. Davydov, M. A. (2016). *Dvadtsat let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty Years Before the Great War: Witte-Stolypin's Russian Modernization]. SPb.: ALETEYYa. (in Russian).
6. Zayonchkovskiy, P. A. (1968). *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The abolition of serfdom in Russia]. Moscow: Prosveshcheniye. (in Russian).
7. Kabytov, P. S., Kozlov, V. A., Litvak, B. G. (1988). *Russkoye krestianstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniya* [Russian peasantry: stages of spiritual liberation]. Moscow: Mysl. (in Russian).
8. Litvak, B. G. (1991). *Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas reformatorskaya alternativa* [The 1861 Revolution in Russia: Why the Reformist Alternative Failed]. Moscow: Politizdat. (in Russian).
9. Liamin, S. K., Oleinikova, S. D. (2025). *Starost kak komponent zhiznennogo i istoricheskogo tsiklov v mirovozzrenii krestian* [Old age as a component of life and historical cycles in the worldview of peasants] in *History: facts and symbols*, 1, 22–35. (in Russian).
10. Sukhova, O. A. (2008). *Desyat mifov krestianskogo soznaniya: ocherki istorii sotsialnoy psikhologii i mentaliteta russkogo krestianstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzhia* [Ten Myths of Peasant Consciousness: Essays on the History of Social Psychology and Mentality of the Russian Peasantry (late 19th – early 20th centuries) Based on Materials from the Middle Volga Region]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
11. Tikhonov, B. V. (1978). *Pereseleniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoy statistiki* [Migration in Russia in the second half of the 19th century. Based on the 1897 census and passport statistics]. Moscow: Nauka. (in Russian).
12. Tyukavkin, V. G. (2001). *Velikorusskoye krestianstvo i Stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli. (in Russian).
13. Fedorov, V. A. (1994). *Konets krepostnichestva v Rossii (dokumenty. pisma. memuary. stati)* [The End of Serfdom in Russia (documents, letters, memoirs, articles)]. Moscow: Izd-vo MGU. (in Russian).
14. Fursov, V. N. (2017). *Protest krestian tsentralno-chernozemnykh guberniy v otvet na reformu 1861 goda* [Protest of peasants of the Central Black Earth provinces in response to the reform of 1861] in *History: facts and symbols*, 3, 122–131. (in Russian).
15. Engelgardt, A. N. (1999). *Iz derevni 12 pisem: 1872–1887* [From the Village 12 Letters: 1872–1887]. Saint-Petersburg: Nauka. (in Russian).

УСТРОЙСТВО ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1830 – 1860-Е ГГ.

С.Н. Подлесных

Воронежский государственный лесотехнический университет

им. Г.Ф. Морозова,

ул. Тимирязева, д. 8, Воронеж, 394087, Россия

Аннотация

Введение. Настоящая статья посвящена истории устройства помещением судей Тамбовской губернии в 1840–1860-е гг. Особо критическая ситуация с судейскими помещениями, как в целом и с помещениями иных присутственных мест, начала складываться с конца 1830-х гг. Меры, принимаемые государством для исправления ситуации, положительного эффекта не дела. Основной причиной к этому было отсутствие в бюджете государства денег. **Материалы и методы.** Автором проанализированы материалы, представленные в делопроизводственной документации, введенной в научный оборот впервые, из фондов Российского государственного исторического архива (фонд 1152, фонд 1286). В ходе исследования были использованы как общие, так и частные методы научного познания: метод структурного анализа, историко-сравнительный метод, историко-системный метод, статистический. **Результаты.** Архивные материалы позволили проанализировать устройство помещений судей во всех уездах Тамбовской губернии. Одними из самых проблемных городов в вопросе обеспеченности помещением судей были губернский г. Тамбов и уездный г. Спасск. Как правило, в уездном городе все присутственные места размещались в одном здании. Острая нехватка казенных домов вынуждала местные власти заключать договоры найма с частными лицами, в основном купцами. Дефицитный бюджет Российской империи не позволял государству быстро обеспечить государственные органы помещениями. В этой связи местная администрация с 1844 г. ввела в Тамбовской губернии (по примеру других губерний) новый вид земского сбора – на устройство присутственных мест и тюрем. Однако эффект от введения нового сбор можно было считать частично положительным. **Заключение.** Представленное исследование позволяет сделать вывод об общей запущенности в деле устройства помещений для судейского корпуса Тамбовской губернии в дореформенное время. Автором делается вывод о том, что состояние помещений, в которых служили судьи, не отвечало целям правосудия. Дореформенные власти не смогли оперативно отреагировать на проблемы судей, связанные с их размещением в домах, непригодных для несения гражданской службы.

Ключевые слова: обеспечение помещением, материальное обеспечение, судейский корпус, земский сбор, дореформенный суд, уездный суд, палата уголовного суда, палата гражданского суда, губернатор, Тамбовская губерния, Российская империя

Для цитирования: Подлесных С.Н. (2026) Устройство помещений для судейского корпуса Тамбовской губернии в 1830–1860-е гг. // История: факты и символы. № 1 (46). С. 43-56. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-43-56>

Статья поступила: 10.10.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Подлесных С., 2026

ARRANGEMENT OF JUDICIAL FACILITIES IN TAMBOV PROVINCE IN THE 1830S–1860S

S.N. Podlesnykh

*Voronezh State Forest Engineering University
named after G.F. Morozov,
Timiryazev Street, Bldg. 8, Voronezh, 394087, Russia*

Abstract

Introduction. This article is devoted to the history of judicial accommodation in Tambov Province from the 1840s to the 1860s. A particularly critical situation with judicial accommodation, as well as with accommodation for other government offices in general, began to develop in the late 1830s. Measures taken by the state to rectify the situation were ineffective. The main reason for this was the lack of funds in the state budget. **Materials and Methods.** The author analyzed materials presented in the office documentation introduced into scientific circulation for the first time, from the collections of the Russian State Historical Archive (Fund 1152, Fund 1286). Both general and specific methods of scientific inquiry were used during the study: the method of structural analysis, the historical-comparative method, the historical-systemic method, and the statistical method. **Results.** Archival materials allowed us to analyze the arrangement of judges' quarters in all districts of Tambov Governorate. Among the cities with the most problematic provision of judges' quarters were the provincial city of Tambov and the district town of Spassk. As a rule, in the district town, all government offices were located in a single building. An acute shortage of state-owned buildings forced local authorities to enter into lease agreements with private individuals, primarily merchants. The deficit budget of the Russian Empire did not allow the state to quickly provide government agencies with premises. In this regard, in 1844, the local administration introduced a new type of zemstvo tax in Tambov Governorate (following the example of other governorates)—for the construction of government offices and prisons. However, the effect of this new tax could be considered partially positive. **Conclusion.** This study suggests a general lack of care in the provision of judicial housing in Tambov Governorate in the pre-reform period. The author concludes that the condition of the premises where judges served was unsuitable for the purposes of justice. Pre-reform authorities failed to promptly respond to the judges' problems related to their housing in buildings unsuitable for civil service.

Keywords: provision of premises, material support, judicial corps, zemstvo tax, pre-reform court, district court, criminal court chamber, civil court chamber, governor, Tambov Governorate, Russian Empire

For citation: Podlesnykh, S.N. (2026) Arrangement of judicial facilities in tambov province in the 1830s–1860s In *History: facts and symbols*, 1 (46), 43-56. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-43-56

Received: 10.12.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Podlesnykh S., 2026

1. Введение

Одним из проблемных вопросов в организации деятельности отечественного дореформенного суда был вопрос материального обеспечения. В том числе адекватное финансирование судебных учреждений влияет на их эффективность. Одним из элементов материального обеспечения судей можно считать обеспеченность чиновников помещениями. Надлежащее качество помещений, в которых работают судьи, определяет возможность достигать поставленные законом цели судопроизводства. В конечном итоге достойный уровень материального обеспечения представителей правосудия влияет как на их личный авторитет, так и на авторитет всей судебной системы.

В вопросе устройства помещений дореформенные суды не отличались комфортными условиями. Более того зачастую судебские помещения были просто опасны для нахождения в них. «Крайняя теснота и неудобность», ветхость и сырость были обычными характеристиками помещений, занимаемых судебским корпусом. Нередко судьи и чиновники административных учреждений служили в откровенно аварийных зданиях. Так, в докладе Главного управления путей сообщения и публичных зданий от 21 декабря 1844 г. указывалось, что в Тамбове «здания уголовной палаты и казначейства ветхи и поддерживаются деревянными подпорами». Далее говорилось, что «ветхое положение этих корпусов,

из которых один угрожает скорым разрушением и находится в столь опасном положении, что губернатор вынужден был вывести палату в частный дом»¹.

Е.А. Крестьянников отмечает, что «правосудию тогда еще не требовались достойные наружность и интерьер: отсутствие публики и сторон позволяло судам ютиться в небольших помещениях и делало ненужной заботу об их благоустройстве» [7, с. 58]. С данным мнением невозможно не согласиться. Сам имперский закон в вопросе обеспеченности судей помещениями обозначал для этого минимальные требования².

Вопросы материального обеспечения судей Российской империи анализируются учеными как в работах, посвященных в целом дореволюционному чиновничеству, так и в исследованиях по истории судейского корпуса. Среди таких авторов можно назвать А.Х. Абазова [1], А.Н. Бикташеву [3], Д.В. Болдырева [4], Т.Р. Вакилева [5], В.А. Воропанова [6], Т.Л. Курас [8], Н.Г. Малкову [10], Е.В. Шалягину [11]. Из специальных работ, исследовавших устройство помещений судей, необходимо назвать статьи Е.А. Крестьянникова [7].

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении истории устройства помещений для судейского корпуса Тамбовской губернии в дореформенное время.

2. Материалы и методы

В ходе проведенного исследования автором были использованы как общие, так и частные методы научного познания. Метод структурного анализа позволил в целом оценить устройство помещений для судей Тамбовской губернии. С помощью историко-сравнительного метода удалось сравнить состояние помещений во всех уездных городах Тамбовской губернии. Историко-системный метод помог проанализировать меры государства в 1830–1860-е гг., направленные на обеспечение судей помещениями, пригодными для несения гражданской службы. Статистический метод использовался с целью подсчета финансовых показателей как нового земского сбора с обывателей на строительство присутственных мест и тюрем, так и сумм, израсходованных по строительным подрядам по контрактам на возведение новых зданий и переустройство старых помещений. В настоящей статье также использовались иные научные методы.

Основными источниками исследования явились следующие материалы:

– делопроизводственная документация, представленная архивными делами, введенными в научный оборот впервые, из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) – фонд 1152 Департамент государственной экономии Государственного совета, фонд 1286 Департамент полиции исполнительной МВД. В данных документах представлена переписка губернских властей с министерством внутренних дел, министерством юстиции, главным управлением путей сообщения и публичных зданий, отражающая состояние помещений судебных учреждений Тамбовской губернии, причины и порядок введения земского сбора на строительство присутственных мест и тюрем, также порядок найма у частных лиц домов для судейского корпуса. Финансовые документы позволили оценить возможности губернских властей относительно строительства нового здания для присутственных мест в Тамбове, а также переустройства старых помещений в уездных городах губернии;

– нормативно-правовые акты: документы из Свода законов Российской империи. Нормативные правила позволили оценить требования, предъявляемые к устройству помещений для судейского корпуса.

3. Результаты

Сохранившиеся архивные документы позволяют рассмотреть устройство помещений для судейского корпуса в каждом из уездных городов Тамбовской губернии. 6 марта 1840 г. тамбовский гражданский губернатор А.А. Корнилов в развернутой форме доносил управляющему министерством внутренних дел А.Г. Строганову о помещениях присутственных мест всех уездных городов вверенной ему губернии³.

Губернатор писал, что в Тамбове палата гражданского суда размещается в каменном двухэтажном казенном доме вместе с губернским правлением, губернской строительной комиссией, канцелярией губернского прокурора, приказом общественного призрения, земским судом, типографией и архивами «онных мест». Дом был построен в 1822 г. и находился в «довольно прочном положении». На исправле-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 891. Л. 2–2 об.

² Общие правила о составе и прочем устройстве губернских, уездных и городских мест // Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. 1. СПб.: Тип. II отд. С.Е.И.В.К., 1857. С. 6–17.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 8–21 об.

ние «некоторых ветхостей» требовалось до 2 515 руб. 71 коп. ассиг.¹ Палата уголовного суда и ее архив размещались в другом каменном двухэтажном здании совместно с уездным казначейством. Когда в казну «онный дом приобретен, сведений не было». Отмечалось, что «поправок» это здание не требует². Тамбовский уездный суд помещался в частном каменном доме с платой от казны 700 руб. в год. Советный суд находился совместно с врачебной управой и квартирной комиссией в казенном одноэтажном деревянном доме. Ранее этот дом замещался начальниками Тамбовской губернии и находился в «совершенно ветхом положении». Сведений о годе его постройки не имелось. По распоряжению губернатора Корнилова был подготовлен проект постройки двух отдельных каменных корпусов, в которых предполагалось поместить все присутственные места Тамбова³.

В Моршанске уездный суд размещался в казенном каменном двухэтажном корпусе совместно с земским судом, дворянской опекой и их архивами, уездным казначейством и тюрьмой. Здание было построено в 1831 г. Отмечалось, что строение было весьма прочным⁴.

В Козлове уездный суд с дворянской опекой помещались по найму в каменном частном доме с платой от казны в год 800 руб.⁵

В Шацке уездный суд с дворянской опекой также помещался по найму в частном деревянном доме с платой от казны в год 500 руб.⁶

В Кирсанове уездный суд располагался в доме частного лица с платой от казны в год 350 руб.⁷

В Борисоглебске уездный суд находился в частном доме по найму с платой в год 295 руб.⁸

В Темникове уездный суд совместно с дворянской опекой, земским судом и архивами «онных мест» помещался в казенном деревянном одноэтажном доме. «Когда онный построен или приобретен покупкою сведения не имеется». Губернатором отмечалось, что «строение сие находится в посредственном положении и к помещению удобно»⁹.

В Липецке уездный суд, дворянская опека, земский суд «с архивами онных» помещались в частном доме с платой в год за наем 1 050 руб.¹⁰

В Лебедяни уездный суд, земский суд, дворянская опека, «архивы онных мест», уездное казначейство с кладовой и тюрьма помещались в казенном каменном двухэтажном доме, построенном в 1830 г. Указывалось, что «строение сие находится в прочном положении и к помещению удобно»¹¹.

В Елатье уездный суд, земский суд, дворянская опека, «архивы онных мест» и уездное казначейство с кладовой в казенном каменном одноэтажном доме, который был пожертвован в казну в 1811 г. титулярным советником Ушаковым. Когда этот дом был построен, сведений не сохранилось, но отмечалось, что «онный находится ныне в прочном положении и к помещению удобен»¹².

В Усмани уездный суд, земский суд, уездное казначейство с кладовой и дворянская опека по имени казенного дома для присутственных мест помещались в частном доме с платой от казны в год 2 000 руб.¹³

Особо сложна ситуация с помещениями под судейский корпус складывалась в уездном г. Спасск. Еще в 1829 г., когда Спасск проезжал русский публицист В.Г. Белинский, в одном из своих писем он отмечал: «Этот городишко не стоит того, чтобы о нем говорить: представьте себе, он не имеет казенного дома для присутственных мест, которые размещены по разным лачугам, нет ни одного каменного дома, только домов десяток крытых тесом; одна только церковь...» [2, с. 7].

Как оказалось, к 1839 г. в этом уездном городе мало что изменилось. 30 ноября 1839 г. тамбовский губернатор Корнилов доносил управляющему министерством внутренних дел А.Г. Строганову о

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 8 об.–9.

² Там же. Л. 9–9 об.

³ Там же. Л. 9 об.–10.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 12 об.–13.

⁷ Там же. Л. 13 об.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 14 об.–15.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Там же. Л. 17 об.–18.

¹³ Там же. Л. 18–18 об.

состоянии помещений местных присутствий. Отмечалось, что еще в апреле 1835 г. тамбовский гражданский губернатор Н.М. Гамалея «входил в министерство внутренних дел с представлением о постройке в г. Спасск каменного казенного дома для присутственных мест». 27 августа 1835 г. от министра внутренних дел было получено согласие на данное строительство. Губернатор Гамалея поручил разработать проект на здание, а также смету. Однако до самого вступления в должность нового губернатора А.А. Корнилова это поручение не было исполнено¹.

После лично проведенного А.А. Корниловым обозрения тамбовских уездных управлений губернатор нашел, что помещение спасских уездных присутственных мест «не токмо с того времени не улучшилось, но еще от времени сделалось хуже». Корнилов отмечал: «Уездный и земский суды помещались весьма тесно и неопратно в двух частных обывательских домах по найму, архивы их в худых деревянных амбарах». Однако такое состояние помещений судебных учреждений можно было еще признать удовлетворительным в сравнении с тем, как выглядело спасское уездное казначейство. Губернатор так описывает здание уездного казначейства: «Дом этот пришел в совершенную ветхость, строение сгнило, крышки и углы обрушились и поддерживаются подпорками и к переделке онаго ныне не предстоит совершенно никакой возможности»². Местным губернским и уездным чиновникам Корнилов поручил подыскать «другие более удобные помещения». Однако поручение губернатора не было исполнено, ибо в г. Спасск просто не было подходящих зданий для присутственных мест, «а если и есть некоторые дома, которые бы и можно было занять по найму, то хазяевы оных на это не соглашаются»³.

Дело с судебными помещениями в Спасске резко усугубилось в конце августа 1839 г., когда в городе произошел пожар. Сила огня «истребила лучшие дома в городе, в том числе сгорели и квартиры земского и уездного судов с их архивами». Донесением от 6 марта 1840 г. губернатор А.А. Корнилов указывал, что в Спасске уездный суд помещался в частном доме с платой от казны в год 425 руб.⁴ Губернатор подчеркивал: «Настоящее помещение этих присутственных мест, как я лично в том удостоверился, еще хуже прежнего». В итоге губернский архитектор Вердеревский разработал проект на возведение в Спасске нового здания для присутственных мест. В донесении А.А. Корнилова на имя управляющего министерством внутренних дел указывалось, что «построение в Спасске каменного дома для присутственных мест есть совершенно необходимо и не может терпеть никакого отлагательства»⁵.

В уже упомянутом донесении от 6 марта 1840 г. тамбовский губернатор подчеркивал, что, «исключая разрешенных уже построек и исправлений требуется возвести ныне же вновь казенные здания» для следующих помещений: в Тамбове для губернских присутственных мест два новых каменных флигеля, в Козлове, Шацке, Кирсанове, Борисоглебске, Липецке, Спасске, Усмани по два каменных корпуса для уездных судов и иных учреждений. Общая сумма на возведение всех зданий составляла до 250 тыс. руб. сер.⁶

Губернатор Корнилов полагал возвести все объекты при нужном финансировании в течение 6 лет. В первые три года планировалось построить здания в Тамбове, Кирсанове и Спасске, а в следующие три года – в оставшихся уездных городах губернии⁷.

В государственном бюджете необходимых средств для указанных строительных работ в Тамбовской губернии не было. Суммы, необходимые на покрытие указанных издержек, губернатором предполагалось собрать в течение 6 лет по дополнительной смете земских повинностей. Новый вид сбора в официальных документах указывался, как земский сбор с обывателей на строительство присутственных мест и тюрем. Отмечалось, что этот сбор «применяясь к расходам настоящего трехлетия будет простираться от 5 до 7 коп. с души». С купеческого капитала предполагалось брать ¼ %. Планировалось в год с нового сбора получать до 50 тыс. руб.⁸ Таким образом, в Тамбовской губернии планировалось установить намного больший земский сбор на строительство присутственных мест, чем в сосед-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 1–1 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 1 об.–3.

⁴ Там же. Л. 16 об.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶ Там же. Л. 19–20 об.

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Там же. Л. 26 об.–27.

них губерниях. Так, например, в Орловской губернии данный сбор составлял 3 коп. с лица податного состояния, а с купеческого капитала – 1/8 %¹.

12 июня 1840 г. управляющий министерством внутренних дел А.Г. Строганов в письме на имя министра финансов Е.Ф. Канкрин одобрял введение в Тамбовской губернии нового земского сбора для присутственных мест. Строганов отмечал, что в Тамбовской губернии земскую повинность отбывали 758 607 человек, а с купеческого капитала 1 288 человек. Получалось, что в год с Тамбовской губернии можно было собрать 53 448 руб. сер. Отмечалось, что сбор с тамбовских обывателей по иным видам был незначительным в сравнении с другими губерниями. Однако, «принимая в уважение, что при нынешнем неурожае в Тамбовской губернии сбор сей в настоящее время был бы обременителен для обывателей», А.Г. Строганов предлагал отложить введение нового земского сбора «до того времени, пока губерния сия не придет в лучшее положение»². 28 июня 1840 г. в письме-ответе министерство финансов согласилось в предложением Строганова³.

Экономическая ситуация в Тамбовской губернии после неурожая 1840 г. была очень серьезная, у населения не хватало денег к существованию. В этой связи даже предлагалось «для доставления нуждающимся в продовольствии способа к заработкам устроить в некоторых местах Тамбовской губернии гати и шоссировать дороги на счет остаточного капитала земских сборов от прежних лет, хранящегося в количестве 102 тыс. руб. сер. в Тамбовском приказе общественного призрения»⁴. В последствие данное решение не было приведено в исполнение, так как отпала надобность в производстве работ «собственно для доставления жителям способов к заработкам»⁵.

Узнав о том, что в Тамбовской губернии введение нового земского сбора на строительство присутственных мест отложено, Главное управление путей сообщения и публичных зданий, которое в том числе отвечало за проектирование казенных домов, приостановило утверждение проектов по Тамбовской губернии. К примеру, 1 сентября 1841 г. об этом было доложено управляющему министерством внутренних дел в отношении проекта на здание присутственных мест г. Кирсанова⁶.

Вместе с тем из года в год состояние помещений, занимаемых судебским корпусом Тамбовской губернии только ухудшалось. Так, 6 июля 1842 г. тамбовская палата гражданского суда в представлении на имя гражданского губернатора описывала состояние занимаемого судьями и канцелярией здания: «Многие части корпуса, палатой занимаемого пришли в такое положение, что угрожают совершенным разрушением и самой опасностью в жизни служащих, ибо, а) есть такие расщелины, которые проходят сквозь всех стен. б) штукатурка внутри вся растрескалась и повисла, а в одной комнате обрушилась в довольно большом количестве во время самого занятия делопроизводителей, которые едва могли спасти себя от разных повреждений. в) против подъездного крыльца отвалилась такая масса штукатурки, которая пробилась собою сверх крыльца насквозь железную крышу и переломила стропило внизу под крышей, подшивную доску, а самое подъездное крыльцо совершенно почти развалилось. г) печки в корпусе так худы в разных местах, что одна из них в прошедшую зиму не была уже и топлена, отчего производители дел при худобе окон, рам и стекол терпели нестерпимый холод и не могли заниматься с успехом своим делом и если сии не будут исправлены ныне, то в будущую зиму едва ли можно будет топить и те, которые в прошедшую зиму с нуждою топились. Столь многие ветхости корпуса, угрожающие разрушением и самую опасностью лишить жизни кого-либо из служащих в палате, убеждают палату все изъясненное представить в начальственное внимание...». Судьи просили губернатора исправить помещение до осени, в противном случае «нанять для палаты удобную квартиру»⁷.

Сумма на строительство помещений для присутственных мест в Тамбовской губернии с каждым годом только росла. 4 марта 1843 г. министерство финансов указывало по Тамбовской губернии данную сумму в размере 300 тыс руб. сер. Предлагалось с 1844 г. на 6 лет установить в Тамбовской губернии сбор с местных обывателей в год в следующих размерах: с купеческого капитала по 1/4 %, с иных податных душ – 4 1/2 коп. сер. За шесть лет планировалось собрать сумму в 250 800 руб. сер.⁸

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 521. Л. 107.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 36–38 об.

³ Там же. Л. 49.

⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Д. 105. Л. 5.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 67. Л. 4 об.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 61 об.

⁷ Там же. Л. 94–95.

⁸ Там же. Л. 112 об.

Министр внутренних дел Л.А. Перовский данное предложение поддержал. 2 сентября 1843 г. Государственный совет утвердил введение нового земского сбора в Тамбовской губернии. Было постановлено начать земский сбор на строительство присутственных мест Тамбовской губернии с 1844 г.¹ С каждой податной души брать по 4 ½ коп. сер., с купеческого капитала по ¼ %². Стоит отметить, что тамбовский губернатор А.А. Корнилов предлагал с обывателей брать по 6 коп. в год³.

Недостающую сумму в размере 50 тыс. руб. предполагалось взять из денег остаточного земского капитала, хранящегося в приказе общественного призрения⁴.

В г. Тамбове часть присутственных мест, в том числе палата гражданского суда, требовали неотложных мер по капитальному ремонту зданий. В этой связи губернатор Корнилов предложил взять деньги на их восстановление также из остаточных земских сумм, хранящихся в приказе общественного призрения, с обязанностью возратить их после получения денег с вводимого нового земского сбора⁵.

Таким образом, финансовые тяготы по строительству судебных помещений были переложены на обывателей Тамбовской губернии. Декабрист М.С. Лунин в ноябре 1839 г. писал: «Почти везде денежный недостаток вынуждал правительство обращаться к народу, который взамен денежных пособий получал уступки, права и имущества. У нас вышло противное: истощение государственной казны заставило прибегнуть к винному откупу и в разврате народном искать поруки за ничтожество» [9, с. 476]. Думается, что все же Лунин был не совсем прав. Российское правительство довольно часто обращалось к своему народу, вводя новые налоги и сборы. Как пример, земский сбор на строительство присутственных мест. Хотя взамен никаких прав и имущества население, действительно, не получало.

На время строительства присутственных мест в Тамбове местными властями подыскивались подходящие дома для размещения государственных органов. Найти в Тамбове подходящий дом для присутственных мест было очень непросто. Например, когда в 1854 г. встал вопрос о найме частного дома для тамбовского губернатора и его семьи, то выяснилось, что «нанять частный дом не только достаточно приличный, но и сколько-нибудь удобный и поместительный будет нельзя, потому что все такие дома заняты для губернских и уездных присутственных мест»⁶.

По состоянию на лето 1846 г. в губернском Тамбове судебные учреждения размещались в домах следующих частных лиц:

- Палата уголовного суда – в 3-й части в доме г. Шубина;
- Совестьный суд (совместно с врачебной управой) – в 3-й части в доме госпожи Колоколовой;
- Уездный суд – во 2-й части в доме купчихи Толмачевой.⁷

Из всех судебных мест Тамбова сложнее всего обстояло дело с временным размещением палаты гражданского суда. Судей этого учреждения вообще негде было расположить. Также серьезные проблемы с помещением испытывал совестный суд, хотя и размещенный в доме госпожи Колоколовой. Под эти судебные места рассматривались дома титулярного советника Герасимова, который мог сдать в наем помещения за 1 900 руб. сер. в год. Однако эти помещения не были удобными. Осматривались дома купчихи Дарьи Калашниковой, которые более подходили под цели правосудия и административных органов. Отмечалось, что более желающих отдать свои дома в Тамбове под помещения присутственных мест, не оказалось. Местные власти отмечали, что в доме Герасимова можно было бы разместить кроме судов также архив губернского правления, приказ общественного призрения с архивом и врачебную управу. Однако комнаты в доме Герасимова были сырыми. Дом Калашниковой был обширнее, чем дом Герасимова, поэтому в нем можно было разместить большее количество присутственных мест. Губернатор ходатайствовал перед министром внутренних дел о найме именно дома Калашниковой с платой 3 000 руб. сер. в год или 2 500 руб. сер. в год «с отпуском этих денег вперед на три года»⁸.

Министерство внутренних дел отмечало, что суммы, запрашиваемые купчихой Калашниковой за свой дом, очень большие для губернского города. В этой связи 28 июня 1846 г. в Тамбов был коман-

¹ РГИА. Ф. 1152. Оп. 3. Д. 105. Л. 8.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 1. Л. 117 об., 136.

³ Там же. Л. 112 об.

⁴ Там же. Л. 110–110 об.

⁵ Там же. Л. 113.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 15. Д. 1605. Л. 2 об.

⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 2. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 1–13.

дирован представитель министерства внутренних дел статский советник Бурачков с целью «произвести там вместе с губернатором новое освидетельствование означенным домам»¹.

По итогам обследования была составлена сравнительная ведомость «внутренних площадей и вместительности помещений в казенном и частных домах». Количественные данные по судебным учреждениям Тамбова на июль 1846 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1. Ведомость внутренних площадей палаты гражданского суда и совестного суда в казенном и частных домах. 1846 г.

Table 1. List of internal areas of civil court chambers and courts of conscience in state and private buildings. 1846.

Источник: РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 2. Л. 26 об.–27.

Назначение комнаты	Прежнее размещение в казенном доме		Размещение в частных домах			
			Купчиха Калашникова		Титулярный советник Герасимов	
	Число комнат	Площадь в кв. саж.	Число комнат	Площадь в кв. саж.	Число комнат	Площадь в кв. саж.
Палата гражданского суда						
Передняя приемная	1	18 ½	2	10 ¾	2	7 ¾
Канцелярия и надсмотрщики	3	35	5	33 ¾	5	30 5/6
Присутственная камера	1	17 2/3	1	8 ¾	1	8
Совестный суд						
Передняя	В казенном здании не размещался		1	3 2/3	Признаны не пригодными в виду малых площадей	
Канцелярия			1	4 1/3		
Присутственная камера			1	2 ¼		

Как видно из представленной таблицы, площадь отдельных комнат в предполагаемых для найма частных домах была значительно меньше по сравнению с площадью комнат в старом казенном доме. Однако частные дома заметно обгоняли казенный дом по количеству комнат. Общая площадь помещений палаты гражданского суда в казенном доме составляла около 141 кв. саж., общая площадь в доме Калашниковой составляла 199 кв. саж., в доме Герасимова – около 177 кв. саж. Совестный суд в случае найма дома у купчихи Калашниковой занимал бы очень скромные площади. В случае с домом Герасимова помещения под совестный суд вообще были признаны непригодными.

По итогу обследования зданий в Тамбове министерством внутренних дел было принято решение о найме под присутственные места губернского города дома купчихи Калашниковой. Министерство финансов поддержало в этом вопросе своих коллег. Однако с целью экономии предложила сразу выдать Калашниковой сумму в 7 500 руб. сер. за три года при условии, что выбранный дом будет застрахован на все время найма².

Контракт на наем дома с 3-й гильдии купчихой Дарьей Калашниковой был заключен 21 декабря 1846 г. В контракте было написано, что кроме палаты гражданского суда и совестного суда в нем должны быть помещены строительная комиссия, типография, земский суд, приказ общественного призрения и врачебная управа «или другие какие-либо присутственные места». Казалось бы, теперь точно временное помещение для палаты гражданского суда найдено. Однако в начале 1847 г. вместо палаты гражданского суда, которая быстро не смогла перейти в дом Калашниковой, было помещено губернское правление. Губернатор П.А. Булгаков доносил, что для «губернского правления по оказавшимся значительным неисправностям в занимаемой им квартире требовалась в самом скорейшем времени другая

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 2. Л. 19.

² Там же. Л. 45–46.

удобнейшая квартира». Судей и чиновников гражданской палаты разместили в частном доме госпожи Блюммер¹.

На этом проблема временного размещения судейского корпуса в частных домах Тамбова не была решена. После переезда в дом Калашниковой губернского правления оказалось, что для канцелярии этого учреждения не хватает места. В этой связи губернское правление заняло еще все комнаты совестного суда. Поэтому с дозволения губернатора совестный суд был оставлен в старом помещении – доме Колоколовой². Таким образом, в неплохом доме Калашниковой не было помещено ни одного судебного учреждения. Судьи и чиновники палаты гражданского суда и совестного суда вновь остались без улучшений по части обеспеченности помещениями. Однако переехал в другое более пригодное помещение уездный суд. Для уездного суда и земского суда был сдан в наем дом Болотникова за 100 руб. сер. в два года³. К слову сказать, у губернских властей не получилось, как планировалось, за 3 года построить корпуса для присутственных мест в Тамбове, поэтому государственные учреждения остались в доме купчихи Калашниковой, хотя новый контракт не был заключен «по упорству самой Калашниковой»⁴.

Бюрократические процедуры и переписки очень серьезно затянули строительство дома для присутственных мест в Тамбове. Так, 30 марта 1852 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский отмечал, что «даже и разрешения на постройку оногo еще не дано». В этой связи он давал указания тамбовскому губернатору заключить с купчихой Калашниковой новый контракт на прежних условиях сроком на три года⁵.

Однако и в следующие три года казенное здание не было построено. После 1850 г. государство еще как минимум четыре раза перезаключало с Д. Калашниковой контракт на наем помещений для губернских присутственных мест в Тамбове. Во всяком случае, по состоянию на 20 марта 1859 г. казна еще платила купчихе деньги за наем ее дома⁶.

Первично в Тамбове предполагалось не строительство нового здания под губернские присутственные места, а перестройка старых корпусов. Однако, рассмотрев представленные проекты на переустройство старых зданий присутственных мест в Тамбове Главное управление путей сообщения и публичных зданий 31 января 1845 г. доносило в министерство внутренних дел: «Производство предполагаемых исправлений не принесло бы никакой пользы, во-первых, по чрезвычайной ветхости двух корпусов, требующих перестройки оных от основания, а, во-вторых, по тесноте и неудобству главного корпуса, не отвечающего потребностям настоящего времени». Было предложено выстроить новое здание для губернских присутственных мест⁷. Однако данное предложение в 1845 г. поддержано не было. Видимо, правительство опасалось, удастся ли собрать с земских сборов необходимую сумму.

В 1851 г., когда очередной проект перестройки здания присутственных мест Тамбова рассматривался местным руководством, губернатор П.А. Булгаков пригласил «всех председателей палат в присутствие строительной и дорожной комиссии для рассмотрения означенного проекта, так и для совещания по оному». На этом совещании совестный судья и председатели судебных палат объявили, что «показанное на планах размещение для управляемых ими палат находят во всех отношениях достаточными и удобными». Единственное замечание судьи сделали по поводу проектируемых помещений палаты гражданского суда. Было предложено уменьшить приемную комнату, но устроить «особое от канцелярии помещение для надсмотрщика, что необходимо для сбережения находящихся у него крепостных актов»⁸. После указанных замечаний в проект здания присутственных мест Тамбова, действительно, были внесены изменения⁹. Данный пример показывает довольно гибкое управление Булгаковым территории, которая была под его руководством. Очевидно, губернатору было важно, что думают о проекте переустройстве чиновники, которые в последствие будут в этих помещениях работать.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 730. Ч. 2. Л. 55–55 об.

² Там же. Л. 56.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 68.

⁵ Там же. Л. 81 об.–82 об.

⁶ Там же. Л. 99.

⁷ Там же. Л. 193–193 об.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 891. Л. 155 об.–156.

⁹ Там же. Л. 156 об.

Сам проект перестройки губернского здания присутственных мест в Тамбове Высочайше был утвержден только 14 июля 1855 г. После всех сокращений на переустройство здания требовалось 155 197 руб.¹

После долгих дискуссий в итоге все же было принято решение строить в Тамбове совершенно новое здание. Проект нового строительного объекта в губернском городе окончательно был разработан в 1857 г. На его выполнение исчислялось 165 000 руб. В 1860 г. в докладе главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями отмечалось: «По ближайшим местным соображениям признано более полезным, как в отношении прочности, так и удобства помещения вместо перестройки старого корпуса, с распространением пристройками, возвести новое здание Тамбовских присутственных мест».²

Таким образом, местные власти в конечном итоге все же вернулись к предложению 1845 г. о строительстве совершенно нового здания для губернских присутственных мест в Тамбове. Разработка, рассмотрение, переутверждение проекта серьезно затянули время начала строительства нового здания, хотя новых помещений в Тамбове остро не хватало. Так, еще в 1848 г. начальник Тамбовской губернии доносил министру внутренних дел Л.А. Перовскому, что «по неимению в Тамбове казенного дома для губернских присутственных мест канцелярия гражданского губернатора помещается в здании, предназначенном собственно для жительства губернатора»³.

31 января 1858 г. министр внутренних дел С.С. Ланской поручил тамбовскому губернатору К.К. Данзас доставить сведения о том, «сколько именно собрано было по Тамбовской губернии денег на устройство присутственных мест и тюрем»⁴.

После получения всех сведений с уездных казначейств тамбовская казенная палата докладывала, что со времени учреждения сбора, т.е. с 1844 г., было собрано в течение шести лет 270 319 руб. 50 ½ коп. сер., которые отсылались в Государственный заемный банк. Из этой суммы на устройство присутственных мест было израсходовано 132 904 руб. сер. К 1 января 1858 г. оставалось наличного капитала по билетам Государственного заемного банка на 137 415 руб. 86 коп. сер., «на каковой капитал исчислено процентов до 64 205 руб. 54 ¼ коп. сер.»⁵

18 декабря 1862 г. тамбовский губернатор К.К. Данзас доносил министру внутренних дел П.А. Валуеву, что в предшествовавшее время на постройку зданий для присутственных мест и тюрем земский сбор производился четыре раза:

- 1-й сбор – с 1844 г. в течение шести лет было собрано 270 319 руб. 50 ½ коп. сер. Это ровно столько, сколько было в донесении 1858 г.;
- 2-й сбор – с 1852 г. по 1855 г. было собрано 164 145 руб. 93 коп. сер.;
- 3-й сбор – в 1855 г. было собрано 7 095 руб. 20 коп. сер.;
- 4-й сбор – с 1857 г. по 1860 г. собрано 27 930 руб. 46 коп.
- Всего собрано – 459 491 руб. 9 ½ коп. сер. Вместе с банковскими процентами получалось 537 842 руб. 91 ½ коп. сер.⁶

Архивные документы позволяют проанализировать расходы по Тамбовской губернии из капитала, собранного по Высочайшему повелению от 17 сентября 1843 г. (период сбора – 6 лет). Как показывает ведомость 1870 г. о расходе сумм, собранных на устройство присутственных мест и тюрем в Тамбовской губернии, первоначально все же земские деньги тратились не на присутственные места, а на строительство тюремных замков и острогов⁷. Так, деньги из земских сборов были отпущены на строительство тюремных замков или острогов в Елатье в 1849 г. (22 443 руб. 3 коп.), в Козлове в 1849 г. (23 410 руб.), в Спаске в 1850 г. (21 816 руб. 57 коп.), в Борисоглебске в 1852 г. (24 287 руб. 80 коп.)⁸

Первое выделение денег из земских сумм на строительство присутственных мест Тамбовской губернии последовало только в 1851 г. В этом году на постройку казенного дома в Козлове было запланировано 36 147 руб. 81 ½ коп.⁹ В 1855 г. было запланировано строительство казенного дома в Тамбове

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 891. Л. 416.

² Там же. Л. 416–416 об.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 958. Л. 1.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 67. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 9 об.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 65–67 об.

⁸ Там же. Л. 65–65 об.

⁹ Там же. Л. 65 об.

(59 876 руб. 54 ½ коп.), ремонт зданий в Темникове (2 437 руб. 22 ¼ коп.) и Борисоглебске (2 500 руб.). В 1864 г. также было выделено на устройство железных решеток и ставен в строящемся здании присутственных мест Тамбова 1 194 руб. 37 коп., в 1866 г. по этому же объекту было выделено 3 100 руб. на устройство лестниц¹.

На строительство присутственных мест в многострадальном Спаске, где в пожаре 1839 г. было уничтожено множество зданий, в том числе и здание уездного суда, средства были выделены только в 1861 г., т.е. спустя 22 года после пожара. Сумма выделенных средств была небольшой – 14 000 руб. 33 ½ коп.²

В 1863 г. были выделены деньги на возобновление ограды присутственных мест в Борисоглебске (4 568 руб.), Темникове (3 952 руб., 31 коп.) и Спаске (3 952 руб. 54 коп.). В Темникове ограду присутственных мест также еще правили в 1865 г. на сумму 788 руб. 2 коп.³

Из сумм, назначенных по сметам земских повинностей второго сбора, в 1855 г. были выделены средства на следующие строительства присутственных мест:

- в Тамбове на сумму 110 055 руб. 84 коп.;
- в Темникове – 11 511 руб. 2 ½ коп.;
- в Борисоглебске – 18 500 руб.⁴

В том же 1855 г. из сумм второго земского сбора на строительство острога в Темникове выделялось 18 547 руб. 72 ½ коп. В 1859 г. на постройку острога в Липецке выделялось 23 000 руб.⁵

Как видно из финансовых документов, на текущие расходы по строительству зданий в Тамбовской губернии из земского сбора было потрачено около 460 руб.⁶

Таким образом, из сумм двух земских сборов на строительство тюремных замков и острогов было потрачено 133 505 руб. 12 ½ коп. сер., что составляло около 29 % от общей суммы всех земских сборов в Тамбовской губернии периода 1844–1860 гг., поступивших с обывателей на строительство присутственных мест. Остальные деньги шли на строительство или переустройство зданий присутственных мест, в том числе для судейского корпуса.

Контракт на строительство здания для присутственных мест в Тамбове был отдан купцу Гутнеру на сумму 160 937 руб. 56 коп. сер.⁷ В последствие сумма контракта была немного повышена.

Герцель Гутнер – санкт-петербургский купец I-й гильдии. Контракт с ним был заключен 20 ноября 1861 г. Гутнер обязывался построить здание в Тамбове в течение четырех лет.⁸

По финансовым документам 1870 г., доложенным тамбовским губернатором в министерство внутренних дел, на строительство нового казенного здания в Тамбове из земских сумм было выделено 174 226 руб. 75 ½ коп.

Однако с точными денежными расчетами земских сборов и суммами, затраченными на строительство зданий, была серьезная проблема. Об этом 24 ноября 1878 г. доносил в министерство внутренних дел новый тамбовский губернатор М.В. Шаховской-Глебов-Стрешнев⁹. Он поручил местным чиновникам проанализировать финансовое дело своих предшественников, сверив все документы. Губернатор отмечал, что сведения о земском капитале «оказываются в настоящее время неверными в действительности». Оказалось, что некоторые документы вовсе были утеряны. Финансовые затраты по нескольким строительным позициям были завышены. К примеру, на строительство самого большого здания для присутственных мест в Тамбовской губернии, в самом г. Тамбове, по подсчетам 1878 г. на самом деле было затрачено 169 932 руб. 38 коп.¹⁰

Особо отмечалось, что сказать, «на чем же оные были основаны в настоящее время проверить не представляется возможным». Кроме этого было установлено, что по расчетной книжке Тамбовского отделения Государственного банка за № 48 на 121 713 руб. 64 коп. денег нисколько не получалось, а меж-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 67. Л. 66.

² Там же. Л. 65 об.

³ Там же. Л. 65 об.

⁴ Там же. Л. 66 об.–67.

⁵ Там же. Л. 67.

⁶ Там же. Л. 65 об.–67 об.

⁷ Там же. Л. 123.

⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 891. Л. 442–442 об.

⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 67. Л. 91.

¹⁰ Там же. Л. 91–93 об.

ду тем взносы производились и выросшие проценты причислялись к капиталу». Кроме этого губернатором еще приводились примеры, когда суммы, выделяемые на обустройство Тамбовской губернии, были завышены, а документы, подтверждающие их расход, утеряны. Так, по предложению бывшего губернатора в 1845 г. было отпущено Лебедянскому уездному предводителю дворянства 299 руб. 41 коп. на исправление в г. Лебедяни моста и парома. На самом деле деньги были отпущены в 1849 г. на сумму 342 руб. 18 коп. «Дела же об отпуске сих денег нигде не найдено, а отыскано одно только журнальное постановление бывшего тамбовского приказа общественного призрения». – Отмечалось губернатором Шаховским-Глебовым-Стрешневым в 1878 г. Учет сумм земских повинностей не всегда велся по категориям сбора. Так, деньги в размере 58 460 руб. 99 ¼ коп., поступившие в тамбовское казначейство из бывшего приказа общественного призрения с 1841 г. по 1852 г. зачислены по мере их поступления в общую сумму земского сбора, поэтому «в настоящее время не представляется ни какой возможности отделить эти деньги от других сумм земской повинности». Необходимо отметить, что, возможно, данное обстоятельство было одной из причин расхождений сумм земского сбора на строительство присутственных мест. Видимо, некоторые суммы или просто забыли учесть, или они записывались не по соответствующей категории – земский сбор на строительство присутственных мест¹.

В финансовых делах о строительстве в Тамбовской губернии зданий для присутственных мест в 1850–1860-е гг. губернскими чиновниками, проверяющими расходование на такое строительство, были обнаружены документы о назначении ревизий Главным управлением путей сообщения и публичных зданий за разные годы. Однако не нашлось ни одного документа по итогам таких ревизий. К примеру, губернатор Шаховской-Глебов-Стрешнев доносил об этом в министерство внутренних дел в отношении строек в Тамбове, Борисоглебске, Спасске, Липецке и Темникове. Именно по этим городам было назначено несколько ревизий с 1853 г. по 1869 г.² В этой связи так и осталось неясным, проводились ли вообще Главным управлением путей сообщения и публичных зданий контрольные процедуры в отношении строительных объектов Тамбовской губернии.

4. Заключение

Основная причина серьезного запущения имущественного состояния отечественных судебных учреждений к концу 1830-х гг. была связана с отсутствием в российском бюджете денег. Как показывают архивные документы, первые подвижки в Тамбовской губернии относительно строительства или переустройства помещений за счет сумм земских сборов были связаны с тюремными замками. Губернские власти также в первую очередь обеспечивали пригодными помещениями местные административные органы.

В рассматриваемый период времени в Тамбовской губернии не было построено четкой системы финансового распределения, в первую очередь – сумм, поступающих от земских сборов. Отсутствие надлежащего контроля со стороны компетентных государственных органов и должностных лиц за расходованием сумм земских сборов способствовало злоупотреблениям местных чиновников. Слабый учет земских сумм, которые поступали на счета в государственный банк, приводил к утере самих вкладов, а также процентов от них.

Обстановка очень слабого финансового учета влияла на устройство помещений для судей Тамбовской губернии. В качестве временной меры к улучшению имущественных условий размещения судей служили договоры найма домов с частными лицами. Власти оперативно не реагировали на проблемы судей, связанные с их размещением в домах, непригодных для несения гражданской службы, не отвечающих целям правосудия. Качество помещений для судейского корпуса Тамбовской губернии не соотносилось со статусом имперского государства. Плачевное состояние судейских помещений не способствовало достижению целей правосудия.

Самое значительное здание из сумм земских сборов в Тамбовской губернии было построено в Тамбове. Затраты на возведение этого дома составили около трети от общей суммы всех земских сборов на строительство присутственных мест губернии. Эффект от введения нового сбора можно считать частично положительным. Однако меры государства дореформенной эпохи явились материальной базой (хотя далеко неполной) в ходе реализации судебной реформы 1864 г. на территории Тамбовской губернии.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 67. Л. 93 об.–94 об.

² Там же. Л. 94 об.–96.

Список источников и литературы

1. Абазов, А. Х. (2024). *Финансовое обеспечение деятельности Моздокского верхнего пограничного суда в 1793–1822 годах* // Научная мысль Кавказа. № 1 (117). С. 39–44. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2024-117-39-44>.
2. Белинский, В. Г. (1982). *Собрание сочинений в 9 т. Т. 9*. М.: Худ. Литература. 863 с.
3. Бикташева, А. Н. (2016). *Местное управление в России в первой четверти XIX века (по материалам сенаторских ревизий)* // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 158, № 3. С. 691–698.
4. Болдырев, Д. В. (2013). *Материальное обеспечение судебных приставов в Российской империи во второй половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии)* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. № 3. С. 31–40.
5. Вакилев, Т. Р. (2014). *Материальное положение провинциального чиновничества I половины XIX века на примере Пензенской губернии* // Наука. Общество. Государство. № 3(7). С. 11–20.
6. Воропанов, В. А. (2022). *Судьи губернских судов общей подсудности в Западной Сибири в первой половине XIX в.: формально-качественные характеристики* // Вестник Томского государственного университета. № 480. С. 99–106. <https://doi.org/10.17223/15617793/480/12>.
7. Крестьянников, Е. А. (2015). *Помещения судебных учреждений Западной Сибири в XIX – начале XX в.* // Вопросы истории. № 10. С. 58–70.
8. Курас, Т. Л. (2001). *Материальное обеспечение судей Иркутской судебной палаты: 1897 – февраль 1917 гг.* // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский гос. университет. С. 105–108.
9. Лунин, М. С. (1988). *Письма из Сибири* // России верные сыны. М.: Мол. Гвардия. 544 с.
10. Малкова, Н. Г. (2011). *Условия службы чиновников в местных государственных учреждениях в конце XVIII – середине XIX в. (По материалам Казанской губернии)* // Экономическая история. № 3(14). С. 6–11.
11. Шалягина, Е. В. (2011). *Материальное положение и служебная нагрузка судебных чиновников в дореволюционной России (на примере Восточной Сибири)* // Сибирский юридический вестник. № 2(53). С. 38–43.

References

1. Abazov, A. Kh. (2024). *Finansovoe obespechenie deyatel'nosti Mozdokskogo verkhnego pogranichnogo suda v 1793–1822 godakh* [Financial support for the activities of the Mozdok Upper Border Court in 1793–1822] in *Nauchnaya misl Kavkaza*, 1 (117), 39–44. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2024-117-39-44>. (in Russian).
2. Belinskii, V. G. (1982). *Sobranie sochinenii v 9 t. T. 9* [Collected works in 9 volumes. T. 9] Moscow, Khud. Literatura. (in Russian).
3. Biktasheva, A. N. (2016). *Mestnoe upravlenie v Rossii v pervoi chetverti XIX veka (po materialam senatorskikh revizii)* [Local government in Russia in the first quarter of the 19th century (based on senatorial audits)] in *Uchenie zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnie nauki*. 158-3, 691–698. (in Russian).
4. Boldirev, D. V. (2013). *Materialnoe obespechenie sudebnikh pristavov v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam Penzenskoi gubernii)* [Financial support for bailiffs in the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from the Penza province)] in *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhbi narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 3, 31–40. (in Russian).
5. Vakilev, T. R. (2014) *Materialnoe polozhenie provintsial'nogo chinovnichestva I polovini KhIKh veka na primere Penzenskoi gubernii* [The financial situation of provincial officials in the first half of the 19th century, using the example of the Penza province] in *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 3(7), 11–20. (in Russian).
6. Voropanov, V. A. (2022). *Sudi gubernskikh sudov obshchei podsudnosti v Zapadnoi Sibiri v pervoi polovine XIX v.: formalno-kachestvennye kharakteristiki* [Judges of provincial courts of general jurisdiction in Western Siberia in the first half of the 19th century: formal and qualitative characteristics] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 480, 99–106. <https://doi.org/10.17223/15617793/480/12>. (in Russian).

7. Krestyannikov, Ye. A. (2015). *Pomeshcheniya sudebnikh uchrezhdenii Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v.* [Premises of judicial institutions of Western Siberia in the 19th – early 20th centuries] in *Voprosi istorii*, 10, 58–70. (in Russian).

8. Kuras, T. L. (2001). *Materialnoe obespechenie sudei Irkutskoi sudebnoi palati: 1897 – fevral 1917 gg.* [Material support of judges of the Irkutsk Judicial Chamber: 1897 – February 1917] in *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik*. Irkutsk: Baikalskii gos. Universitet, 105–108. (in Russian).

9. Lunin, M. S. (1988). *Pisma iz Sibiri* [Letters from Siberia] in *Rossii vernie sini*. Moscow, Mol. Gvardiya. (in Russian).

10. Malkova, N. G. (2011). *Usloviya sluzhbi chinovnikov v mestnikh gosudarstvennikh uchrezhdeniyakh v kontse XVIII – seredine XIX v. (Po materialam Kazanskoi gubernii)* [Conditions of service of officials in local government institutions in the late 18th – mid-19th centuries (Based on materials from the Kazan province)] in *Ekonomicheskaya istoriya*, 3(14), 6–11. (in Russian).

11. Shalyagina, Ye. V. (2011). *Materialnoe polozhenie i sluzhebnyaya nagruzka sudebnikh chinovnikov v dorevolyutsionnoi Rossii (na primere Vostochnoi Sibiri)* [The financial situation and workload of judicial officials in pre-revolutionary Russia (using Eastern Siberia as an example)] in *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2 (53), 38–43. (in Russian).

**МОЛОТОВСКАЯ (ПЕРМСКАЯ) ОБЛАСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ В СССР. 1941–1945 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ЭКОНОМИКИ)**

*Б. У. Серазетдинов**,

С. А. Жевалов

Институт российской истории

Российской академии наук

ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292, Россия

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются вопросы заготовок сельскохозяйственных продуктов агропромышленного комплекса Молотовской (Пермской) области во время Великой Отечественной войны. **Материалы и методы.** В настоящей работе авторы исходят из фундаментальных принципов исторического исследования – системности, историзма и объективности. Они позволяют рассмотреть деятельность аграрного сектора в военной экономики Молотовской области в заготовке сельскохозяйственных продуктов для решения продовольственной проблемы в исторической последовательности и обусловленности чрезвычайными военными условиями. В данном случае принцип историзма раскрывается в рассмотрении деятельности органов сельского хозяйства как неотъемлемая часть государственного курса в 1941–1945 гг. Политика заготовок сельскохозяйственной продукции, проводившаяся в Советском Союзе в 1941–1945 годах, характеризуется мерами, которые иногда схожи с теми, что применялись до войны, но отличаются по своей временной принадлежности или вариативности по форме. Этот факт позволяет нам использовать метод исторического и сравнительного анализа, который позволяет выявить как общие и повторяющиеся аспекты, так и различия. Соблюдение принципа объективности обеспечивается путем изучения обширной и репрезентативной источниковой базы, а также введением в научный оборот ряда ранее не опубликованных архивных документов из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). В статье нашел свое применение метод историографической традиции, который реализуется в анализе всей предшествующей научной литературы, посвященной указанной теме. **Результаты.** Показывается, что для достижения заявленной цели исследования необходимо разобрать следующие задачи: во-первых, посчитать количество зерновых и зернобобовых культур, поставленных колхозами и совхозами Молотовской области в 1941–1945 годах; во-вторых, выявить, сколько продуктов полеводства в указанные годы сдано областью; и в-третьих, выяснить вклад животноводческого сектора во всех источниках поступлений. **Заключение.** Авторы приходят к выводам, о том, что лишь путем применения чрезвычайных мер организационного и правового характера и благодаря самоотверженному труду крестьян удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия. Именно и сельское хозяйство Молотовской области спасло наш народ от всеобщего голода, но это было достигнуто за счет колоссальных усилий и огромных жертв тружеников аграрного сектора военной экономики Молотовской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Молотовская область, аграрный сектор военной экономики, хлебосдача, поставки продуктов полеводства, заготовки животноводческой продукции

*Ответственный автор: Серазетдинов Б.У.

Конфликт интересов: Б.У. Серазетдинов является членом редакционного совета журнала. Это не повлияло на решение редакции опубликовать эту статью.

Для цитирования: Серазетдинов Б.У., Жевалов С.А. (2026). Молотовская (Пермская) область и ее роль в решении продовольственной проблемы в СССР. 1941–1945 гг. (по материалам Российского государственного архива экономики) // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 57-74. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-57-74

Статья поступила: 15.11.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Серазетдинов Б., Жевалов С., 2026

THE MOLOTOV (PERM) REGION AND ITS ROLE IN SOLVING THE FOOD PROBLEM IN THE USSR. 1941-1945 (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ECONOMICS)

B.U. Serazetdinov.

S.A. Zhevalov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Dmitry Ulyanov str., 19, Moscow, 117292, Russia

Abstract

Introduction. The article discusses the issues of procurement of agricultural products of the agro-industrial complex of the Molotov (Perm) region during the Great Patriotic War. **Materials and methods.** In this work, the authors proceed from the fundamental principles of historical research, such as systematicity, historicism, and objectivity. These principles allow us to examine the activities of the agricultural sector in the military economy of the Molotov Region in the procurement of agricultural products to address the food problem in historical sequence and in the context of the extraordinary military conditions. In this case, the principle of historicism is revealed in the examination of the activities of agricultural bodies as an integral part of the state policy in 1941-1945. The policy of agricultural procurement in the Soviet Union from 1941 to 1945 is characterized by measures that are sometimes similar to those used before the war, but differ in terms of their temporal scope or variability in form. This fact allows us to use the method of historical and comparative analysis, which enables us to identify both common and recurring aspects as well as differences. The principle of objectivity is ensured by studying a broad and representative source base, as well as by introducing a number of previously unpublished archival documents from the Russian State Archive of Economics (RGAE) into scientific circulation. The article uses the method of historiographical tradition, which is implemented in the analysis of all previous scientific literature on this topic. **Results.** It is shown that in order to achieve the stated research goal, the following tasks need to be solved: first, to identify the amount of grain and leguminous crops supplied by collective farms and state farms in the Molotov region in 1941-1945;

secondly, to determine the volume of agricultural products supplied by the region in these years; and thirdly, to determine the contribution of the livestock sector to all sources of procurement. **Conclusion.** The authors conclude that it was only through the use of extraordinary organizational and legal measures, as well as the selfless labor of the peasants, that the country was able to provide itself with the necessary minimum of food. It was the agriculture of the Molotov region that saved our people from widespread famine, but this was achieved through the immense efforts and sacrifices of the workers in the agricultural sector of the Molotov region's military economy.

Keywords: Great Patriotic War of 1941–1945, Molotov Region, agricultural sector of the military economy, grain delivery, supply of field products, and livestock products

Responsible author: B.U. Serazetdinov

Conflict of interest: B.U. Serazetdinov is a member of the journal's editorial board. This did not influence the editorial board's decision to publish this article.

For citation: Serazetdinov B.U., Zhevalov S.A. (2026). The Molotov (Perm) region and its role in solving the food problem in the USSR. 1941-1945 (on materials from the Russian State Archive of Economics) in *History: facts and symbols*, 1 (46), 57-74. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-57-74.

Received: 15.11.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Serazetdinov B., Zhevalov S., 2026

1. Введение

Заготовка сельскохозяйственных продуктов для решения продовольственной проблемы в стране – одна из проблем, которая постоянно встает перед обществом. Особенно актуально это сегодня. Вполне закономерно, что внимание пало на тот период отечественной истории, когда развернулась особенная борьба за обеспечение продовольствием фронта и тыла страны. Изучение этого исторического опыта представляет большую актуальность. Особенно региональный опыт: деятельность аграрного сектора в военной экономике Молотовской (Пермской) области по заготовке сельскохозяйственных продуктов для решения продовольственной проблемы в годы военного лихолетья.

2. Материалы и методы

Материалы по заготовке сельскохозяйственных продуктов стали появляться уже в военные годы [2, 4, 7, 9, 23–28, 33]. В основном это были постановления, агитационный материал, наставления и консультации специалистов, и рассказы о передовиках социалистического соревнования.

В 1947 г. вышла книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в годы Отечественной войны» [6], в научный оборот в которой были введены значительные статистические данные о сельскохозяйственном производстве.

В 1960–1965 гг. коллективом научных сотрудников составлено и напечатано 6-томное исследование «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» [11], в котором был представлен всесторонний обзор вклада колхозов и совхозов в Великую Победу. В 1963 г. вышла из типографии работа Ю. В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [3]. Автор отметил, что в 1941–1943 гг. в сельскохозяйственном производстве нашего государства наблюдался спад, а рост начался только в 1944 году.

В 1960 г. в опубликованной работе А. Г. Наумовой «Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [17] были привлечены впервые интересные материалы, почерпнутые из местных архивов и периодической печати [17, с. 61].

В 1960-е гг. также выходят статьи А. Г. Наумовой и В. М. Половникова [18; 19; 22]. В кандидатской диссертации В. М. Половникова «Деятельность партийных организаций Западного Урала по руководству сельским хозяйством в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1968 г.) [21] рассматривается деятельность партийных организаций Пермской области на селе в годы Великой Отечественной войны. Он отмечает, что изменения претерпели не только содержание работы и структура аппарата управления, но и организационно-правовые формы деятельности первичных, районных партийных сельских организаций.

Труд «Советская экономика в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» (1970) [29] содержит материалы о сельскохозяйственном производстве в СССР, а также об общих запасах продовольствия. В третьем томе пятитомного исследования «История крестьянства СССР», также рассматривается и анализируется продовольственная проблема в годы войны. [12].

Работа доктора экономических наук Я. Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [31], как и книга Н. А. Вознесенского, была настольной

книгой у историков и экономистов, кто занимался проблемами истории экономики в годы военного лихолетья.

В 1985 г. выходит статья Л. Г. Дворсон «О руководстве Пермской областной партийной организацией сельским хозяйством в годы Великой Отечественной войны» где рассматривается деятельность Пермского обкома партии ВКП(б) на селе в годы Великой Отечественной войны [8].

Уральский историк В. П. Мотревич в монографии «Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны» исследует перестройку работы колхозов в условиях военного лихолетья на основе широкого круга архивного материала, в большинстве своем, не вводимом ранее в научный оборот (1993 г.) [14]. В 1990-е гг. В. П. Мотревич также опубликовал работы по валовой продукции и сельскому хозяйству в годы войны на Урале в показателях статистики [13, 15].

Обращает внимание статья В. И. Якунцова «Подвиг колхозной деревни (на материалах Прикамья) [34]». В центре внимания его работы – трудовой героизм колхозников, их вклад в достижение победы.

В 2021 г. выходит монография В. П. Мотревича «Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны», где освещены практически все аспекты исследуемой проблемы и, как всегда, автор использует обширный массив цифрового и документарного материала [16].

В статье Ю. Б. Шуваловой «Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области» [32] автор приходит к выводу, что «... тяжелая физическая нагрузка, низкий уровень механизации работ, отсутствие полноценного отдыха привели в конце войны к массовому психологическому выгоранию колхозников. Уже в 1945 г. в области фиксируется спад в общих объемах сельскохозяйственного производства и уровне производительности труда работников колхозов. Среднее количество выработанных колхозниками трудодней уменьшилось, в то время как удельный вес работников сельхозартелей, не выполнивших обязательного минимума трудодней, увеличился» [32, с.157].

В 2022 г. выходит монографии коллектива российских историков «СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991)» [30], Важен вывод авторов о том, что влияние негативных факторов в аграрном секторе удалось ослабить лишь к 1944 г. [30, с. 157]. Советская деревня сумела сохранить производственную структуру, обеспечить продуктами города и армию, не допустить массового голода в стране.

Большим подспорьем в изучении рассматриваемой проблемы стали сборники документов и материалов по истории Пермской области [1; 10; 20]. Благодаря изданию в 2018 г. сборника документов «Пермский край в Великой Отечественной войне» в научный оборот введено несколько десятков документов, характеризующих состояние сельского хозяйства в годы военного лихолетья [20]. Справочник «Аграрное производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: справочник» [1], который вышел благодаря ученым Пермского государственного аграрно-технологического университета, базируется на переработанных с помощью современных информационных технологий архивных документах, большинство из которых введены в научный оборот впервые. Вторая часть справочника включает статьи справочно-аналитического характера. Этот справочник будет хорошим подспорьем ученым в изучении рассматриваемой проблемы.

3. Результаты

В таблице 1 проиллюстрируем заготовку зерновых и зернобобовых культур во время Великой Отечественной войны в Молотовской области в разрезе сельскохозяйственных культур.

Таблица 1 – Хлебосдача Молотовской области в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 1 – Grain yield in the Molotov Region in 1940–1945 (in tons)

Зерновые культуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Пшеница	72 446	57 348	54 376	40 777	30 660	51 200
Рожь	228 826	172 232	117 049	83 997	90 630	95 263
Овес	110 464	110 311	117 016	101 635	115 609	142 133
Ячмень	8 221	8 777	14 108	19 459	18 931	22 682
Просо	10	9	20	98	31	20
Гречиха	7 772	10 336	8 957	11 009	4 272	6 289
Горох	1 629	3 563	8 161	7 780	2 521	4 951
Чечевица	–	1	–	16	11	30
Не расшифровано	3 523	1 026	902	3 910	3 805	–
Всего	432 891	363 603	320 589	268 681	266 470	322 568

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 610. Л. 78; Д. 619. Л. 1–3; Д. 865. Л. 5–6, 66; Д. 865 а. Л. 11, 22; Д. 980. Л. 1–2; Д. 982. Л. 3–4; Д. 1108. Л. 21, 25–28; Д. 1307. Л. 140–145; Д. 1308. Л. 1–3. Таблица составлена автором.

Согласно цифрам, приведенным в таблице 1, мы можем подсчитать, что в 1941–1945 гг. работники сельского хозяйства региона поставили стране более 1,54 млн тонн зерновых культур. Поступления пшеницы превысили 234 тыс. тонн, что составило 15,2% от общей сдачи зерна, в то время как заготовки ржи превысили 559 тыс. тонн, что составляло 36,3%. Это означает, что работники сельского хозяйства региона поставили стране почти 794 тыс. тонн ржи и пшеницы, или 51,5% от общих поступлений зерновых.

В течение войны работники сельского хозяйства сдали почти 587 тыс. тонн овса, или 38,1%, а также 84 тыс. тонн ячменя, или 5,4% от общих заготовок зерна. Таким образом, суммарный объем поставок ржи, пшеницы, овса и ячменя составил более 1,46 млн тонн, или 95% от общих поступлений.

В 1941 г. суммарная хлебосдача составила почти 364 тыс. тонн. Это на 16% меньше, чем СССР получил из Молотовской области в 1940 г. В 1942 г. общие поставки зерна сократились до 74% относительно уровня 1940 г., а в 1943–1944 гг. – до 62%. В 1945 г. заготовки зерновых возросли до 75% по сравнению с 1940 г.

Поступления пшеницы в 1941, 1942 и 1945 гг. снизились до 71–79% против уровня 1940 г., в 1943 г. – до 56%, а в 1944 г. – до 42%. Сдача ржи упала еще сильнее. В 1941 г. этот показатель составлял 75% по сравнению с 1940 г., 51% в 1942 г., 37% в 1943 г. и незначительно увеличился до 40–42% в 1944–1945 гг. относительно 1940 г.

Согласно данным таблицы 1, среднегодовые поставки всех прочих зерновых культур в 1941–1945 гг. были выше, чем в 1940 г. В среднем за год заготовки овса и гречихи были на 5–6% больше, ячменя – в два раза, гороха – в 3,3 раза, а проса – в 3,6 раза выше, чем в 1940 г.

В таблице 2 представлена динамика хлебосдачи Молотовской области во время войны в разбивке по источникам и видам.

Величины, приведенные в таблице 2, показывают, что колхозы и совхозы региона поставили 92,5 млн пудов зерна урожая 1941–1945 гг. Из них 90,9 млн пудов поступило от колхо-

зов (98%), а 1,7 млн пудов – от совхозов (2%). Кроме того, Советское государство закупило дополнительно 638 тыс. пудов зерна. Кроме того, 55 тыс. пудов было получено в обмен на другие сельскохозяйственные продукты, а 881 тыс. пудов – из других источников.

Таблица 2 – Поставки зерна Молотовской области в 1940–1945 гг. по источникам поступлений (в тыс. пудов)

Table 2 – Grain supplies to the Molotov Region in 1940–1945 by source of income (in thousands of poods)

Наименование источников поступления	1940 год	1941 год	1942 год	1943 год	1944 год	1945 год
Обязательная поставка	10 835	11 619	9 864	9 014	8 244	10 069
Натуроплата МТС	13 333	9 656	7 150	4 309	4 038	4 998
Возврат ссуд колхозами	539	117	47	19	792	1 341
Хлебный фонд Красной Армии и фонд обороны	–	26	2 193	2 164	2 247	2 002
Хлебосдача совхозов	673	318	318	307	341	352
Возврат ссуд совхозов	12	3	–	–	10	16
Гарнцевый сбор	–	–	–	173	369	417
Всего	25 392	21 739	19 572	15 986	16 041	19 195
Закупка	834	408	–	230	–	–
В счет других с/х прод.	202	51	–	4	–	–
Натуропл. и натуродерж.	–	–	–	183	227	471
Итого	26 428	22 198	19 572	16 403	16 268	19 666

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 40, 51–52, 67–68; Д. 865 а. Л. 5–6; Д. 979. Л. 23, 31; Д. 982. Л. 5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 988. Л. 35–36, 68, 256–257; Д. 989. Л. 159; Д. 1108. Л. 21, 30–34, 58–59; Д. 1126. Л. 68–70, 155–156, 237–238; Д. 1307. Л. 70–71, 111–112, 118–133. Таблица составлена автором.

Итак, общие поступления зерна от Молотовской области за годы войны составили более 94 млн пудов, в том числе свыше 8,6 млн пудов зерна, которые были использованы для нужд Красной Армии и фонда обороны.

Значения, воспроизведенные в таблице 2, характеризуют, что в 1940 г. доля натуроплаты МТС в натуральной форме составляла 53% относительно общего объема зернозаготовок в области. В связи с мобилизацией тракторов и автотранспорта в Красную Армию в 1941 г. натуроплата снизилась до 44%, а в 1942 – до 37%. В 1943–1945 гг. натуроплата МТС сократилась до 25–27%. Итак, из-за уменьшения машинно-тракторных работ хлебосдача Молотовской области уменьшалась относительно 1940 г.

Таблица 3 – Поступления картофеля в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 3 – Potato imports in 1940–1945 (in tons)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	52 120	47 644	69 915	54 678	46 577	54 395
Индивид. сектор	30 847	27 880	21 544	16 822	16 016	18 782
Подсобные хоз-ва	–	–	724	1 100	1 238	–
Не распределено	334	2 206	838	570	–	–
Совхозы	2 849	–	1 500	2 640	2 766	2 890
Фонд Красной Армии	–	–	–	–	1 147	420
Закупка	740	420	5 415	3 317	411	–
Замена	2 322	329	2 944	2 086	6 148	2 744
Всего	89 212	78 479	102 880	81 213	74 303	79 231
В % к 1940 г.	100	88,0	115,3	91,0	83,3	88,8

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 479. Л. 40; Д. 643. Л. 1–3, 6, 12–13; Д. 644. Л. 1–2; Д. 772. Л. 25; Д. 773. Л. 1, 12–13; Д. 881. Л. 4, 10, 21; Д. 882. Л. 1–6, 35–36; Д. 1000. Л. 1–2, 5–6, 9–10; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4; Д. 1534. Л. 4, 5, 10–12; Д. 2650. Л. 81–91; 95–97; 100–102; 110–112. (Таблица составлена автором)

По сведениям таблицы 3 определяем, что в 1941 г. заготовки картофеля от сельскохозяйственных работников составили 88%, по сравнению с 1940 г. В 1942 г. Советское государство получило на 15% больше этого продовольственного продукта, чем в 1940 г. В 1943 г. поступления картофеля сократились по сравнению с предыдущим годом и были на 9% ниже, чем в 1940 г.

Колхозы поставили 273,2 тыс. тонн картофеля или 65,7%. От колхозников и единоличников поступило 101 тыс. тонн этого продукта питания или 24,3% относительно общих заготовок. Совхозы сдали 9,8 тыс. тонн или 2,4%, подсобные хозяйства – 3 тыс. тонн или 0,7%. В фонд Красной Армии государство получило 1,6 тыс. тонн или 0,4%, закупки были 9,6 тыс. тонн или 2,3%. Прочие поступления составили 17,9 тыс. тонн или 4,2%.

Таблица 4 – Заготовки овощей по всем источникам в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 4 – Vegetable production by all sources in 1940–1945 (in tons)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Обязат. поставка	7 835	8 098	17 910	20 580	15 760	19 770
Совхозы	2 252	–	3 307	3 052	2 560	2 148
Закупка	766	1 880	–	228	530	–
Замена	–	–	4 475	622	1 790	388

Всего	10 853	9 978	25 692	24 482	20 640	22 306
В % к 1940 г.	100	91,9	236,7	225,6	190,2	205,5

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 296. Л. 7–10; Д. 645. Л. 5–9, 16–17; Д. 647. Л. 2; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1, 60; Д. 881. Л. 11; Д. 882. Л. 25; Д. 883. Л. 25; Д. 885. Л. 2–3; Д. 998. Л. 25–26; Д. 1004. Л. 3; Д. 1131а. Л. 17–19; Д. 1136. Л. 1–2; Д. 1319. Л. 1–4; Д. 1320. Л. 16; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4. (Таблица составлена автором)

В 1941–1945 гг. труженики сельскохозяйственного производства поставили стране 103,1 тыс. тонн овощей. В среднем за год государство получало этих сельскохозяйственных культур 20,6 тыс. тонн или в 1,9 раза больше относительно заготовок 1940 г.

По таблице 4 видим, что в 1941 г. сдача овощей снизилась на 8% в сравнении с поступлениями 1940-го. В 1942–1945 гг. поставки этих продуктов питания намного превосходили заготовки 1940 г. В 1942–1943 гг. Союз ССР получил 24,5–25,7 тыс. тонн овощей, или в 2,3–2,4 раза больше, чем в 1940 г. В 1944–1945 гг. сдача этих сельскохозяйственных продуктов снизилась против 1942–1943 гг. до 20,6–22,3 тыс. тонн, но она превысила поступления 1940 г. в 1,9–2 раза.

Крестьяне Молотовской области заготовили 79,7% или 82,1 тыс. тонн овощей. Совхозы сдали 11,1 тыс. тонн или 10,7% этих продуктов питания. Закупки составили 2,6 тыс. тонн или 2,6%. Прочие поступления были 7,3 тыс. тонн или 7%.

Определим поставки овощей и иных культур в 1940–1945 гг. по культурам (таблицы 5–6). Работники сел и деревень области заготовили стране 55,3 тыс. тонн капусты, 4,1 тыс. тонн репчатого лука, 9,1 тыс. тонн огурцов, 1,5 тыс. тонн помидоров, более 7,9 тыс. тонн моркови, почти 5,9 тыс. тонн свеклы столовой, а также 188 тонн прочих овощей.

Среднегодовые поступления капусты в 1941–1945 гг. были выше, чем в 1940 г. в 2,2 раза, помидоров – в 2,5 раза, моркови – в 4,8 раза, свеклы столовой – в 1,7 раза, лука репчатого – на 9%, огурцов – на 4%.

Таблица 5 – Сдача овощей в 1940–1945 гг. по культурам (в тоннах)

Table 5 – Yield of vegetables in 1940–1945 by crop (in tons)

Культуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Капуста	4 964	4 410	12 270	13 680	10 900	14 050
Лук репчатый	745	1 220	1 220	770	380	470
Огурцы	1 755	2 170	2 560	2 650	540	1 190
Помидоры	123	240	160	270	500	350
Морковь	328	1 280	860	1 760	1 690	2 340
Свекла	686	630	840	1 450	1 590	1 370
Прочие	–	28	–	–	160	–

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 296. Л. 4–10; Д. 645. Л. 5–9, 16–17; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1, 60; Д. 885. Л. 2–3; Д. 1136. Л. 3–4; Д. 1319. Л. 3–4. (Таблица составлена автором)

Таблица 6 – Поставки продуктов полеводства в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 6 – Supply of field crops in 1940–1945 (in tons)

Сельхозкультуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Сахарная свекла	–	–	600	–	–	–
Горчица	–	–	–	5	–	–
Рыжик	–	–	–	2	–	–
Льноволокно	2 936	2 405	1 934	1 179	1 122	374
Семена льна-долгунца	2 912	1 184	821	568	168	388
Пеньковолокно	22	3	–	–	–	–

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 27. Л. 15, 22–23, 27; Д. 636. Л. 1–11; Д. 639. Л. 1, 14; Д. 768. Л. 16, 19; Д. 781. Л. 1; Д. 783. Л. 1–3; Д. 879. Л. 20–22; Д. 894. Л. 1–3; Д. 995. Л. 8, 9, 13–14; Д. 1009. Л. 3; Д. 1014. Л. 1–4; Д. 1123. Л. 2–5, 29; Д. 1141. Л. 1–2; Д. 1142в. Л. 5–9; Д. 1313. Л. 3–5; Д. 1324. Л. 1–2; Д. 1329. Л. 4–8. (Таблица составлена автором)

В 1942 г. от Молотовской области Союзу ССР поступило 600 тонн сахарной свеклы.

Колхозные крестьяне и работники совхозов сдали Советскому Союзу в 1943 г. 5 тонн горчицы и 2 тонны рыжика.

Труженики агропромышленного комплекса в 1941–1945 гг. заготовили более 7 тыс. тонн льноволокна, 3,1 тыс. тонн семян льна-долгунца и 3 тонны пенькового волокна.

Таблица 7 – Поступления мяса в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 7 – Meat supplies in 1940–1945 (in tons)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	9 410	9 865	12 445	14 025	12 416	9 007
Индивид. сектор	6 220	4 036	4 542	3 503	4 093	5 345
Подсобные хоз-ва	–	–	–	–	287	–
Совхозы	223	450	217	70	57	116
Фонд Красной Армии	–	–	1 122	3 312	3 326	–
Закупка	870	1 016	297	–	–	5
Замена	84	157	121	4 176	–	1 708
Всего	16 807	15 524	18 744	25 086	20 179	16 181
В % к 1940 г.	100,0	92,4	111,5	149,3	120,1	96,3

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65. Л. 198–201; Д. 675. Л. 1–3; Д. 803. Л. 1–2, 12–14, 18–19, 22–23, 25, 27–30, 33–34, 40–46, 51–59, 63–64, 83; Д. 910. Л. 2–3; Д. 929. Л. 10–11, 31–33; Д. 1022. Л. 65–66; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1151а. Л. 19–20, 59–60; Д. 1341. Л. 48–49; Д. 1384. Л. 1–2, 21–22; Д. 1447. Л. 15. (Таблица составлена автором)

По таблице 7 констатируем, что в 1941 г. общий объем поставок скота в живом весе составил 15,5 тыс. тонн. Это количество было на 8% меньше, чем было сдано областью в 1940 г.

В 1942–1944 гг. заготовки мяса в регионе были выше, чем в 1940 г., а среднегодовые поступления этого продовольственного продукта в 1941–1945 гг. достигли 19143 тонны, что на 14% больше, чем в 1940 г.

В 1942 г. поставки мяса составили 18,7 тыс. тонн, то есть увеличились на 11,5% по сравнению со сдачей скота в живом весе в 1940 г. Заготовки мяса в 1943 году стали крупнейшими за время войны. В 1943 г. они составили 25,1 тыс. тонн, что в 1,5 раза больше, чем в 1940 г. В 1944 г. работники сельского хозяйства уменьшили поступления мяса по сравнению с 1943 г., но против 1940 г. поставки мяса в живом весе увеличились на 20%. Сдача мяса в 1945 г. сократилась до 16,2 тыс. тонн. Она составила 96,3% по сравнению с заготовками 1940 г.

Таким образом, во время Великой Отечественной войны трудящиеся сел и деревень сдали Союзу ССР 95,7 тыс. тонн скота в живом весе.

Колхозы заготовили государству 57,8 тыс. тонн живого зачетного веса скота или 60,3%. От колхозников и единоличников поступило 21,5 тыс. тонн этого продукта питания или 22,5% относительно общих поставок. Совхозы сдали 910 тонн или 1%, подсобные хозяйства – 287 тонн скота в живом весе или 0,3%. В фонд Красной Армии страна получила 7,8 тыс. тонн или 8,1%, закупки были 1,3 тыс. тонн или 1,4%. В счет других продуктов поступило 6,2 тыс. тонн мяса в живом весе или 6,4%. Общее количество молока, сданного колхозно-совхозной советской деревней Молотовской области в 1940–1945 гг. проиллюстрируем в таблице 8.

Таблица 8 – Заготовки молока в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 8 – Milk production in 1940–1945 (in tons)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	51 574	56 151	59 539	49 394	38 700	37 629
Индивид. сектор	30 882	29 750	18 920	17 132	15 080	15 581
Совхозы	1 910	1 990	1 420	570	530	660
Закупка	3 605	4 830	2 480	–	1 684	2 460
Замена	56	106	443	587	860	550
Всего	88 027	92 827	82 802	67 683	56 854	56 880
В % к 1940 г.	100	105,5	94,1	76,9	64,6	64,6

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 67–71; Д. 691. Л. 1–3; Д. 814. Л. 1, 10; Д. 931. Л. 4–10; Д. 935. Л. 1–2, 57–58; 1022а. Л. 38; Д. 1032. Л. 71–72; Д. 1068. Л. 1–2, 63; Д. 1082. Л. 49, 60–62; Д. 1151а. Л. 61–62; Д. 1242. Л. 1–2, 7–8, 94; Д. 1341. Л. 50–51; Д. 1441. Л. 1–10. (Таблица составлена авторами)

По величинам таблицы 8 подсчитываем, что в 1941 году общий объем поставок этого пищевого продукта составил 92,8 тыс. тонн. Это количество молока было на 5,5% больше, чем в 1940 году.

В 1942 году поставки этого сельскохозяйственного продукта сократились до 82,8 тыс. тонн, т.е. стали 94% относительно заготовок 1940 года. В 1943 году поступления молока уменьшились до 67,7 тыс. тонн.

В 1944–1945 гг. снизилась сдача молока Молотовской области. Поставки этого продукта по всем источникам составили 56,9 тыс. тонн или менее 65% против 1940 г. Следовательно, по сведениям таблицы 8 приходим к выводу, что колхозы и совхозы, колхозники и единоличники заготовили стране 357 тыс. тонн молока. Сдача молока колхозов составила 241,4 тыс. тонн или 67,6%. От колхозников и единоличников Советское государство получило 96,5 тыс. тонн этого продукта питания или 27% относительно суммарных поступлений. Совхозы заготовили 5,2 тыс. тонн или 1,5%. Закупки были 11,5 тыс. тонн или 3,2%. В счет других продуктов было поставлено 2,5 тыс. тонн молока или 0,7%. В 1945 г. сельскохозяйственные труженики Молотовской области заготовили государству 3 954 центнеров брынзы-сыра.

Поступления яиц в 1940–1945 гг. проиллюстрируем в таблице 9.

Таблица 9 – Сдача яиц в 1940–1945 гг. (в тыс. шт.)

Table 9 – Egg collection in 1940–1945 (in thousands)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	–	7 790	10 280	8 073	4 484	4 776
Индивид. сектор	–	11 779	7 331	6 465	5 387	5 386
Закупка	31 654	979	924	314	3 145	1 766
Замена	–	–	86		102	–
Всего	31 654	20 548	18 621	14 852	13 118	11 928
В % к 1940 г.	100	64,9	58,8	46,9	41,4	37,7

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 693. Л. 4–5; Д. 820. Л. 1–2; Д. 821. Л. 1–2, 8; Д. 939. Л. 30–31; Д. 1022а. Л. 69–70; Д. 1032. Л. 77–79; Д. 1151. Л. 23–24; Д. 1244. Л. 31–32; Д. 1341. Л. 54–55; Д. 1448. Л. 3–4, 98–99. (Таблица составлена авторами)

Показатели таблицы 9 дают возможность выяснить, что в 1941 году поставки яиц составили 20,55 млн штук. Это количество яиц было на 35% меньше, чем Союз ССР получил в 1940 году.

В 1942–1945 гг. заготовки этого продукта питания сокращались. В 1942 г. работники агропромышленного комплекса сдали Советскому государству 18,6 млн штук яиц или менее 59% относительно закупок 1940 г. В 1943 г. поступления этого продукта питания составили 14,9 млн штук или 47% в сравнении с 1940 г.

Поставки яиц по всем источникам в 1944 г. были 13,1 млн штук, а в 1945 г. – 11,9 млн штук или 38–41% против закупок 1940 г.

Итак, по данным таблицы 9 можно сказать, что во время Великой Отечественной войны трудящиеся сельскохозяйственного производства сдали стране 79,1 млн штук яиц.

Заготовки колхозов составили 35,4 млн штук яиц или 44,8%. Колхозники и единоличники поставили 36,4 млн штук или 46%. Закупки были 7,1 млн штук или 9%. Прочие поступления составили 188 тыс. штук или 0,2%.

В таблице 10 покажем сдачу шерсти, полученной государством в 1940–1945 гг.

Таблица 10 – Поставки шерсти в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Table 10 – Wool supplies in 1940–1945 (in tons)

Источники заготовок	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Колхозы	71	126,9	211	203,3	169,7	181,1
Индивид. сектор	108	105,7	60,9	48,1	41,5	47,4
Совхозы	0,1	–	–	0,2	–	0,1
Закупка	35,6	59	23	19	21,7	21,2
Замена	–	7,5	5	49,5	39,3	16,9
Всего	214,7	299,1	299,9	320,1	272,2	266,7
В % к 1940 г.	100	139,3	139,7	149,1	126,8	124,2

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65а. Л. 59, 200–201; Д. 696. Л. 13; Д. 698. Л. 35–38, 72–75; Д. 824. Л. 6–7, 10–11; Д. 826. Л. 1–3; Д. 939. Л. 6–7; Д. 943. Л. 1–2; Д. 1022а. Л. 32–33; Д. 1032. Л. 33–35, 81; Д. 1073. Л. 7–8; Д. 1081. Л. 33–34, 76–78, 108–109; Д. 1082. Л. 63–64; Д. 1151а. Л. 27–28, 67–68; Д. 1248. Л. 8–9; Д. 1250. Л. 1–2, 9–12; Д. 1341. Л. 22–31, 56–57. (Таблица составлена автором)

По цифрам таблицы 10 определяем, что в 1941–1945 гг. поступления шерсти от тружеников сел и деревень Молотовской области были выше, чем в 1940 г., а среднегодовые заготовки превзошли сдачу на 35%.

Поставки этого сельскохозяйственного продукта в 1941–1942 гг. составили почти 300 тонн. Они были больше почти на 40%, чем в 1940 г. В 1943 г. поступления шерсти выросли до 320 тонн, т.е. стали в 1,5 раза выше в сравнении с заготовками 1940 г. Сдача шерсти в 1944 г. составила 272 тонны или 127% против 1940 г. В 1945 г. поставки этого сельскохозяйственного продукта Советскому государству были почти 267 тонн. Относительно 1940 года они были больше на 24%.

Поступления шерсти от колхозов составили в 1941–1945 гг. 892 тонны или 61,2%. От колхозников и единоличников страна получила 304 тонны или 20,8%. Совхозы сдали 0,3 тонны. Закупки были 144 тонны или 9,9%. В счет других сельскохозяйственных продуктов поступило 118 тонн шерсти или 8,1%.

По цифрам из архивных источников определяем заготовленное трудящимися агропромышленного комплекса крупное, мелкое и свиное кожевенное сырье, а также пушнину и меховое сырье в 1940–1945 гг. (таблица 11).

Из величин, представленных в таблице 11, вычисляем суммарное количество крупного кожевенного сырья, поступившего в 1941–1945 гг. и получаем: 440 тыс. штук. Среднегодовая сдача составляла 88 тыс. штук.

По сведениям таблицы 11 определяем общее количество мелкого кожевенного сырья, полученного СССР от колхозно-совхозной деревни в 1941–1945 гг. и получаем 1 727 тыс. штук. В среднем за год заготовки этого сельскохозяйственного продукта составляли 345,5 тыс. штук. Как видно из таблицы 11 среднегодовые поставки свиного кожсырья труженниками сельскохозяйственного производства в 1941–1945 гг. составляли 109,6 тыс. штук, а общие поступления были 548 тыс. штук.

Таблица 11 – Сдача крупного, мелкого, свиного кожевенного сырья, пушнины и мехового сырья в 1940–1945 гг. (тыс. шт.)

Table 11 – Delivery of large, small, and pig leather raw materials, furs, and fur raw materials in 1940–1945 (thousands of pieces)

Сырье	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Крупное кожсырье	103,2	93,6	88,4	104	86,6	67,3
Мелкое кожсырье	379,8	395	281,1	325,3	361,2	364,8
Свиное кожсырье	213,4	180,6	130,2	126	74,4	36,9
Пушнина и мехсырье	2 084,4	2 130,5	2 269,4	2 697,6	2 621,1	1 956,4

Источники: РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 710. Л. 31–33, 41–42; Д. 713. Л. 1–6; Д. 715. Л. 230; Д. 832. Л. 1–6; Д. 834. Л. 3; Д. 945. Л. 1–2; Д. 948. Л. 1–2; Д. 1076. Л. 1–2; Д. 1077. Л. 1–3, 17–18, 78; Д. 1078. Л. 1–8; Д. 1252. Л. 1–4; Д. 1254. Л. 8–9, 9а–9б; Д. 1456. Л. 9–10, 18–19; Д. 1651. Л. 1–2. (Таблица составлена автором)

По цифрам таблицы 11 находим, что сдача пушнины и мехового сырья в 1941–1945 гг. была на сумму 11 675 тыс. руб. или в среднем за год – 2 335 тыс. руб. Среднегодовые заготовки пушнины и меха в 1941–1945 гг. выросли против поставок в 1940 году на 12%.

4. Заключение

Определив поступления сельскохозяйственных продуктов Молотовской области в 1941–1945 гг., можно составить нижеследующие выводы.

Хлеборобы области в 1941–1945 гг. Советскому государству поставили 1,54 млн тонн зерновых. В это время страна получила свыше 559 тыс. тонн ржи и более 234 тыс. тонн пшеницы. Таким образом, общие заготовки ржи и пшеницы достигли 794 тыс. тонн или 51,5% от суммарной хлебосдачи.

В 1941–1945 гг. поступило почти 587 тыс. тонн овса или 38,1%, а также 84 тыс. тонн ячменя или 5,4%. Следовательно, суммарные поставки ржи, пшеницы, овса и ячменя составили свыше 1,46 млн тонн или 95% от общих заготовок колосовых.

Во время войны полеводы области сдали 416,1 тыс. тонн картофеля, 103,1 тыс. тонн овощей. В среднем за год государство получало овощей в 1,9 раза больше относительно поступлений 1940 года. Общее количество сахарной свеклы, полученной от области по контракции в 1942 году, составило 600 тонн. Колхозные крестьяне и работники совхозов сдали в 1943 году 5 тонн горчицы и 2 тонны рыжика. В период с 1941 по 1945 гг. сельскохозяйственные трудящиеся поставили стране более 7 тыс. тонн льноволокна, 3,1 тыс. тонн семян льна-долгунца и 3 тонны пенькового волокна. Животноводы Молотовской области заготовили Союзу ССР 95,7 тыс. тонн скота в живом весе, 357 тыс. тонн молока, 3 954 центнеров брынзы-сыра, 79,1 млн штук яиц, 1,46 тыс. тонн шерсти.

В 1942–1944 гг. мясосдача области была выше, чем в 1940 году, а среднегодовые поступления этого продукта питания в 1941–1945 гг. составили 19 143 тонны, то есть стали больше на 14%, чем в 1940 году. Среднегодовые поставки шерсти превзошли сдачу 1940 года на 35%. Общее количество крупного кожсырья, заготовленного в 1941–1945 гг. составило 440 тыс. штук, 1 727 тыс. штук было поставлено мелкого кожевенного сырья и свиного – 548 тыс. штук. В 1941–1945 гг. пушнины и меха поступило от области Советскому государству на сумму 11,7 млн руб.

Итак, трудящиеся сел и деревень Молотовской области благодаря огромным усилиям, требовательности в выполнении производственных заданий по своевременной поставке сельскохозяйственной продукции государству сумели в годы военного лихолетья или сохранить на

довоенном уровне или увеличить заготовки Родине важнейших сельскохозяйственных продуктов. В этом заключается трудовой подвиг хлеборобов, полеводов и животноводов Молотовской области, которые за счет колоссальных усилий и огромных жертв смогли решить проблему продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

Список источников и литературы

1. *Аграрное производство Пермского края в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: справочник* / автор-сост.: Ю. Б. Шувалова, Т. С. Волкова, О. В. Ярома, А. В. Хованская, В. И. Тетерин. (2020). Пермь: Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д. Н. Прянишникова. 218 с.
2. Адамович, Э. И. (1943). *Возможности домашне-кустарного производства чая и сахаристых веществ из местного растительного сырья*. Молотов: Нитосельхоз при Молотовском и Ленинградском Сельскохозяйственных институтах. 13 с.
3. Арутюнян, Ю. В. (1963). *Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны*. М.: Издательство Академии наук СССР. 1963. 460 с.
4. Брызгалов, В. А. (1943). *Выращивание рассады и ранних овощей в утепленном грунте*. Молотов: Областное издательство. 43 с.
5. *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*. В 12-ти т. (2014). М.: Кучково поле.
6. Вознесенский, Н. А. (1947). *Военная экономика СССР в период Отечественной войны*. М.: Государственное издательство политической литературы. 192 с.
7. Григорьев, Л. П. (1942). *За 1000 пудов картофеля с гектара: (агротехника картофеля)*. – Молотов: Областное издательство. 50 с.
8. Дворсон, Л. Г. (1985). *О руководстве Пермской областной партийной организацией сельским хозяйством в годы Великой Отечественной войны // Западный Урал – фронту: тез. Городской науч. конф., посвящ. 40-летию Победы сов. народа в Великой Отеч. Войне*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. С. 28–30.
9. *Задачи сельсоветов в проведении весеннего сева 1944 года и борьбе за высокий урожай:*
материалы совещания / 2-ое обл. совещание председателей сел. советов (1944). Молотов: Исполком Молотовского Областного Совета депутатов трудящихся. 109 с.
10. *Западный Урал – фронту. Трудящиеся Пермской области в борьбе за победу в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): Док. и материалы* / Сост. В. П. Ланин (1985). Пермь: Перм. кн. изд-во. 284 с.
11. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945*. В 6-ти томах. (1960–1965). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР.
12. *История крестьянства СССР. История Советского крестьянства. В пяти томах. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945*. (1987). М.: Наука. 448 с.
13. Мотревич, В. П. (1991). *Валовая продукция сельского хозяйства Урала (1941–1960 гг.)*. Свердловск: Уральское отделение АН СССР, 1991. 72 с.
14. Мотревич, В. П. (1993). *Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны*. Свердловск: Изд-во Урал. Ун-та. 190 с.
15. Мотревич, В. П. (1993). *Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.)*. Екатеринбург: Наука: Уральское отделение. 307 с.
16. Мотревич, В. П. (2021). *Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны*. Екатеринбург: Альфа принт, 2021. 700 с.
17. Наумова, А. Г. (1960). *Пермская партийная организация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)*. Пермь: Кн. изд-во. 108 с.

18. Наумова, А. Г. (1967). *Партийное руководство сельским хозяйством Пермской области в условиях Великой Отечественной войны* // Из истории партийных организаций Урала (1917–1967). Учен. зап. №189. Перм. госун-т. С. 181–192.

19. Наумова, А. Г. (1972). *Колхозное крестьянство – фронту (по материалам уральских партийных организаций 1941–1945 гг.)* // Из истории партийных организаций Урала. Учен. зап. № 101. Перм. гос. пед. ин-т. Пермь. С. 86–100.

20. *Пермский край в Великой Отечественной войне. Сборник документов.* (2018). Пермь. 512 с.

21. Половников, В. М. (1968). *Деятельность партийных организаций Западного Урала по руководству сельским хозяйством в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00.* Пермь. 383 с.

22. Половников, В. М. (1966). *Колхозная деревня Западного Урала в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.)* // Из истории партийных организаций Урала. Учен. зап. № 101. Перм. гос. пед. ин-т. Пермь. С. 165–191.

23. *Постановление Исполнительного Комитета Молотовского областного Совета депутатов трудящихся и бюро Обкома ВКП(б) от 8 марта 1944 № 247 «О государственном плане развития сельского хозяйства в колхозах Молотовской области на 1944 г.».* (1944). Молотов: б. и. 27 с.

24. *О создании продовольственной базы промышленных центров Молотовской области: постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 5 августа 1944 г.* (1944). Молотов: Областное издательство. 15 с.

25. *Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 году.* (1942). Молотов: Молотовское областное издательство. 14 с.

26. *Об участии комсомольских организаций колхозов, совхозов, МТС в проведении сельскохозяйственных работ в 1942 году: ЦК ВЛКСМ союзных республик, обкомам, крайкомам, сел. райкомам, первичным комсомольским организациям колхозов, совхозов, МТС / [Центр. комитет ВЛКСМ].* (1941). Молотов: [б. и.]. 7 с.

27. *Рассказы передовиков сельского хозяйства / [записали и обраб. М. И. Баталов, В. И. Окулов].* (1945). Кудымкар: Комипермгиз. 35 с.

28. *Решение Молотовского областного Совета депутатов трудящихся. О состоянии и мерах укрепления общественного животноводства в колхозах: (принято на XIV сессии), гор. Молотов 27–28 ноября 1944 года: проект.* (1944). Молотов: [б. и.]. 6 с.

29. *Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И.А.*

Гладков. (1970). М.: Наука. 504 с.

30. *СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991) / отв.*

ред. О.А. Сухова. (2022). Пенза: Изд-во ПГУ. 764 с.

31. Чадаев, Я. Е. (1985). *Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)*. М.: Мысль. 494 с.

32. Шувалова, Ю. Б. (2021). *Уровень интенсивности труда колхозников в годы Великой Отечественной войны на примере Молотовской (Пермской) области* // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Т. 23. № 1. С. 146–159.

33. Юдкин, Ф. М. (1942). *Агротехника овощных культур открытого грунта для колхозов и совхозов Молотовской области.* Молотов: Областное издательство. 47 с.

34. Якунцов, В. И. (2000). *Подвиг колхозной деревни (на материалах Прикамья)* // Урал в стратегии Второй мировой войны. Матер. Всеросс. науч. конф., посв. 55-летию Победы в Вел. Отеч. войне. Екатеринбург, Кам.-Уральский, 27–28 апр. 2000 г. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96». С. 180–184.

References

1. *Agrarnoe proizvodstvo Permskogo kraja v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` : 1941–1945 gg.* [Agrarian Production in the Perm Region during the Great Patriotic War: 1941–1945: A Handbook] / Author–Compiled by: Yu. B. Shuvalova, T. S. Volkova, O. V. Yaroma, A. V. Khovanskaya, and V. I. Teterin. (2020). Perm: Perm State Agrarian and Technological University named after Academician D. N. Pryanishnikov. (in Russian).
2. Adamovich, E. I. (1943). *Vozmozhnosti domashne-kustarnogo proizvodstva chaya i saxaristy`x veshhestv iz mestnogo rastitel`nogo sy`r`ya.* [Possibilities of home-artisanal production of tea and sugary substances from local vegetable raw materials] / E. I. Adamovich; Molotov Agricultural Institute. Institute; [executive editor L. P. Grigoriev]. – Molotov: Nitoselkhoz at the Molotov and Leningrad Agricultural Institutes. (in Russian).
3. Arutyunyan, Yu. V. (1963). *Sovetskoe krest`yanstvo v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [The Soviet Peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. (in Russian).
4. Bryzgalov, V. A. (1943). *Vy`rashhivanie rassady` i rannix ovoshhej v uteplennom grunte* [Growing seedlings and early vegetables in a heated soil]. Molotov: Regional Publishing House. (in Russian).
5. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. In 12 volumes. (2012). Moscow: Kuchkovo Pole. (in Russian).
6. Voznesenskij, N. A. (1947). *Voennaya e`konomika SSSR v period Otechestvennoj vojny`* [Voennaya e`konomika SSSR v period Otechestvennoj vojny`]. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`. (in Russian).
7. Grigoriev, L. P. (1942). *Za 1000 pudov kartofelya s hektara: (agrotexnika kartofelya)* [For 1,000 poods of potatoes per hectare: (agrotechnology of potatoes)]. Molotov: Regional Publishing House. (in Russian).
8. Dvorson, L. G. (1985). *O rukovodstve Permskoj oblastnoj partijnoj organizaciej sel`skim xozyajstvom v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [On the leadership of the Perm regional party organization in agriculture during the Great Patriotic War] in *Western Urals to the Front: thesis. city scientific conference, dedicated to the 40th anniversary of the Victory of the Soviets. the people in the Great Patriotic War.* Perm: Publishing House of Perm. University, 28–30. (in Russian).
9. *Zadachi sel`sovetov v provedenii vesennego seva 1944 goda i bor`be za vy`sokij urozhaj* [Tasks of Village Councils in the Spring Sowing of 1944 and the Struggle for High Yields]: in *Materials of the Meeting / 2nd Regional Meeting of Village Council Chairmen* (1944). Molotov: Executive Committee of the Molotov Regional Council of Workers' Deputies. (in Russian)
10. *Zapadny`j Ural – frontu. Trudyashhiesya Permskoj oblasti v bor`be za pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945 gg.): Dok. i materialy` / Sost. V. P. Lanin* [Western Urals to the front. Workers of the Perm region in the struggle for victory in the Great Patriotic War (1941–1945): Doc. and materials] / Comp. V. P. Lanin. (1985). Perm: Perm. publishing house. (in Russian).
11. *Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny` Sovetskogo Soyuza 1941–1945. V 6-ti tomax* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945] In 6 volumes. (1960–1965). M.: Voennoe izdatel`stvo Ministerstva oborony` SSSR, 1960–1965. (in Russian)
12. *Istoriya krest`yanstva SSSR. Istoriya Sovetskogo krest`yanstva. V pyati tomax. T. 3. Krest`yanstvo nakanune i v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1938–1945.* [History of the Peasantry of the USSR. History of the Soviet Peasantry. In five volumes. Vol. 3. The Peasantry on the Eve of and During the Great Patriotic War 1938–1945.] (1987). M.: Nauka. (in Russian).
13. Motrevich, V. P. (1991). *Valovaya produkcija sel`skogo xozyajstva Urala (1941–1960 gg.)* [Gross Agricultural Output in the Urals (1941–1960)]. Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. (in Russian).

14. Motrevich, V. P. (1993). *Kolkozy` Urala v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [Kolkhozes of the Urals during the Great Patriotic War]. Sverdlovsk: Ural University Press. (in Russian).

15. Motrevich, V. P. (1993). *Sel'skoe xozyajstvo Urala v pokazatelyax statistiki (1941–1950 gg.)* [Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941–1950)]. Yekaterinburg: Nauka: Ural Branch. (in Russian).

16. Motrevich, V. P. (2021). *Vklad v Pobedu: sel'skoe xozyajstvo Urala v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [Contribution to Victory: Agriculture in the Urals during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg: Alfa Print. (in Russian).

17. Naumova, A. G. (1960). *Permskaya partijnaya organizaciya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945 gg.)* [The Perm Party Organization during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Perm: Knizhnoye Izdatelstvo. (in Russian).

18. Naumova, A. G. (1967). *Partijnoe rukovodstvo sel'skim xozyajstvom Permskoj oblasti v usloviyax Velikoj Otechestvennoj vojny`* [Party Leadership of Agriculture in the Perm Region during the Great Patriotic War] *In the History of Party Organizations in the Urals (1917–1967)*. *Scientific Notes*. 189. Perm State University, 181–192. (in Russian).

19. Naumova, A. G. (1972). *Kolxoznoe krest'yanstvo – frontu (po materialam ural'skix partijny`x organizacij 1941–1945 gg.)* [Collective farm peasantry to the front (based on the materials of the Ural party organizations of 1941–1945)] in *From the history of party organizations of the Urals*. *Scientific note*. 101. Perm. state. pedagogical Institute. Perm, 86–100. (in Russian).

20. *Permskij kraj v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sbornik dokumentov* [The Perm Region in the Great Patriotic War. Collection of Documents] (2018). Perm. (in Russian).

21. Polovnikov, V. M. (1968). *Deyatel'nost' partijny`x organizacij Zapadnogo Urala po rukovodstvu sel'skim xozyajstvom v usloviyax Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg.* [The Activities of Party Organizations in the Western Urals in the Management of Agriculture during the Great Patriotic War of 1941–1945] in *Dissertation ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.00*. Perm. (in Russian).

22. Polovnikov, V. M. (1968). *Kolxoznaya derevnya Zapadnogo Urala v pervy`j period Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1942 gg.)* [Kolkhoz Village in the Western Urals during the First Period of the Great Patriotic War (1941–1942)] in *From the History of Party Organizations in the Urals*. *Scientific Notes*. 101. Perm State Pedagogical Institute. Perm, 165–191. (in Russian).

23. *Postanovlenie Ispolnitel'nogo Komiteta Molotovskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashhixsya i byuro Obkoma VKP(b) ot 8 marta 1944 № 247 «O gosudarstvennom plane razvitiya sel'skogo xozyajstva v kolxozax Molotovskoj oblasti na 1944 g.»* [Resolution of the Executive Committee of the Molotov Regional Council of Workers' Deputies and the Bureau of the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) dated March 8, 1944, No. 247, on the State Plan for the Development of Agriculture in the Collective Farms of the Molotov Region for 1944 (1944). Molotov: b. i. (in Russian).

24. *O sozdanii proizvodstvennoj bazy` promy`shlenny`x centrov Molotovskoj oblasti: postanovlenie Soveta Narodny`x Komissarov Soyuza SSR ot 5 avgusta 1944 g.* [On the creation of a food base for the industrial centers of the Molotov region: resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated August 5, 1944] (1944). Molotov: Regional Publishing House. (in Russian).

25. *Ob uborke urozhaya i zagotovkax sel'skoxozyajstvenny`x produktov v 1942 godu* [On harvesting and procurement of agricultural products in 1942] (1942). Molotov: Molotov Regional Publishing House. (in Russian).

26. *Ob uchastii komsomol'skix organizacij kolxozov, sovхозov, MTS v provedenii sel'skoxozyajstvenny`x rabot v 1942 godu: CzK VLKSM soyuzny`x respublik, obkomam, krajkomam, sel. rajkomam, pervichny`m komsomol'skim organizacijam kolxozov, sovхозov, MTS / [Centr. komitet VLKSM]* [On the participation of Komsomol organizations of collective farms, state farms, MTS in carrying out agricultural work in 1942: the Central Committee of the Komsomol of the Union Republics, regional committees, regional committees, rural district committees, primary Komsomol organi-

zations of collective farms, state farms, MTS / [Center. Komsomol Committee] (1941). Molotov: [B. I.]. (in Russian).

27. *Rasskazy`peredovikov sel'skogo khozyajstva / [zapisali i obrab. M. I. Batalov, V. I. Okulov]* [Stories of Agricultural Leaders / [recorded and edited by M.I. Batalov and V.I. Okulov]. (1945). Kudy`mkar: Komipermgiz. (in Russian).

28. *Reshenie Molotovskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashixsya. O sostoyanii i merax ukrepleniya obshhestvennogo zhivotnovodstva v kolxozax: (prinyato na XIV sessii), gor. Molotov 27–28 noyabrya 1944 goda: proekt.* [The decision of the Molotov Regional Council of Workers' Deputies On the state and measures to strengthen public animal husbandry in collective farms: (adopted at the XIV session), gor. Molotov November 27–28, 1944: draft (1944). Molotov: [B. I.]. (in Russian).

29. *Sovetskaya e`konomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. / red. I.A. Gladkov* [Sovetskaya e`konomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. / red. I.A. Gladkov] (1970). M.: Nauka. (in Russian).

30. *SSSR: agrarnaya politika i regional`ny`e osobennosti ee realizacii (1922–1991) / otv. red. O.A. Suxova.* [USSR: Agrarian Policy and Regional Features of Its Implementation (1922–1991) / Ed. by O.A. Sukhova] (2022). Penza: PSU Publishing House. (in Russian).

31. Chadaev, Ya. E. (1985). *E`konomika SSSR v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945 gg.)* [The Economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Mysl. (in Russian).

32. Shuvalova, Yu. B. (2021). *Uroven` intensivnosti truda kolxoznikov v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` na primere Molotovskoj (Permskoj) oblasti* [The level of labor intensity of collective farmers during the Great Patriotic War on the example of the Molotov (Perm) region] in *Izvestiya of the Ural Federal University. Ser. 2: Humanities*, 23, No. 1, 146–159. (in Russian).

33. Yudkin, F. M. (1942). *Agrotexnika ovoshhny`x kul`tur otkry`togo grunta dlya kolxozov i sovхозov Molotovskoj oblasti* [Agrotechnology of Open-Field Vegetable Crops for Collective Farms and State Farms in the Molotov Region]. Molotov: Regional Publishing House. (in Russian).

34. Yakuntsov, V. I. (2000). *Podvig kolxoznoj derevni (na materialax Prikam`ya)* [The feat of a collective farm village (based on materials from the Kama region)] in *The Urals in the strategy of the Second World War. Mater. All-Russian Scientific Conference dedicated to the 55th anniversary of the Victory in the Great Edema. The war. Yekaterinburg, Uralsky District, April 27–28, 2000.* Yekaterinburg: Publishing House "SV-96", 180–184. (in Russian).

Вклад авторов:

Б. У. Серазетдинов: обзор публикаций по теме статьи, получение данных для анализа, написание текста рукописи, анализ полученных данных;

С. А. Жевалов: обзор публикаций по теме статьи, получение данных для анализа, написание текста рукописи, анализ полученных данных.

Authors' contributions:

Boris U. Serazetdinov: review of publications on the topic of the article, obtaining data for analysis, writing the text of the manuscript, analyzing the data obtained;

Sergey A. Zhevalov: review of publications on the topic of the article, obtaining data for analysis, writing the text of the manuscript, analyzing the data obtained;

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МИЧМАНОВ НА РОССИЙСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ФЛОТЕ НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВИЦЕ-АДМИРАЛА П.Я. ШКОТА

Г.А. Филатов

Воронежский государственный аграрный университет

им. императора Петра I,

ул. Мичурина, 1, Воронеж, 394087, Россия

Аннотация.

Введение. В статье рассматриваются особенности повседневной жизни офицеров Российского Императорского флота середины XIX века на примере воспоминаний вице-адмирала П.Я. Шкота. **Материалы и методы.** Для исследования были привлечены различные исторические методы. Историко-антропологический метод позволил интерпретировать описываемые П.Я. Шкотом эпизоды как культурные практики, раскрывающие систему ценностей офицерского сообщества. Проблемно-хронологический метод восстанавливает последовательность развития конфликтных ситуаций и их разрешения. Материалами для научной статьи послужили воспоминания вице-адмирала П.Я. Шкота, содержащие детальные описания его службы. Издания историков, занимающихся проблемами социальной истории российского флота и истории повседневности дореволюционной России, послужили основой для реконструкции конкретно-исторических условий службы морских офицеров в 1830-1840-х годах. **Результаты.** В статье анализируются два ключевых эпизода из воспоминаний П.Я. Шкота: коллективное сопротивление офицеров внедрению строевой муштры под руководством капитана 1 ранга В.П. Кохиуса и инсценировка смерти должника с целью обмана ростовщика Давыдки. Через призму данных эпизодов характеризуются особенности повседневной жизни флотских офицеров и прослеживается соотношение формальных уставных требований и неформальных практик, регулировавших жизнь офицерского корпуса. **Заключение.** В заключении приходим к выводу о том, что повседневная жизнь офицеров Российского Императорского флота формировала сложную систему неписаных правил и ценностей, которая зачастую играла более значительную роль в регуляции отношений, чем официальные регламенты. Мемуары П.Я. Шкота раскрывают «человеческое измерение» истории флота, демонстрируя, как повседневность формировала особый дух офицерского братства.

Ключевые слова: Российский Императорский флот, повседневная жизнь, офицерский корпус, корпоративная культура, мичмана, П.Я. Шкот, В.П. Кохиус, строевая служба, пассивное сопротивление, долговая экономика, ростовщик, корпоративная солидарность.

Для цитирования: Филатов Г.А. (2026). Особенности повседневной жизни офицеров Российского Императорского флота середины XIX века на примере воспоминаний вице-адмирала П.Я. Шкота // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 75-82. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-75-82

Статья поступила: 12.11.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Филатов Г., 2026

THE PECULIARITIES OF THE DAILY LIFE OF OFFICERS OF THE RUSSIAN IMPERIAL FLEET IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY BASED ON THE MEMOIRS OF VICE-ADMIRAL P.YA. SHKOT

G. A. Filatov

*Emperor Peter I Voronezh State Agrarian University
1 Michurina St., Voronezh, 394087, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the peculiarities of the daily life and corporate culture of officers of the Russian Imperial Navy in the mid-19th century on the example of the memoirs of Vice-Admiral P.Ya. Shkot. **Materials and methods.** Various historical methods were used for the study. The historical-anthropological method made it possible to interpret the episodes described by P.Ya. Shkot as cultural practices that reveal the value system of the officer community. The problem-chronological method restores the sequence of development of conflict situations and their resolution. The materials for the scientific article were the published memoirs of Vice-Admiral P.Ya. Shkot, containing detailed descriptions of his service from midshipman to flag officer. The publications of historians and other scientists dealing with the problems of the social history of the Russian fleet and the history of everyday life in pre-revolutionary Russia served as the basis for reconstructing the specific historical conditions of the service of naval officers in the 1830s-1840s. **Results.** The article analyzes two key episodes from the memoirs of P.Ya. Shkot: the collective resistance of officers to the introduction of drill training under the leadership of Captain 1st Rank V.P. Kokhius and the staging of a debtor's death in order to deceive the moneylender Davydko. Through the prism of these episodes, the peculiarities of the daily life of naval officers are characterized: mechanisms of corporate solidarity, forms of passive resistance to bureaucratic innovations, the hierarchy of moral obligations in debt relations, and the specifics of the subculture of the midshipman community. The correlation between formal statutory requirements and informal practices that regulated the life of the officer corps is traced. **Conclusion.** In conclusion, we come to the conclusion that the daily life of officers of the Russian Imperial Navy formed a complex system of unwritten rules and values, which often played a more significant role in regulating intra-corporate relations than official regulations.

Keywords: Russian Imperial Navy, daily life, officer corps, corporate culture, midshipmen, P.Ya. Shkot, V.P. Kokhius, drill service, passive resistance, debt economy, moneylender, corporate solidarity.

For citation: Filatov G.A. (2026). The peculiarities of the daily life of officers of the Russian Imperial fleet in the middle of the 19th century based on the memoirs of Vice-Admiral P.Ya. Shkot In *History: facts and symbols*, 1 (46), 75-82. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-75-82

Received: 12.11.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Filatov G., 2026

1. Введение

Повседневная жизнь офицеров Российского Императорского флота в первой половине XIX века представляла собой синтез строгой служебной иерархии, морских традиций и особого социального быта. Ценный взгляд «изнутри» на эту среду предоставляют личные воспоминания, такие как воспоминания вице-адмирала Павла Яковлевича Шкота.

Именно через призму его свидетельств и опыта в данной научной статье исследуются рутинные аспекты быта, службы и мировоззрения морского офицера. Надо отметить, что живые и детализированные свидетельства П.Я. Шкота раскрывают многие малоизвестные для

специалистов аспекты, ускользающие от официальных документов: от тонкостей взаимоотношений с начальством и кредиторами до форм коллективной солидарности.

Повседневная жизнь офицеров Российского Императорского флота – тема, слабо представленная в научной литературе. Как правило, она затрагивается лишь косвенно. Однако систематическое исследование быта офицерского корпуса позволяет выйти за рамки биографических портретов и увидеть, как повседневные практики формировали культ дисциплины, социальную стратификацию и профессиональную идентичность флотской элиты. Примером научного внимания может служить статья Б.Г. Андрюкова и П.Ф. Подакина «Этапы создания и развития Владивостокского морского госпиталя как отражение истории русского флота на Тихом океане в XVIII–XIX веках», где затрагиваются вопросы повседневной жизни в медицинском контексте [1]. Другой аспект – изучение роли священников на флоте, которые играли важную роль в бытовой жизни. Таким образом, наша статья продолжает наметившуюся историографическую традицию, стремясь восполнить пробелы в понимании повседневности флотской службы, раскрывая её через призму не только официальных документов, но и личных свидетельств, мемуаров и архивных материалов, что позволяет глубже проникнуть в мир офицера-моряка, его заботы, радости и трудности, формировавшие уникальный облик этой социальной группы.

2. Материалы и методы

Методологически перспективными являются междисциплинарные подходы, сочетающие архивные источники (медицинские журналы, регистры призывов и увольнений, штатные расписания, дневники капитанов), анализ визуальных материалов (графические акты, карикатуры, планы размещения кают) и современные теории повседневности (например, концепции «мелкой» повседневности, бытовой ритуальности и практик женской/мужской трудовой роли). Важно учитывать региональные различия флота, специфику корабельных классов и эпохи, а также влияние внешних факторов, таких как дальность плавания, климат и геополитический контекст.

Основу исследования составили документы фонда Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), содержащие информацию о начале военно-морской деятельности П.Я. Шкота¹. Другую информацию о карьерном и жизненном пути видного деятеля российского флота мы получаем из его некролога [3]. Также ценную информацию в рамках темы статьи мы получаем из опубликованных воспоминаний вице-адмирала П.Я. Шкота, представляющих собой детализированное описание его службы [6].

Кроме того, для понимания особенностей быта флотских офицеров и нижних чинов в работе использовались труды Ф.Ф. Веселаго [1]. Для критики источника и контекстуализации содержащихся в мемуарах сведений привлечены труды исследователей, посвященные социальной истории российского флота, истории повседневности и офицерского корпуса [2; 5].

Все упомянутые издания, документы архивных фондов и опубликованные источники позволяют сформировать целостное представление об особенностях повседневной жизни мичманов в исследуемый исторический период на примере воспоминаний П.Я. Шкота, вице-адмирала и выдающегося деятеля флота. Эти материалы, проливая свет на быт, службу и личные переживания молодых офицеров, дают возможность не только реконструировать их будни, но и понять те вызовы и возможности, которые формировали их профессиональный и личностный рост. Анализ свидетельств современников, наряду с официальными документами, раскрывает многогранность их существования: от строгой дисциплины и напряженной учебы до моментов товарищества и первых шагов в самостоятельной морской карьере. Таким образом, совокупность привлеченных источников создает объемную картину жизни мичманов, позволяя глубже осмыслить их роль в развитии военно-морского флота и общества того времени.

3. Результаты

¹ Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 2131.

Павел Яковлевич Шкот, прошел путь от мичмана до вице-адмирала, занимая различные командные и административные посты на флоте. Его мемуары, созданные в конце жизни, содержат не только описание службы, но и богатейший материал о быте, нравах и неформальных отношениях в среде морских офицеров, особенно ценный для периода его молодости и начала флотской службы.

П.Я. Шкот происходит из семьи с шотландскими корнями. Еще с детства П.Я. Шкот знал, что он пойдет служить на флот, т.к. вся его семья так или иначе была связана с флотской службой [3, с. 715]. Имея цель попасть на учебу в Морской кадетский корпус, 12-летний П.Я. Шкот пишет письмо императору Александру I с просьбой ходатайствовать о его зачислении в учебное заведение¹. Кроме того, подросток просит Костромское Дворянское Собрание выдать ему свидетельство о его дворянском происхождении с характеристикой и упоминанием о наличии противооспенной прививки².

Такое рвение оценивается в высших кругах и П.Я. Шкот поступает на учебу в Морской корпус. В 1834 г. он производится в первый офицерский чин мичмана и поступает на службу.

Именно к периоду начала карьеры относятся воспоминания П.Я. Шкота о повседневной жизни на флоте и проделках мичманов. Отчасти это связано с возрастом, а отчасти с тем, что воспоминания П.Я. Шкот писал уже в зрелом возрасте, обладая высоким чином, мог сознательно избегать упоминания проделок на флотской службе, акцентируя внимание на других вещах.

Первое воспоминание о мичманских забавах мы находим в самом начале его работы «Из воспоминаний русского моряка». Оно связано с введением на флоте строевой подготовки, ранее отсутствовавшей [5, с. 133].

Рисунок 1. Павел Яковлевич Шкот

Figure 1. Pavel Yakovlevich Shkot

Для обучения флотских офицеров на фрегат «Кастор», службу на котором проходил П.Я. Шкот, был прислан капитан 1-го ранга Василий Петрович Кохиус. Бывший армейский

¹ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2131. Л. 1-2.

² Там же. Л. 3.

полковник, переведенный во флот и назначенный командиром учебного экипажа в Кронштадте. Методы обучения молодых моряком В.П. Кохиус выбрал драконовские: ругань и муштра, усвоенная им еще в аракчеевских поселениях [6, с.7]. Естественным образом у мичманов В.П.Кохиус стал вызывать лишь раздражение и неприязнь.

Не имея возможности избавиться от строевой подготовки или заменить В.П. Кохиуса кем-либо другим, мичманы избрали тактику коллективного сопротивления. На учениях офицеры намеренно принимали «смех какую позу и физиономию», производили путаницу в построениях, доводя батальон до состояния «кучи, которую и разобрать трудно». При этих «спектаклях» на площади собиралась публика, в числе которой постоянно находилась собака-пудель [6, с.8].

Кульминацией неподобающего поведения мичманов становился момент, когда осведомленный о происходящем зритель на площади давал пуделю команду «пиль!», после которой собака летела на капитана 1-го ранга В.П. Кохиуса, сбивала с него шляпу и парик, и тот «перед фронтом является лысый».

Естественное такое поведение молодых моряков выводило В.П. Кохиуса из себя и заставляло его немедленно жаловаться командиру порта Кронштадта. П.М. Рожнову, который выходил к офицерам для разбора. Мичмана, действуя слаженно, заявляли: «Мы, ваше высокопревосходительство, право не виноваты; Василий Петрович так ругался не знаем за что, и от его крика бросилась на него собака, сбивла шляпу и парик, а что публика смеялась, то мы в этом тоже невиноваты» [6, с.8]. Главный командир предлагал В.П. Кохиусу продолжить учение, и тогда офицеры мгновенно перестраивались, демонстрируя безупречное знание строевых приемов, чем приводили начальника в восторг.

Подобная ситуация, повторявшаяся многократно, ярко показывает особенности повседневной жизни мичманов, затрагивая ряд характерных черт, в число которых входит коллективизм. Сопротивление муштре носило не индивидуальный, а коллективный и слаженный характер, что показывает общность и договороспособность русских моряков.

Кроме того, сопротивление было направлено не против самой строевой службы как таковой, а против унижительной формы ее внедрения. Как только Кохиус, утомленный постоянными конфликтами, «перестал употреблять аракчеевскую методу кричать и ругаться», учения наладились, и впоследствии, по гордому замечанию мемуариста, император Николай I, бывая недоволен гвардейскими полками, грозил: «Я вас пошлю в Кронштадт поучиться у моряков» [6, с. 9].

Второй яркий эпизод, характеризующий повседневную жизнь мичманов русского флота, повествует о ростовщиках, с которыми молодым офицерам приходилось иметь дело. Дело в том, что жалование на Российском Императорском флоте было достаточно скромным, а вот потребности молодых мичманов, напротив, были достаточно высокими. Подобный «кассовый разрыв» вынуждал моряков обращаться за кредитом.

П.Я. Шкот вспоминает о двух ростовщиках, которые приходили на помощь морякам. Портной Гаврило Васильевич, бывший крепостной моряка Теглева, характеризуется Шкотом как «прекрасная личность», пользующаяся всеобщим уважением. Он снабжал офицеров обмундированием в долг «за очень добросовестную цену», не требовал неукоснительного возврата и позволял платить частями [6, с. 15].

Антиподом же Теглева выступает еврей Давыдка, снабжавший деньгами под высокие проценты и бравший «за эту доверенность вдвое, втрое». Заплатить портному вовремя считалось делом чести, Теглев во флотской среде слыл уважаемой личностью. Долг же Давыдке не считался священным. Более того, обман его не только допускался, но и морально оправдывался. Подобное деление указывает на существование в офицерской среде разветвленной системы неписаных этических норм, регулировавших поведение в сфере, казалось бы, далекой от воинской чести.

Именно эта установка породила идею инсценировки смерти одного из должников. Мичмана распустили слух о его смерти, зная, что Давыдка немедленно явится. Мнимого покойника положили на стол, поставили свечи, «все как следует», читали псалтырь.

Давыдка, как и ожидали офицеры, явился и начал причитать и долге покойного в 100 рублей. В этот момент покойник вскочил и бросился на него. Давыдка в ужасе побежал, «покойник» погнался за ним по улице, ростовщик упал в обморок. Все улики были убраны, и полиция сообщила, что Давыдка лежит на улице без чувств. Дело кончилось тем, что ростовщик «получил жестокую горячку и чуть не умер», а его рассказы о воскресшем покойнике были сочтены бредом [6, с. 17]. Долгое время мичманы держали эту историю в тайне, старательно уходя от вопросов и распространяющихся слухах.

В этом эпизоде снова проявляется характерная черта офицерства – сплоченность. Мистификация с покойником была не индивидуальной авантюрой, а коллективной акцией, требовавшей слаженности, конспирации и взаимного доверия. Участие в ней, как и участие в проделках против Кохиуса, маркировало принадлежность к мичманскому «сословию» на флоте.

Кроме того, эпизод высвечивает сложное переплетение сословных, этнических и религиозных стереотипов в сознании офицеров. Обман Давыдки оправдывается не только тем, что он берет «жидовские проценты», но и тем, что он «жид», то есть изначально воспринимается как потенциальный обманщик. Эта амбивалентность – формальное признание недопустимости обмана и фактическое его оправдание применительно к определенной категории лиц – характерная черта коллективного сознания эпохи.

4. Заключение

На основании анализа воспоминаний П.Я. Шкота мы приходим к выводу, что повседневная жизнь офицеров Российского Императорского флота в середине XIX века была подчинена сложному синтезу уставных норм и требований и неписанному своду правил поведения, выработанных внутри самого офицерского сообщества. Этот дуализм, порой противоречивый, но чаще взаимодополняющий, формировал уникальный кодекс чести и быта, где строгая дисциплина парадоксальным образом уживалась с вольностями, допустимыми лишь в кругу равных, и где каждый жест, каждое слово имели свой вес и значение, не всегда прописанные в официальных документах, но безоговорочно понятные и принимаемые всеми членами морского братства.

Список источников и литературы

1. Андриюков, Б. Г., Подакин, П. Ф. (2016). *Этапы создания и развития Владивостокского морского госпиталя как отражение истории русского флота на Тихом океане в XVIII–XIX веках* // Здоровье. Медицинская экология. Наука. № 4 (67). С. 72–79.
2. Веселаго Ф. Ф., Аренс Е. И., Петров М. А., Будберг А. П. (2024). *История русского флота*. Москва: Просвещение-Союз [и др.]. 206 с.
3. Горденев, М. Ю. (2007). *Морские обычаи, традиции и торжественные церемонии Русского Императорского Флота*. Москва: Кучково поле: Гиперборея. 270 с.
4. Копылов, С. Н. (2019). *Повседневная служба священников русского флота в конце XIX — начале XX века* // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-sluzhbasvyaschennikov-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>
5. Копылов, С. Н., Третьяков А. В. (2018). *Кадровая политика протопресвитера военного и морского духовенства по формированию штатного состава священников русского флота в конце XIX — начале XX в.* // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaia-politika-protopresvitera-voennogo-i-morskogo-duhovenstva-po-formirovaniyushtatnogo-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>

6. Лупанова, Е. М. (2021). «Дабы простережением их не погрешить в смечании пути корабельного...» Склянки в русском флоте XVIII — первой половины XIX века // Военно-исторический журнал. № 4. С. 68-73.
7. Лупанова, Е. М. (2020). Инструментальные мастера Второй Камчатской экспедиции // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Т. 7. № 3 (27). С. 96–103.
8. Павел Яковлевич Шкот. 1814–1880. (Некролог) (1881) // Русская старина. № 3. С. 715–720.
9. Сингх, С. С., Иванченко, М. Р. (2020). Судовые священники Российского императорского флота в исследованиях С.Н. Копылова: череда ошибок или намеренная фальсификация? // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. № 4 (32). С. 324–340.
10. Шигин, В. В. (2019). Жизнь на палубе и на берегу: (повседневная жизнь моряков русского парусного флота). Москва: Моркнига. 443 с.
11. Шкот, П. Я. (1886). Из воспоминаний русского моряка. Кронштадт: Б/и 193 с.

References

1. Andryukov, B. G., Podakin, P. F. (2016). E'tapy` sozdaniya i razvitiya Vladivostokskogo morskogo gospitalya kak otrazhenie istorii russkogo flota na Tixom okeane v XVIII–XIX vekax [Stages of the Creation and Development of the Vladivostok Naval Hospital as a Reflection of the History of the Russian Fleet in the Pacific Ocean in the 18th–19th Centuries] In *Zdorov`e. Medicinskaya e`kologiya. Nauka*, 4 (67), 72–79. (in Russian).
2. Veselago, F. F., Arens, E. I., Petrov, M. A., Budberg, A. P. (2024). *Istoriya russkogo flota* [The History of the Russian Fleet]. Moscow: Prosveshchenie-Soyuz [i dr.]. (in Russian).
3. Gordenew, M. Yu. (2007). *Morskie obychai, tradicii i torzhestvennyye ceremonii Russkogo Imperatorskogo Flota* [Naval Customs, Traditions and Solemn Ceremonies of the Russian Imperial Navy]. Moscow: Kuchkovo pole: Giperboreya. (in Russian).
4. Kopy`lov, S. N. (2019). *Povsednevnyaya sluzhba svyashhennikov russkogo flota v konce XIX — nachale XX veka* [Daily Service of the Priests of the Russian Fleet in the Late 19th — Early 20th Century] In *Ucheny`e zapiski. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-sluzhbasvyaschennikov-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>
5. Kopy`lov, S. N., Tret`yakov, A. V. (2018). *Kadrovaya politika protopresvitera voennogo i morskogo duxovenstva po formirovaniyu shtatnogo sostava svyashhennikov russkogo flota v konce XIX — nachale XX v.* [Personnel Policy of the Protopresbyter of the Military and Naval Clergy on the Formation of the Staff of Priests of the Russian Navy in the Late 19th — Early 20th Centuries] In *Ucheny`e zapiski. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-politika-protopresvitera-voennogo-i-morskogo-duhovenstva-po-formirovaniyushtatnogo-russkogo-flota-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>
6. Lupanova, E. M. (2021). «Daby` prosterezheniem ix ne pogreshit` v smechanii puti korabel`nogo...» Sklyanki v russkom flote XVIII – pervoj poloviny` XIX veka ["So that by watching them we might not sin in marking the ship's route..." Vials in the Russian Navy of the 18th - First Half of the 19th Century] In *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 4, 68-73.
7. Lupanova, E. M. *Instrumental`ny`e мастера Vtoroj Kamchatskoj e`kspedicii* [Toolmakers of the Second Kamchatka Expedition] In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, 7, 3 (27), 96–103.
8. *Pavel Yakovlevich Shkot. 1814–1880. (Nekrolog)* [Pavel Yakovlevich Shkot. 1814–1880. (Obituary)] (1881) In *Russkaya starina*, 3, 715–720. (in Russian).
9. Singx, S. S., Ivanchenko, M. R. (2020). *Sudovy`e svyashhenniki Rossijskogo imperatorskogo flota v issledovaniyax S.N. Kopy`lova: chereda oshibok ili namerennaya fal`sifikaciya?* [Ship

Chaplains of the Russian Imperial Navy in the Research of S.N. Kopylov: A Series of Errors or Deliberate Falsification?] In *Vestnik Ekaterinburgskoj duxovnoj seminarii*, 4 (32), 324–340.

10. Shigin V.V. (2019). *Zhizn' na palube i na beregu: (povsednevnyaya zhizn' moryakov russkogo parusnogo flota)* [Life on Deck and on Shore: (Everyday Life of Sailors of the Russian Sailing Fleet)]. Moscow, Morkniga. (in Russian).

11. Shkot, P. Ya. (1886). *Iz vospominanij russkogo moryaka* [From the Memoirs of a Russian Sailor]. Kronstadt: Without a publisher (in Russian).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ /
INTELLECTUAL CULTURE OF THE HISTORICAL ERA

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-83-93>
УДК 902 / 904 (567)

МУЗЕИ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

*Р. Шмаилави,**

М. Джамил

*Воронежский государственный университет
Университетская пл. 1, Воронеж, 394000*

Аннотация.

Введение. Статья посвящена роли музеев в защите памятников археологического наследия в современном Ираке. Автор в представленной статье изучает и анализирует основные современные проблемы, с которыми сталкиваются музеи в сфере сохранения и защиты археологического наследия и памятников на территории Ираке. **Материалы и методы.** Анализируя проблемы и сложности, с которыми музеи современного Ирака сталкиваются в рамках защиты и сохранения археологического наследия, автор анализирует видение и восприятие этой проблемы в современном иракском обществе, которое формируется общественными активистами и иракскими средствами массовой информации, так как именно они играют основную роль в обсуждении этой проблемы и привлечения к ней внимания общества. **Результаты.** Предполагается, что Ирак не смог создать эффективную системы изучения, систематизации и учета памятников археологии, расположенные на его территории, что стало следствием политической и государственной нестабильности в начале 21 века, когда территория страны стала зоной ведения военных действий. Предполагается, что негативная внутренняя и внешняя политическая динамика в первой четверти 21 века привела к разрушению музейной системы организации археологических исследований и защиты памятников, которая существовала ранее. Автор показывает, что историческая и политическая динамика, американская оккупация, военный конфликт с радикальными группами стали негативными факторами, которые привели одновременно к разрушению значительного числа памятников и музеев, ранее ответственных за их хранение. Общая неспособность властей Ирака организовать систему охраны археологического наследия негативно влияет на музеи. **Заключение.** Предполагается, что защита археологических памятников не является приоритетной задачей для современных элит Ирака, что существенно ограничивает возможности музеев. Общие тенденции в развитии политики, направленной на сохранение археологического наследия, определяются как негативные.

Ключевые слова: Ирак, археология, археологические памятники, музеи, государственная политика, защита археологического наследия

Для цитирования: Шмаилави Р., Джамил М. (2026) Музеи как фактор сохранения археологического наследия в современном Ираке // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 83-93. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-83-93>

* Ответственный автор

Статья поступила: 11.01.2026

Статья принята в печать: 13.12.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Шмаилави Р., Мухамед Ш., 2026

MUSEUMS AS FACTOR OF PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN MODERN IRAQ

*M. Jamil **

R. Shmailawi

Voronezh State University

University Square 1, Voronezh, 394000

Abstract.

Introduction. This article examines the role of museums in protecting archaeological heritage sites in contemporary Iraq. This article explores and analyzes the key contemporary challenges facing museums in preserving and protecting archaeological heritage and sites in Iraq. **Materials and Methods.** Analyzing the challenges and complexities, museums in modern Iraq in protecting and preserving archaeological heritage face with, the author examines the perception of this issue in contemporary Iraqi society among public activists and the Iraqi media, as they play a key role in raising awareness and raising public awareness. **Results.** Iraq's failure to create an effective system for studying, systematizing, and recording archaeological sites within its borders is believed to be a consequence of political and governmental instability in the early 21st century, when the country became a war zone. It is also hypothesized that negative internal and external political dynamics in the first quarter of the 21st century led to the collapse of the previously existing museum system for organizing archaeological research and protecting sites. The author demonstrates that historical and political dynamics, the American occupation, and the military conflict with Islamists have become negative factors that have simultaneously led to the destruction of a significant number of monuments and the museums previously responsible for their preservation. The overall inability of the Iraqi authorities to organize a system for the protection of archaeological heritage has a negative impact on museums. **Conclusion:** It is suggested that the protection of archaeological sites is not a priority for Iraq's contemporary elites, significantly limiting the capacity of museums. General trends in the development of policies aimed at preserving archaeological heritage are defined as negative.

Keywords: Iraq, archaeology, archaeological sites, museums, public policy, archaeological heritage protection

For citation: Shmailawi R., Jamil M. (2026) Museums as factor of protection of archaeological heritage sites in modern Iraq In *History: facts and symbols*, 1 (46), 83-93. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-83-93

* Corresponding author

Received: 11.01.2026

Revised: 13.12.2026

Published: 17.03.2026

© Shmailawi S., Jamil M., 2026

1. Введение

Одной из важных проблем для общества современного Ирака является сохранение наследия, которое на территории страны представлено многочисленными археологическими памятниками. Ситуация с защитой наследия усугубляется и тем, что многие памятники пострадали в

условиях военно-политических конфликтов. Правящие элиты современного Ирака пытаются проводить политику, направленную на защиту и сохранение археологического наследия. Несмотря на наличие усилий со стороны властей, результаты таких действий следует интерпретировать как не совсем удачные. Ирак сталкивается со значительными трудностями в проведении подобной политики, включая дефицит средств и нехватку квалифицированных кадров.

Поэтому изучение проблем защиты археологического наследия Ирака обретают особую актуальность. В центре авторского внимания в представленной статье – основные проблемы сохранения археологического наследия в современном Ираке в контекстах развития соответствующей музейной инфраструктуры. Целью автора является изучение политики иракских властей, направленной на сохранение памятников археологического наследия в рамках политики, направленной на восстановление музеев, которые в значительной степени пострадали в предшествующие годы. Задачами автора является изучение основных противоречий и проблем, связанных с ролью музеев, в сохранении археологического наследия в Ираке, выявление и анализ основных направлений деятельности музеев по защите и изучению археологических памятников, изучение возможных перспектив дальнейшего участия музейной инфраструктуры в сохранении археологического наследия в Ираке.

Вопросы сохранения археологического наследия получили определенное изучение в современной историографии. Анализируя актуальные работы последних лет, посвященные этой теме, следует принимать во внимание, что в изучении анализируемой автором проблемы сложилось несколько тенденций [2]. С одной стороны, существует консенсус относительно необходимости сохранения археологического наследия в Ираке как части исторического наследия цивилизации в целом [8], что признается практически всеми исследователями [4]. С другой, подчеркивается, что Ирак относится к числу регионов, на территории которых археологические памятники пострадали в результате военных конфликтов [11]. Именно поэтому исследователями признается наличие, к сожалению, негативной внутренней динамики, связанной с проблемами Ирака как государства [3]. В научной литературе показано, что местные власти не в состоянии выработать эффективную модель политики в области сохранения памятников археологии на территории страны [12], что самым существенным образом отражается на состоянии музеев [1]. Таким образом, в научной литературе актуализируются особенности Ирака как зоны военного конфликта, что привело к самым негативным последствиям для памятников археологии, отразившись и на музеях, которые понесли наибольшие потери, так как их фонды подверглись разграблению.

2. Результаты

Археология в современном Ираке имеет огромное значение, как для самого Ирака, так и для всего мирового культурного наследия. Ирак является местом происхождения первых высокоразвитых цивилизаций - Шумер и Аккад, именно здесь возникли первые государства, первые формы градостроительства и письменности. Более того, Ирак является местом расположения таких исторических памятников, как Вавилонская башня, зиккураты Урука и Эшнуны, храм Иштар в Ниневии и другие культурные объекты.

Война, насилие и усилия по восстановлению, последовавшие за вторжением в Ирак под руководством США, оказали влияние на физическое и моральное культурное наследие Ирака. После того, как правительство рухнуло, грабежи распространились как никогда раньше. Одним из самых известных таких инцидентов стало разграбление Иракского национального музея (который был основан в марте 1923 года), и состоял на раннем этапе своей истории из одной комнаты в правительственном здании, где хранились предметы старины. В течение 36 часов в апреле 2003 года из музея было украдено 15 000 экспонатов¹.

¹ 20 лет культурного наследия». Расширенный диалог о прошлом и настоящем Ирака. URL.: <https://jummar.media/3399> (на арабском языке)

Современная археологическая наука в Ираке занимается изучением истории этих достопримечательностей, а также их влиянием на формирование современной культуры Ирака. Археологические раскопки в стране проводятся регулярно и включают в себя множество объектов, начиная от неолитических поселений и заканчивая городами периода Исламского Золотого века.

Однако, несмотря на это, в последние годы археологические исследования в Ираке столкнулись со сложностями, связанными с войной, которая началась в 2003 году. Многие объекты культурного наследия пострадали в результате боевых действий, и восстановление их поврежденных стен и строений продолжается до сих пор. Поэтому особое место в защите археологического наследия Ирака принадлежит музеям.

В Ираке находились прекрасные археологические музеи, которые помогали сохранять богатое культурное наследие страны. Например, Национальный музей Ирака являлся крупнейшим музеем страны, он был основан в 1926 году, и хранил в составе своих фондов себе более 40000 предметов, связанных с историей, культурой и религией Месопотамии. В этом музее можно было увидеть жемчужины месопотамской архитектуры – звезду Иштар, льва из Вавилона, скульптуры, статуи и монеты.

Прямым ударом стало разграбление Национального музея в Багдаде. Это произошло перед падением Багдада от рук американских солдат и продолжалось несколько дней после этого. Разграбление музея стало фактически катастрофой для археологического и культурного наследия Ирака. С американским вторжением разграбление археологических памятников на юге Ирака значительно увеличилось в таких областях, как Ума — район, восходящий к шумерской цивилизации¹, где государственная власть фактически прекратила свое существование.

Перед правящими политическими элитами Ирака на современном этапе стоит важная задача переосмысления и сохранения культурной самобытности страны, проявлением которой является богатое археологическое наследие [6]. Поэтому современные власти Ирака стремятся активно сотрудничать с международными организациями включая Организацию Объединённых Наций и ЮНЕСКО [9]. В этой ситуации примечательно и то, что западные страны формально признают часть своей ответственности за восстановление Ирака, так как значительное число объектов исторического наследия пострадало от ведения военных действий [10], но их реальное участие в восстановлении и сохранении памятников археологии, включая региональные и национальные музеи, является незначительным.

Музеи в значительной степени пострадали от действий радикальных группировок². С 2015 года по настоящее время было уничтожено несколько археологических памятников и скульптур, множество различных культурных ценностей с исторической, археологической и архитектурной точек зрения, а также с художественной и эстетической точек зрения. Множество разрушено полностью или частично - от минарета Аль-Хадба (который был построен Нур ад-Дином Занги, когда он основал свою мечеть в шестом веке хиджры) и мечети Ан-Нури, или Великой мечети Аль-Нури (которая является одной из исторических мечетей Ирака и расположена на правом западном побережье города Мосул) до города Нимруд – древнего ассирийского города, расположенного к юго-востоку от Мосула. От войны действий пострадал и Музей Мосула, который является вторым по значимости музей после Национального музея в Багдаде [15].

Период с 2003 по 2008 год был худшим в истории Ирака с точки зрения незаконных раскопок. Многие археологические памятники практически уничтожены из-за масштабного разграбления. Маршруты контрабанды, которые проходят через такие районы, как Багдад и Ирак-

¹ 20 лет культурного наследия»... Расширенный диалог о прошлом и настоящем Ирака. URL.: <https://jummar.media/3399> (на арабском языке)

² Археологическая память Ирака ... между разрушением и грабежом // Iindibandint Earabiat. 2019. 29 января. URL.: <https://www.independentarabia.com/node/5481/> (на арабском языке)

ский Курдистан, а награбленные предметы попадают в Турцию, Иран и страны Персидского залива, становятся все более развитыми. Большая часть предметов, похищенных с этих мест, так и не была найдена. Однако некоторые известные пропавшие экспонаты из Национального музея Ирака и незаконно раскопанных участков в конечном итоге вернулись в Ирак¹, что, впрочем, не привело к полному восстановлению музейных коллекций и собраний. В этом контексте основными препятствиями для эффективного сохранения памятников археологии являются различные факторы, включая проблемы с финансированием и сложившуюся в Ираке бюрократическую структуру [13].

На современном этапе Ирак продолжает свое движение в целях реставрации археологических музеев и по возвращению археологических памятников и древностей, которые были разграблены и вывезены контрабандой в годы после оккупации США в 2003 году. Это привело к исчезновению большого количества важных артефактов из древней истории Ирака, которые исчезли как из музеев, так и были вывезены в результате разграбления археологических объектов. Согласно правительственным источникам Ирака, обнаружение и поиск иракских древностей является одним из самых важных для Министерства культуры и туризма. Кроме этого президент Республики Бархам Салих неоднократно встречался и проводил консультации с Генеральным директором Организации Объединенных Наций по вопросам образования, культуры и образования «ЮНЕСКО» Одри Азуле после включения Вавилона в Список всемирного наследия. В рамках консультаций между ООН и Ираком была признана необходимость работать над восстановлением похищенных иракских древностей. Кроме этого стороны признали необходимость защиты и контроля над доступом к археологическим памятникам. В рамках достигнутых договоренностей Ирак также смог получить 15 артефактов из Соединенных Штатов, после чего подписал меморандум о взаимопонимании с правительством Турции, чтобы вернуть 80 артефактов, которые были незаконно вывезены из страны и найдены турецкими властями в 2008 г.²

В 2008 году правительство создало в каждой провинции новое управление при Министерстве внутренних дел под названием «Управление полиции по охране древностей и наследия» и начало нанимать иракских экспертов по древностям в качестве «офицеров». В то же время доступ к Интернету стал более свободным, и члены местного сообщества стали более активно знакомиться с культурной историей Ирака через сайты социальных сетей, которые внесли свой вклад в усилия по ее защите. Религиозные авторитеты в Наджафе и Кербеле стали участвовать в защите и сохранении археологического наследия Ирака и повышении осведомленности о важности его сбережения и недопустимости разграбления. Такие лидеры, как великий аятолла Али ас-Систани, издали фетвы, запрещающие контрабанду древностей³.

Для современного Ирака характерно наличие множественных проблем, связанных с защитой и сохранением археологического наследия [11]. По мнению иракских экспертов, археологические памятники современного Ирака, представленные, в том числе, и в музеях, нуждаются не только в изучении, но более важной задачей является их консервация [5], так как значительная часть памятников пострадала во время гражданского конфликта, была разрушена или повреждена [14]. Кроме этого, в настоящее время в условиях отсутствия финансирования, в силу сложившихся климатических и погодных условий, памятники разрушаются по естественным причинам уже без участия человека.

Кроме этого, археологические музеи пострадали в период ведения военных действий на территории страны [17]. Древности Ирака в руках радикальных групп превратились в проклятие

¹ 20 лет культурного наследия... Расширенный диалог о прошлом и настоящем Ирака. URL.: <https://jummar.media/3399> (на арабском языке)

² Заид Салем, Разграбленные древности Ирака. Возвращение того, что было контрабандой // Аль-Араби. 2019. 29 сентября. URL.: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/ (на арабском языке)

³ 20 лет культурного наследия... Расширенный диалог о прошлом и настоящем Ирака. URL.: <https://jummar.media/3399> (на арабском языке)

для него, так как власти превратили нелегальную торговлю ими во вторую финансовую артерию после нефти во время его контроля над третью страны с 2014 по 2017 год, а многие банды воспользовались небезопасной обстановкой в Месопотамии с 2003 года и контрабандой вывозили тысячи артефактов¹. Перед тем как быть изгнанным из Ирака в 2017 году, радикалы захватили тысячи артефактов и использовало грабежи для финансирования своих операций через сеть контрабандистов, которая распространилась по Ближнему Востоку и за его пределами. По инициативе Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), международная группа археологов приступила к поиску того, что может быть возвращено на территорию Ирака. Бруно Деслендс, инженер по охране природы ЮНЕСКО, полагает, что «мы пытаемся восстановить множество артефактов, и нам нужны все местные и международные ресурсы для работы. Ирак не может сделать это в одиночку»².

Несмотря на то, что статья 38 Закона об иракских древностях № 55 от 2002 года предусматривает 10-летний тюремный срок и компенсацию в два раза превышающую предполагаемую стоимость древностей для всех, кто имеет древности и не передает их государству в течение 30 дней, а статья 39 оговаривает наказание за хранение рукописей и монет, статья 40 предусматривает тюремное заключение сроком от 5 до 15 лет для любого, кто украл древности или предметы наследие, а также другие карательные меры³.

Находясь у власти радикалы использовали бульдозеры и экскаваторы для уничтожения фресок и статуй в ассирийском городе Нимруд недалеко от Мосула, контрабандой провозила и продавала то, что не могла уничтожить. В 2017 г. западные археологи в Ираке попытались оценить степень ущерба на месте, используя 3D-сканирование и спутниковую съемку, собрав данные, которые, по их словам, будут это очень важно для отслеживания пропавших артефактов. В связи с этим официальный представитель Всемирной Таможенной Организации Мария Болнер заявила, что сообщения таможенников со всего мира об изъятиях, связанных с объектами всемирного наследия, «являются лишь верхушкой айсберга», и что лучшая координация между 183 государствами-членами организации помогла увеличить объем изъятий. Всемирная таможенная организация заявила, что в 2017 году таможенники вернули более 14000 разграбленных предметов по всему миру, в том числе древние предметы, картины и статуи из Ирака⁴.

Несмотря на эти мероприятия, вывоз археологических памятников продолжается, что стало настоящей проблемой для Ирака, особенно – в сфере организации археологических музеев. Как правило, незаконно вывозятся предметы вавилонской и шумерской эпох из мест в Самарре, Вавилоне, Кербеле и Ди-Кар. Разграбление памятников в этих регионах не закончилось с завершением оккупации, так как ранее власти успели уничтожить ряд статуй и архитектурных объектов, датируемых 3 – 2 тысячелетиями до нашей эры. От таких действий пострадала Ниневия, ряд памятников из которой был продан другие в соседние страны, в том числе в государства региона Персидского залива, в Иорданию, Турцию, а затем в Европу, вплоть до Соединенных Штатов Америки, где они оказались в частных коллекциях. Эти предметы появляются только на секретных аукционах, которые нынешнее правительство Ирака стремится отслеживать и выкупать то, что может быть найдено⁵.

Музеи Ирака страдают от незаконного вывоза памятников за пределы страны, потери от которой еще предстоит в полном объеме оценить [9]. Местная и иностранная мафия контрабандой вывозит иракские древности и продает их в нескольких странах, чтобы получить

¹ Al Jazeera. 2020. 24 декабря. URL.: <https://www.aljazeera.net/news/2020/11/24/> (на арабском языке)

² Археологическая память Ирака ... между разрушением и грабежом // Iindibandint Earabiat. 2019. 29 января. URL.: <https://www.independentarabia.com/node/5481/> (на арабском языке)

³ Al Jazeera. 2020. 24 декабря. URL.: <https://www.aljazeera.net/news/2020/11/24/> (на арабском языке)

⁴ Археологическая память Ирака ... между разрушением и грабежом // Iindibandint Earabiat. 2019. 29 января. URL.: <https://www.independentarabia.com/node/5481/> (на арабском языке)

⁵ Заид Салем, Разграбленные древности Ирака. Возвращение того, что было контрабандой // Al-Araby. 2019. 29 сентября. URL.: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/ (на арабском языке)

огромную прибыль в миллиарды долларов. По словам советника спикера иракского парламента Охун аль-Фадли, которая считает американские силы ответственными за грабежи, повлиявшие на состояние хранения древностей Ирака в последние годы, подчеркивает и то, что американские солдаты молча стояли в своих танках Национальным музеем, когда он был разграблен в 2003 году, будучи не в состоянии предотвратить погром¹. Понимая необходимость восстановления музейной сети, эти обязанности возложены властями на министерства и на местные органы управления, которые страдают от дефицита денежных средств [12]. Мероприятия, формально направленные на защиту археологического наследия, в середине 20-х годов XXI века фактически приостановлены. Поэтому основную роль в защите археологического наследия берут на себя волонтеры и международные культурные фонды, которые не могут восполнить дефицит средств. Ситуация усугубляется тем, что те формы и методы, которыми пользуются волонтеры и международные организации [7], не всегда совпадают с видением властей Ирака, которые определяют политику в отношении археологического наследия.

Ирак ведет активную работу по восстановлению музеев в рамках политики направленной на защиту археологического наследия в целом [16]. Ряд официальных лиц в Багдаде полагают, что «Ираку за последние пять месяцев удалось вернуть более 190 предметов старины, большинство из которых относятся к вавилонской эпохе, и более половины из них попали в арабские страны путем контрабанды и незаконной продажи арабским торговцам, включая иракцев... Ирак движется в настоящее время, чтобы официально приблизиться к ОАЭ по защите археологического наследия, чтобы вернуть многие артефакты, которые граждане Эмиратов купили незаконно, поскольку они хранят их в качестве украшений в своих домах, зная, что правительство ОАЭ не препятствует этому, при этом он не конфискует их, страну, с которой у Ирака хорошие отношения, и мы надеемся достичь соглашения с другими странами Персидского залива»².

Согласно исследованиям Министерства культуры, в Ираке находится более 50 000 археологических памятников, разбросанных по всей стране, где постоянно происходят грабежи посредством краж и случайной эксгумации останков без проведения археологических исследований, ответственность за что несут банды контрабандистов и торговцев древностями, а также публичные и тайные аукционы в ряде соседних и зарубежных стран. По мнению иракского эксперта Аль-Шаммари, Соединенные Штаты Америки являются мировым лидером в отношении контрабандно ввезенных и украденных иракских древностей, поскольку более 5300 артефактов находятся в единственной компании Hobby Lobby, специализирующейся на древностях, часть из которых была возвращена Ираку, который выиграл судебный процесс против указанной компании, представители которой затягивают процесс передачи памятников Багдаду³. Поэтому музеи Ирака вынуждены демонстрировать специально изготовленные современные копии⁴.

Комментируя проблемы защиты археологического наследия и возвращения артефактов, министр культуры, туризма и древностей Ирака Абдул Амир аль-Хамдани заявил, что «Ирак является свидетелем сотрудничества со странами мира в области возвращения контрабандных товаров, древностей, и много артефактов в рамках такой политики были действительно возвращены... но, с другой стороны, полиция в ряде стран Европы не может изъять предметы, вывезенные с территории Ирака»⁵.

¹ Al Jazeera. 2020. 24 ноября. URL.: <https://www.aljazeera.net/news/2020/11/24/> (на арабском языке)

² Заид Салем, Разграбленные древности Ирака. Возвращение того, что было контрабандой // Al-Araby. 2019. 29 сентября. URL.: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/ (на арабском языке)

³ Al Jazeera. 2020. 24 ноября. URL.: <https://www.aljazeera.net/news/2020/11/24/> (на арабском языке)

⁴ Молодой иракский скульптор воспроизводит скульптуры и статуи... // Al Jazeera. 2020. 28 августа. URL.: <https://www.aljazeera.net/news/2020/08/28/> (на арабском языке)

⁵ Заид Салем, Кража древностей Ирака с 1991 года // Al-Araby. 2019. 15 марта. URL.: https://www.alaraby.co.uk/entertainment_media/ (на арабском языке)

3. Выводы

Таким образом, музеи Ирака в сохранении археологического наследия в состоянии играть очень ограниченную роль, но они финансово ограничены в использовании своих ресурсов, завися от внешней помощи. В целом действия, направленные на защиту археологического наследия в современном Ираке, не столь эффективны, что связано с многочисленными проблемами, включая недостаток финансирования и значительную бюрократизацию управления объектами культурного и исторического наследия, включая музеи. Не может улучшить ситуацию радикальным образом ситуация, которая сложилась с музеями, и деятельность зарубежных фондов и экспедиций, которые также ограничены и стеснены в средствах, пребывая под административным контролем властей страны. Поэтому в ближайшие годы политика Ирака в отношении памятников археологического наследия, включая специализированные музеи на национальном и региональном уровнях, будет продолжать развиваться. Кроме этого, не представляется возможным исключать и то, что эффект от действий, направленных на восстановление музеев, будет ограниченным, так как Ирак не в состоянии решить внутренние проблемы, что продолжит оказывать негативное воздействие на сохранение памятников археологии.

Список источников и литературы

1. Бибикова, О. П., Жилина, И. Ю. (2022). *Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности* // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 222–239. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12
2. Изнаулов, А. С. (2017). *Проблематика сохранения культурного наследия в условиях конфликтов* // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4 (209). С. 92–99.
3. Кармов, Т. М., Буторин, Д. А. (2019). *Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011–2017 гг.* // Журнал Института Наследия. 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-organizatsii-v-sfere-sohraneniya-vsemirnogo-kulturnogo-naslediya-v-usloviyah-vooruzhennogo-konflikta-v-siriyskoy> (дата обращения: 07.02.2026).
4. Кольцова, Н. В. (2019). *Проблема сохранения культурного наследия в условиях современных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке* // Военный академический журнал. № 2 (22). С. 112–120.
5. Al-Hussainy, A., Matthews, R. (2008). *The Archaeological Heritage of Iraq in Historical Perspective* // Public Archaeology. Vol. 7. No 2. P. 91 – 100. DOI: <https://doi.org/10.1179/175355308X329973>
6. Bahrani, Z. (2003). *Iraq's Cultural Heritage: Monuments, History, and Loss* // Art Journal. 2003. Vol. 62. No 4. P. 10 – 17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00043249.2003.10792179>
7. Cigna, F., Rayne, L., Makovics, J.L., Irvine, H. K. (2025). *Environmental Challenges and Vanishing Archaeological Landscapes: Remotely Sensed Insights into the Climate–Water–Agriculture–Heritage Nexus in Southern Iraq* // Land. Vol. 14. No 5. P. 10 - 13. DOI: 10.3390/land14051013
8. Isakhan, B. (2015). *Creating the Iraq cultural property destruction database: calculating a heritage destruction index* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 21. No 1. P. 1 – 21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.868818>
9. Isakhan, B., Meskell, L. (2019). *UNESCO's project to 'Revive the Spirit of Mosul': Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 25. No 11. P. 1189–1204. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1578988>

10. Kersel, M. M. (2010). *Antiquities under siege: cultural heritage protection after the Iraq War* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 16. No 3. P. 242 – 244. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527251003620826>
11. Matthews, R., Rasheed, Q. H., Palmero Fernández, M., Fobbe, S., Nováček, K., Mohammed-Amin R., Richardson A. (2020). *Heritage and cultural healing: Iraq in a post-Daesh era* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 26. No 2. P. 120 – 141. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1608585>
12. Qian, X., Ziqing, X. (2022). *The Cultural Heritage Protection in Iraq: History, Development, and Challenges* // Cultural and Religious Studies. Vol. 10, No. 7. P. 372 – 378. DOI: 10.17265/2328-2177/2022.07.004
13. Zaina, F. A (2019). *Risk Assessment for Cultural Heritage in Southern Iraq: Framing Drivers, Threats and Actions Affecting Archaeological Sites* // Conservation and Management of Archaeological Sites. Vol. 21. No 3. P. 184 – 206. DOI: <https://doi.org/10.1080/13505033.2019.1662653>
14. Zaina, F., Proserpio, L., Scazzosi, G. (2021). *Local voices on heritage: Understanding community perceptions towards archaeological sites in South Iraq* // Journal of Community Archaeology & Heritage. Vol. 8. No 4. P. 1 – 17. DOI: 10.1080/20518196.2021.1958615
15. Pollock, S. (2003). *The looting of the Iraq Museum: Thoughts on archaeology in a time of crisis* // Public Archaeology. Vol. 3. No 2. P. 117 – 124. DOI: <https://doi.org/10.1179/146551803793156655>
16. Russo, A., Giusti, S. (2019). *The securitisation of cultural heritage* // International Journal of Cultural Policy. Vol. 25. No 7. P. 843 – 857. DOI: <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1518979>
17. Warren, J. (2005). *War and the Cultural Heritage of Iraq: a sadly mismanaged affair* // Third World Quarterly. Vol. 26. No 4 – 5. P. 815 – 830. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500128048>

References

1. Bibikova, O. P., Zhilina, I. Yu. (2022). *Razoreniye kul'turnogo naslediya Iraka i Sirii kak sredstvo lisheniya narodov natsional'noy identichnosti* [Destruction of the Cultural Heritage of Iraq and Syria as a Means of Depriving Peoples of National Identity] in *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, parvo*, 15 (2), 222–239. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12 (in Russian).
2. Iznaurov, A. S. (2017). *Problematika sokhraneniya kul'turnogo naslediya v usloviyakh konfliktov* [Problems of Preserving Cultural Heritage in Conflict Contexts] in *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 4 (209), 92–99. (in Russian).
3. Karmov, T. M., Butorin, D. A. (2019). *Mezhdunarodnyye organizatsii v sfere sokhraneniya Vsemirnogo kul'turnogo naslediya v usloviyakh vooruzhennogo konflikta v Siriyskoy Arabskoy Respublike v 2011-2017 gg.* [International Organizations in the Sphere of Preservation of World Cultural Heritage in the Context of the Armed Conflict in the Syrian Arab Republic in 2011–2017] in *Journal of the Institute of Heritage*, 1(16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyye-organizatsii-v-sfere-sohraneniya-vsemirnogo-kulturnogo-naslediya-v-usloviyah-vooruzhennogo-konflikta-v-siriyskoy> (дата обращения: 07.02.2026) (in Russian).
4. Kol'tsova N.V. (2019). *Problema sokhraneniya kul'turnogo naslediya v usloviyakh sovremennykh vooruzhennykh konfliktov na Blizhnem Vostoke* [The problem of preserving cultural heritage in the context of modern armed conflicts in the Middle East]. *Voyennyi akademicheskii zhurnal [Military Academic Journal]*. 2 (22). 112–120. (in Russian).
5. Al-Hussainy, A., Matthews, R. (2008). *The Archaeological Heritage of Iraq in Historical Perspective*. In *Public Archaeology*, 7(2), 91 – 100. DOI: <https://doi.org/10.1179/175355308X329973>
6. Bahrani, Z. (2003). *Iraq's Cultural Heritage: Monuments, History, and Loss*. In *Art Journal*. 62(4), 10 – 17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00043249.2003.10792179>

7. Cigna, F., Rayne, L., Makovics, J.L., Irvine, H.K. (2025). *Environmental Challenges and Vanishing Archaeological Landscapes: Remotely Sensed Insights into the Climate–Water–Agriculture–Heritage Nexus in Southern Iraq*. In *Land*, 14(5), 10 - 13. DOI: 10.3390/land14051013
8. Isakhan, B. (2015). *Creating the Iraq cultural property destruction database: calculating a heritage destruction index*. In *International Journal of Heritage Studies*, 21(1). 1 – 21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.868818>
9. Isakhan, B., Meskell, L. (2019). *UNESCO’s project to ‘Revive the Spirit of Mosul’: Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State*. In *International Journal of Heritage Studies*, 25(11), 1189–1204. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1578988>
10. Kersel, M. M. (2010). *Antiquities under siege: cultural heritage protection after the Iraq War*. *International Journal of Heritage Studies*. 16(3), 242 – 244. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527251003620826>
11. Matthews, R., Rasheed, Q.H., Palmero Fernández, M., Fobbe, S., Nováček, K., Mohammed-Amin, R., Richardson, A. (2020). *Heritage and cultural healing: Iraq in a post-Daesh era*. in *International Journal of Heritage Studies*, 26(2), 120 – 141. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1608585>
12. Qian, X., Ziqing, X. (2022). *The Cultural Heritage Protection in Iraq: History, Development, and Challenges*. In *Cultural and Religious Studies*. 10(7)372 – 378. DOI: 10.17265/2328-2177/2022.07.004
13. Zaina, F. (2019). *A Risk Assessment for Cultural Heritage in Southern Iraq: Framing Drivers, Threats and Actions Affecting Archaeological Sites*. In *Conservation and Management of Archaeological Sites*, 21(3), 184 – 206. DOI: <https://doi.org/10.1080/13505033.2019.1662653>
14. Zaina, F., Proserpio, L., Scazzosi, G. (2021). *Local voices on heritage: Understanding community perceptions towards archaeological sites in South Iraq*. In *Journal of Community Archaeology & Heritage*, 8(4), 1 – 17. DOI:10.1080/20518196.2021.1958615
15. Pollock, S. (2003). *The looting of the Iraq Museum: Thoughts on archaeology in a time of crisis*. In *Public Archaeology*, 3(2), 117 – 124. DOI: <https://doi.org/10.1179/146551803793156655>
16. Russo, A., Giusti, S. (2019). *The securitisation of cultural heritage*. In *International Journal of Cultural Policy*, 25(7), 843 – 857. DOI: <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1518979>
17. Warren, J. (2005). *War and the Cultural Heritage of Iraq: a sadly mismanaged affair*. in *Third World Quarterly*, 26(4 – 5), 815 – 830. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500128048>

Вклад авторов:

Р. Шмаилави – теоретическая основа статьи, выводы

М. Джамил – подбор материала, оформление текста, выводы

Author contributions:

R. Shmailavi – theoretical basis of the article, conclusions

Jamil M. – material selection, text design, conclusions

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО/
AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF THE PAST

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104>
УДК 930.85

НЕСЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЕЛЬЦА И СТАРОГО ОСКОЛА ПО ДАННЫМ
ПЕРЕПИСИ 1646 Г.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Булавина

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Ул. Коммунаров 28, Липецкая обл., Елец, 399770, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу неслужилых категорий населения Ельца и Старого Оскола по данным переписей 1646 г. Автор обращает внимание на важность изучения этой темы относительно изучения социальных процессов, происходящих на южной окраине Российского государства в первой половине XVII в. Отмечая общие недостатки и неполноту переписных книг, отмечается, что этот источник может быть основой для изучения общих тенденций в развитии региона, позволяет увидеть происходящие процессы и явления, которые он отчасти отражает. **Материалы и методы.** Работа строилась на систематизации и анализе полученных данных. Автор провел подсчеты населения по группам, выявил закономерности, совпадения и существенные отличия между двумя книгами. Сравнительный подход позволил получить основу для дальнейшего анализа и теоретических выводов. Для понимания исторических и социальных условий развития Ельца и Старого Оскола был применен контент-анализ. Это дало возможность не только обнаружить поверхностные сходства и различия, но и глубже понять суть происходивших перемен. **Результаты.** При общем сравнении данных становится очевидным, что к 1646 г. население Ельца существенно преобладало над населением Старого Оскола. Ключевую роль в этом сыграло географическое положение: Елец располагался на более отдаленном и выгодном расстоянии от опасных границ. В отличие от него, пограничный Старый Оскол чаще подвергался набегам со стороны татар. В более безопасном и лучше защищенном Ельце торгово-ремесленное население получило лучшие возможности для развития. Это, в свою очередь, стимулировало более быстрый рост его экономической мощи и, как следствие, численности жителей. Напротив, Старый Оскол был вынужден постоянно направлять ресурсы на оборону, что тормозило хозяйственное развитие и снижало привлекательность региона для переселенцев.

Заключение. Таким образом, демографическая разница между двумя городами ярко иллюстрирует влияние внешних угроз на формирование их внутреннего облика и экономического потенциала. Общими для всех городов были военная опасность и трудности экономического развития. Эти факторы, по нашему мнению, стали ключевыми в определении вектора развития южных рубежей России. Они оказывали существенное влияние на социальную структуру и экономическую активность как крупных центров, так и более мелких поселений региона.

Ключевые слова: переписные книги, хозяйственное освоение, Елец, Старый Оскол, подворные описания, социальная история, посадские люди

Для цитирования: Булавина А.А. (2026). Неслужилое население Ельца и Старого Оскола по данным переписи 1646 г.: сравнительный анализ // История: факты и символы. № 1 (46). С. 94-104. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104

Конфликт интересов: А.А. Булавина является аспирантом Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина – учредителя журнала. Это не повлияло на решение редакции опубликовать данную статью.

Статья поступила: 14.11.2025

Статья принята в печать: 14.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Булавина А., 2026

THE NON-SERVICE POPULATION OF YELTS AND STARY OSKOL ACCORDING TO THE 1646 CENSUS: A COMPARATIVE ANALYSIS

A.A. Bulavina

Bunin Yelets State University,
Kommunarov Street 28, Lipetsk Region, Yelets, 399770, Russia

Abstract

Introduction. This article analyzes the non-service population of Yelets and Stary Oskol based on the 1646 census. The author draws attention to the importance of studying this topic in relation to the study of social processes occurring on the southern outskirts of the Russian state in the first half of the 17th century. While noting the general shortcomings and incompleteness of the census books, the author argues that this source can serve as a basis for studying general trends in the region's development, allowing one to understand the ongoing processes and phenomena that it partially reflects. **Materials and Methods.** The study was based on the systematization and analysis of the obtained data. The author conducted population counts by group, identifying patterns, similarities, and significant differences between the two books. A comparative approach provided a basis for further analysis and theoretical conclusions. Content analysis was used to understand the historical and social conditions of the development of Yelets and Stary Oskol. This made it possible not only to identify superficial similarities and differences but also to gain a deeper understanding of the underlying changes. **Results.** A general comparison of the data reveals that by 1646, the population of Yelets significantly outnumbered that of Stary Oskol. Geographic location played a key role in this: Yelets was located at a more remote and advantageous distance from the dangerous borders. In contrast, the border town of Stary Oskol was more frequently subject to Tatar raids. In the safer and better-defended Yelets, the trading and artisan population enjoyed greater opportunities for development. This, in turn, stimulated the rapid growth of its economic power and, consequently, its population. In contrast, Stary Oskol was forced to constantly devote resources to defense, which hindered economic development and reduced the region's attractiveness to settlers. **Conclusion.** Thus, the demographic difference between the two cities vividly illustrates the influence of external threats on the formation of their internal character and economic potential. Common to all cities were the threat of war and difficulties in economic development. These factors, in our opinion, were key in determining the development vector of Russia's southern borders. They had a significant impact on the social structure and economic activity of both large centers and smaller settlements in the region.

Keywords: Census books, economic development, Yelets, Stary Oskol, household descriptions, social history, tradesmen

For citation: Bulavina, A.A. (2026). The Non-Service Population of Yelets and Stary Oskol According to the 1646 Census: A Comparative Analysis In *History: Facts and Symbols*, 1 (46), pp. 94-104. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-94-104

Conflict of interest: A.A. Bulavina is a graduate student at the Bunin Yelets State University, the journal's founder. This did not influence the editorial board's decision to publish this article.

Article received: 14.11.2025

Article accepted: 14.01.2026

Article published: 17.03.2026

© Bulavina, A., 2026

1. Введение

В конце XVI в. Россия начала строительство военных крепостей для расширения и защиты своих южных окраин. В 1584 г. была проведена реорганизация сторожевой службы, контролировавшей закрепленные за ней степные просторы Поля [6, с. 93-187]. Вскоре удалось собрать исчерпывающие сведения о численности, состоянии и дислокации сторожевых отрядов, а также об основных направлениях татарских набегов в регионе. Это позволило пересмотреть линии разъездов, и в 1593 году, учитывая военно-стратегическую обстановку. После этого началось строительство городов-крепостей: Воронеж (1586), Ливны (1586), Елец (1592), Оскол (сегодня – Старый Оскол) (1596), Курск (1596), Белгород (1596), Валуйки (1599) и Царев-Борисов (1599) [4, с. 11-12; 6, с. 80-90].

Старый Оскол стал одним из самых отдаленных форпостов Москвы на территории Поя, что во многом определило особенности его дальнейшего развития. Он был возведен на холмистой Скороднянской возвышенности, отличающейся чертой которой был крутой обрыв к правому берегу реки Оскол. Прочие реки Донской системы, протекающие на Оскольской земле, принадлежат большей частью к числу притоков Северного Донца [19, с. 120]. Присутствие сплошного леса и обширного водного пространства с Малым Осколом – большим северным притоком рекой Оскольцом, создавала благоприятные условия для жизни. Линия сторож в этом месте теперь оказалась выдвинута гораздо далее в степь. Две реки, протекающие в городе, и наличие лесных преград гарантировало естественную неприступность к крепости от набегов. Крепость вскоре стала местом стоянки «станичного головы» И.Н. Мясного. Со временем крепость стала важным пунктом для дипломатических контактов России и Крымского ханства, отсюда шла дорога из Волук на Ливны, в сторону Тулы [1, с. 128].

Елецкая крепость появилась на южном направлении в 1592 г. из соображений внешнеполитического характера, в целях обеспечения безопасности центральных районов от ударов татарских войск [3; 14]. По решению Боярской думы начало строительства относится к декабрю 1591 г. Новый город возник на месте татарского брода, там, где р. Елец (сегодня – Ельчик) впадала в р. Быстрая Сосна. Он сразу стал важным военным центром, довольно крупным для своего региона [13, с. 10-23].

К началу XVII века территория, ныне составляющая Центральное Черноземье, формально принадлежала Московскому государству. Однако на деле это были бескрайние, почти безлюдные степи, лишь изредка прерываемые немногочисленными русскими крепостями. Эти крепости, служившие опорными пунктами для патрулирования и несения сторожевой службы, требовали непрерывного снабжения продовольствием и значительных финансовых затрат. Местное население, оказавшееся на переднем рубеже постоянных степных войн, находилось в крайне уязвимом положении. Развитый местный рынок и устойчивое сельское хозяйство в этих землях еще только предстояло создать [7, с. 195]. Однако постепенно вокруг новых крепостей формировалась система сельских поселений, а затем образовались собственные уезды. Несмотря на безусловное преобладание военных категорий в этих городах-крепостях, здесь со временем появилось и неслужилое (торгово-ремесленное) население. Из-за военной опасности оно не могло быть значительным, но все-таки это был показатель экономического развития, связанного с появлением рынка и увеличением распахки ближайших земель.

Первые посадские слободы в крупнейших крепостях появились в 1613–1620 годах [3, с. 62]. Это стало важным этапом урбанизации, поскольку наличие торгово-ремесленного слоя считалось ключевым признаком города в XVII веке [25]. О «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь в том случае, если население удовлетворяет свои повседневные потребности за счет местных ресурсов или же тех, что привезены для продажи на рынке [12]. В экономическом смысле город – это поселение, чье население обеспечивает свои повседневные нужды за счет местных ресурсов или товаров, предназначенных для продажи на рынке. Однако в XVII веке понятие «город» было шире: под этим термином подразумевались крупные поселения со значительными военными укреплениями, выполнявшие роль административных и военных центров уездов.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашей статьи стали переписные книги 1646 г., составленные в ходе проведения первой всеобщей подворной переписи. Елецкая перепись была составлена князем Ф.П. Барятинским и подьячим Дмитрием Болотовым. Целью их работы был подсчет населения мужского пола, включая детей, и описание по дворам податного населения. Используемая рукопись хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, фонд 1209)¹. Она представляет собой чистовую копию, написанную черными чернилами, почерком, типичным для своего времени. Преамбула указывает на время указа о переписи – 25 февраля 1646 г. Интересующая нас информация о населении города содержится на листах 36 об. – 60, то есть занимает в общей сложности 24 листа. Старооскольская переписная книга была опубликована в 2017 г. А.П. Никуловым [22]. Ее объем составляет 102 листа. Публикация снабжена исследованием документа и его общей характеристикой. В данных документах содержится информация, описывающая население города, она находится в условной первой части каждой книги (после преамбулы и перечня помещиков уезда).

Основной методикой работы являлись систематизация и анализ полученных данных. Были проведены подсчеты населения по группам, выделены закономерности, совпадения двух книг и их заметные отличия. Сравнительный подход позволил получить данные, используемые для анализа и теоретических выводов. Далее, для понимания исторических условий и социальной истории Ельца и Старого Оскола, были применены методы контент-анализа. Это позволило не только выявить поверхностные сходства и различия, но и проникнуть в суть происходящих в середине XVII в. перемен, оценить влияние исторических и военных факторов на состав населения.

Следует отметить, что степень достоверности переписных книг 1646 г. относительна. С момента их изучения Я.Е. Водарским считается, что она составляет примерно 70% (правда ученый изучал переписные книги 1678 г.) [2]. В.Н. Глазьев, детально изучивший и издавший перепись по Воронежскому уезду, отметил, что по она составляет 70% [20, с. 23]. В свою очередь Д.А. Ляпин пришел к выводам, что по Елецкому уезду эта цифра может быть снижена до 65% [11; 15; 16]. Итак, мы не считаем, что полученные численные выводы полностью достоверны, но тем не менее, для нашего исследования прежде всего важно отметить общие тенденции, социальные явления, происходящие в городах-крепостях, отражающие их экономическое развитие на определенном историческом этапе (с момента строительства). Полученные цифры, основанные на анализе данных, фиксируют важные процессы и используются только в этом отношении. Они указывают на направление изменений, а не являются точным показателем состава и численности. Мы осознаем ограничения методологии и доступности источников, но именно эти ориентиры позволяют нам выстраивать гипотезы.

Прежде чем перейти к анализу переписных книг по Старому Осколу и Ельцу, скажем несколько слов об обобщающих трудах на эту тему, описывающих исторический контекст для нашей работы. В частности, следует обратить внимание на мнение В.О. Ключевского, который

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.

сравнил учитываемое тягло, взимавшееся с неслужилого населения, напрямую с прямыми налогами. В своём курсе лекций он подчеркнул, что последнее дополнялось государственными потребностями обязать граждан к общественным работам, что стало главным основанием в укладе жизни XVII в. податного населения [8, с. 352]. Важно, что историк определил тесную связь особенностей налогообложения с составом населения, попадавшего на страницы переписных книг. Следовательно, переписи не имели целью фиксацию всего состава подданных московского самодержца.

В исследовании А.С. Лаппо-Данилевского показано, как развитие системы налогообложения влияло на состав переписей и развитие социальных групп, связанных с ремеслами и торговлей [10, с. 42]. Государство в XVII в. пришло к постепенному осознанию важности этого слоя лиц не только в крупных городах и богатых регионах, но даже на окраинах, где они проявляли активность и, следовательно, облагались налогами.

Исследование П.П. Смирнова о посадских людях показывает их как неотъемлемую часть в развитии городского хозяйства. Согласно его мнению, посадские люди к середине XVII в., даже на южной окраине, смогли создать свои общины и вступить в борьбу с «белыми» слободами, за которыми стояли московские аристократы, прежде всего Романовы. П.П. Смирнов выдвинул идею о том, что посадские люди являлись естественными союзниками воцарившегося в 1645 г. Алексея Михайловича, поскольку в их интересах была борьба с «белыми слободами», затеянная главой правительства Б. И. Морозовым [23, с. 192]. Перепись 1646 г. должна была начать процесс вытеснения освобожденных от налогов «белых» слобод города, давая возможности для развития рядовым посадским («чёрным») людям.

Относительно Юга России неслужилое население было в центре внимания серии статей Д.А. Ляпина и Н.А. Жирова. В них отмечались особенности преобразования степной крепости в целостный город, с преобладающим торгово-ремесленным населением. Они собрали богатый фактический материал и привели много фактов о постепенной эволюции городов, которая происходила на протяжении XVII-XVIII вв. [16; 18]. Между прочим, было отмечено что середина XVII в. была важным временем перемен в жизни посадского населения южной окраины, когда правительство начало борьбу с льготами и «белыми» слободами. Можно привести еще более ранние замечания по этому же поводу Д.А. Ляпина, рассмотревшего народные волнения в городах Юга России в 1648-1650 гг. Отмечая особенности социальной обстановки он указывал на то, что реформы правительства Б.И. Морозова способствовали процессу преобразования крепостей в города, который был впоследствии прерван [17]. Посадские общины не получили в итоге необходимой поддержки.

3. Результаты

Итак, обратимся к сравнительному анализу переписных книг Старого Оскола и Ельца 1646 г., основанному на специально проведенных для этого подсчетах по обозначенной выше методике.

В Старом Осколе, согласно переписи, находились следующие категории, условно, относящие к неслужилым: священнослужители, посадские торговые люди, ремесленные люди детей боярских, «вольные люди», церковные бобыли. В процентном соотношении они представлены в диаграмме 1.

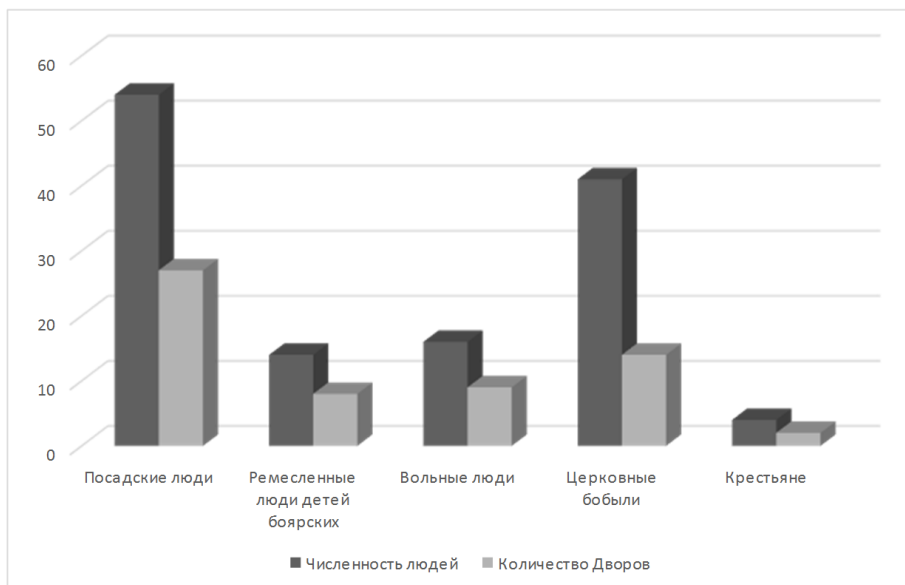

Диаграмма 1. Неслужилые категории населения Старого Оскола по данным переписной книги 1646 г.

Как видим, преобладающей категорией были посадские люди, в процентном отношении они занимали 40%, на втором месте следовали церковные бобыли – 30%, а третьей по численности группы были «вольные люди» – 12%. Оставшиеся 18% распределялись между менее многочисленными категориями, такими как ремесленники, торговцы и крестьяне, чья доля в общем составе населения была незначительной, но, тем не менее, играла свою роль в экономической и социальной структуре города. Упоминания о женщинах в источнике единичны, это всегда были вдовы или незамужние дочери. После смерти мужа женщина официально становилась во главе двора. Ее положение, однако, не всегда означало полную самостоятельность; зачастую она действовала под опекой ближайших родственников мужского пола, будь то братья покойного супруга или ее собственные сыновья, достигшие совершеннолетия. Русское общество в XVII в. было патриархальным, что хорошо известно [9, с. 113-158]. Женщины редко упоминались в переписных книгах, почти не подавали челобитные и лишь в исключительных случаях участвовали в гражданских делах. Их присутствие в документах чаще всего фиксировалось в статусе вдовы. Только в этом качестве женщина признавалась главой семьи и получала определенный набор прав. Государство видело в этом практическую выгоду: вдовы были обязаны уплачивать налоги.

Подсчеты показывают, что в среднем во дворе Старого Оскола проживало всего два мужчины. Предположив, что женщин было примерно столько же, получаем около четырех человек на двор – немного по меркам того времени. Однако следует учитывать неполноту переписей. Если реально они писывали только 65-70%, то численность состава двора могла достигать до 6 человек. Тем не менее, эти выводы носят скорее теоретический характер.

В переписной книге Ельца зафиксировано семь категорий неслужилого населения: посадские люди, монастырские, церковные бобыли, бобыли из стрелецких и казачьих земель, дворники-бобыли из осадных дворов и дворники из слободы боярина Н.И. Романова. Эти категории, как показывает анализ, отличаются от населения Оскола (см. Диаграмму 2).

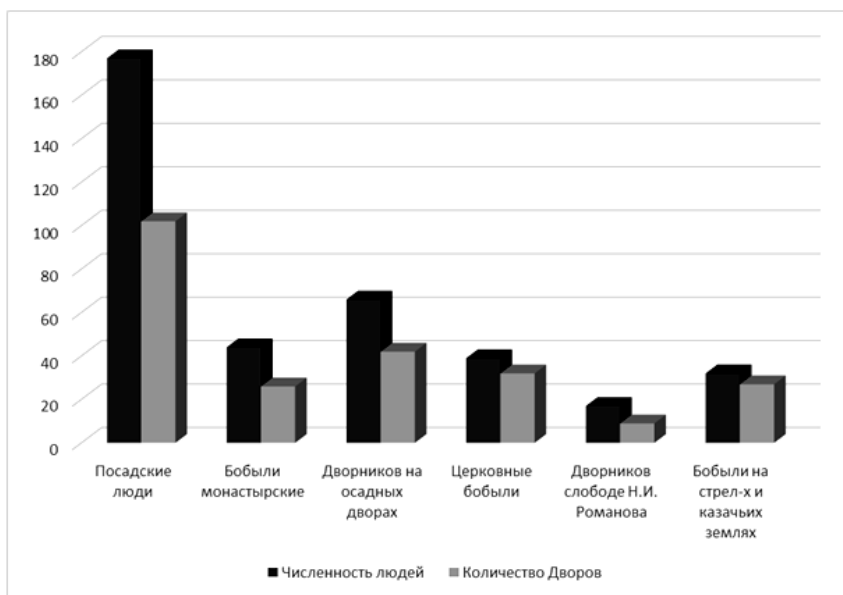

Диаграмма 2. Неслужилые категории населения Ельца по данным переписной книги 1646 г.

Преобладающей группой в городе были посадские люди «новооброчных» слобод, они составляли 47% от общего числа. Все остальные категории населения были примерно одинаковы по своей численности. Обращает на себя внимание наличие в Ельце дворов, принадлежавших боярину Никите Ивановичу Романову (двоюродному брата царя Алексея Михайловича). В его девяти дворах находились 17 человек, плотность здесь составила примерно 1,8 человек, т.е. еще меньше, чем в Старом Осколе, но реально эту цифру, конечно, можно увеличить в несколько раз. Сравнивая общую численность неслужилого населения в двух городах, отметим безусловное лидерство Ельца: здесь проживали 375 человек, а в Осколе – 129 человек. Посадские люди (рядовое торгово-ремесленное население) среди неслужилых категорий преобладали в обоих городах.

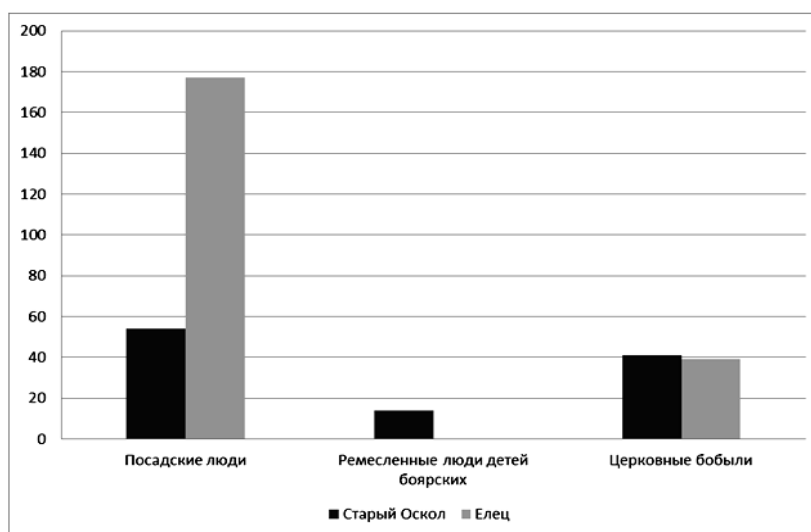

Диаграмма 3. Итоговое сравнение данных о неслужилом населении Ельца и Старого Оскола 1646 г.

Сделанные сравнения позволяют обратить внимание на особенности рассмотренных городов-крепостей. Очевидно, что ремесленные люди из детей боярских составляли отличительную черту Старого Оскола, находящегося на самом краю южных рубежей. Гипотетически можно предположить, что полноценное развитие местного рынка было затруднено из-за военной опасности, поэтому необходимых предметов быта и хозяйства не хватало, при том, что город был еще и заметным посольским центром, где нужно было обслуживать проходящие делегации. В таких условиях, вероятно, многие из обеспеченных детей боярских старались содержать собственных ремесленников, которые могли выполнять работу и для других за плату.

Еще одна особенность – наличие дворников (холопов) в Ельце и их отсутствие в Старом Осколе. По всей видимости, причина этого в том, что некоторые елецкие помещики были достаточно богаты, чтобы содержать в городе дворы и холопов. Дворы могли использоваться в случае осады или для хозяйственных нужд. Дворники в любом случае были показателем высокого статуса.

4. Заключение

При общем сравнении данных, отметим, что население Ельца к 1646 г. существенно преобладало над Старым Осколом. В силу географического местоположения Елец находился на отдаленном, более выгодном, расстоянии от опасных границ. Пограничный Оскол чаще подвергался набегам со стороны татар. В более безопасном и лучше защищенном городе торгово-ремесленное население имело большие возможности для развития. Это, в свою очередь, способствовало более быстрому росту его экономической мощи и, как следствие, численности жителей. Население Старого Оскола вынуждено было постоянно направлять ресурсы на оборону, что замедляло хозяйственное развитие и привлекательность региона для переселенцев. Таким образом, разница в демографических показателях двух городов наглядно демонстрирует влияние внешних угроз на формирование их внутреннего облика и экономического потенциала.

В заключении еще раз отметим, что приведенные нами данные основаны только на цифрах переписных книг 1646 г. В науке высказывалось мнение об относительности их сведений. Однако наше исследование связано с описанием общих тенденций, а также существовавших групп населения в их приблизительном соотношении. Очевидно, что Елец, основанный примерно в одно время с Осколом, добился больших успехов в своем развитии, поскольку наличие посадского населения является показателем успехов экономики в целом.

Тем не менее проблемы были общими для обоих городов. Они заключались в военной опасности и трудностях развития местной экономики. Именно эти факторы, на наш взгляд, определяли вектор развития южных рубежей России в целом, накладывая отпечаток на социальную структуру и экономическую активность как крупных центров, так и более мелких поселений этого региона. Дальнейшее изучение архивных материалов, в том числе переписей и документов по другим городам, касающихся хозяйственной деятельности, может бы пролить свет на динамику этих процессов и выявить местные особенности эволюции каждого из городов в условиях постоянной пограничной жизни.

Список источников и литературы

1. Виноградов, А. В. (2024). *Русско-крымские отношения (1598-1619)*. М.: Весь мир. 564 с.
2. Водарский, Я. Е. (1968). *К вопросу о достоверности переписных книг XVII в.* // История СССР. № 2. С. 133–143.
3. Глазьев, В. Н. (2001). *Власть и общество на юге России в XVII в.* Воронеж: ВГУ. 402 с.
4. Глазьев, В. Н. (2018). *Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – начале XVIII вв.* Воронеж: ВГУ. 342 с.

5. Загоровский, В. П. (1991) *История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства*. Воронеж: ВГУ. 503 с.
6. Загоровский, В. П. (1971). *О древнем Воронеже и слове «Воронеж»: Историко-географическое исследование*. Воронеж: ВГУ. 105 с.
7. Зенченко, М. Ю. (2008). *Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в.* М.: Памятники исторической мысли. 223 с.
8. Ключевский, В. О. (1989). *Сочинения*. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. Послесл. Р.А. Киреевой. Коммент. составили В. Г. Зимина, Р. А. Киреева. М.: Мысль. 476 с.
9. Коллманн, Н. Ш. (2001). *Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени* / пер. с англ. А. Б. Каменский; науч. ред. Б. Н. Флоря. М.: Древлехранилище. 459 с.
10. Лаппо-Данилевский, А. С. (1890). *Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований*. СПб.: Типография И.Н. Скороходова. 557 с.
11. Ляпин, Д. А. (2024). *Ландратские книги исторического региона Белгородской черты 1716–1719 гг.* // Вестник архивиста. № 1. С. 43–56.
12. Ляпин, Д. А. (2017). *Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII веков* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3 (45). С. 57-64.
13. Ляпин, Д. А. (2011). *История Елецкого уезда в XVI-XVII веках*. Тула: Гриф и Ко. 204 с.
14. Ляпин, Д. А. (2020). *На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII веке*. СПб.: Дмитрий Буланин. 412 с.
15. Ляпин, Д. А. (2025). *Подворные переписи как источник по истории хозяйственного освоения Черноземного региона России* // Научный вестник Крыма. № 3 (56). С. 23-29.
16. Ляпин, Д. А. (2022). *Социальный состав и динамика численности сельского населения региона Белгородской черты во второй половине XVII века* // Filo Ariadne. № 2. С. 136-150.
17. Ляпин, Д. А. (2016). *Тяглые и частновладельческие дворы в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей средней Оки и верхнего Дона)* // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. № 22 (243). С. 94-100.
18. Ляпин, Д. А., Жиров Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. № 3. С. 93-97.
19. Папков, А. И. *Основание Белгорода* (2002). // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей в 2 т. Т. 2. / под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле. С. 103—113.
20. *Переписная книга Воронежского уезда 1646 года* (1998) / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. Воронеж: ВГУ. 402 с.
21. *Переписная книга 1646 года [текст и комментарий]* (2017) / А. П. Никулов. М.: РОСА. 228 с.
22. Раздорский, А. И. (2015). *О времени существования современного Курска (к вопросу о хронологических разрывах в истории некоторых русских городов)* // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города: Сборник научных статей Всероссийской конференции. Курган: Курганский Дом печати. С. 190–201.
23. Смирнов, П. П. (1947). *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.* М.: Наука. Т. 2. 567 с.

24. Солодкин, Я. Г. (2002). *К ранней истории Оскола и Царева-Борисова* // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: сб. статей в 2 т. Т. 2. / под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле. С. 97–103.

25. Щавелев, А. С. (2018). «Город»: к деконструкции спорного историографического концепта // *Пространство и урбанизм. Образы, структуры и символы*. М.: ИВИ РАН. С. 44–47.

References

1. Vinogradov, A. V. (2024). *Russko-kry`mskie otnosheniya (1598-1619)* [Russian-Crimean relations (1598-1619)]. Moscow: Ves` mir. 564 p. (in Russian).

2. Vodarskij, Ya. E. (1968). *K voprosu o dostovernosti perepisny`x knig XVII v.* [On the Question of the Reliability of the Census Books of the 17th Century] In *Istoriya SSSR*, 2, 133–143. (in Russian).

3. Glaz`ev, V. N. (2001). *Vlast` i obshhestvo na yuge Rossii v XVII v.* [Power and Society in the South of Russia in the 17th Century] Voronezh: VGU. (in Russian).

4. Glaz`ev, V. N. (2018). *Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uezda v konce XVI – nachale XVIII vv.* [Essays on the History of the City of Voronezh and the Voronezh District in the Late 16th – Early 18th Centuries] Voronezh: VGU. (in Russian).

5. Zagorovskij, V. P. (1991) *Istoriya vxozhdeniya Central`nogo Chernozem`ya v sostav Rossijskogo gosudarstva.* [The History of the Inclusion of the Central Black Earth Region into the Russian State] Voronezh: VGU. (in Russian).

6. Zagorovskij, V. P. (1971). *O drevnem Voronezhe i slove «Voronezh»: Istoriko-geograficheskoe issledovanie.* [About Ancient Voronezh and the Word "Voronezh": A Historical and Geographical Study] Voronezh: VGU. (in Russian).

7. Zenchenko, M. Yu. (2008). *Yuzhnoe rossijskoe porubezh`e v konce XVI—nachale XVII v.* [The Southern Russian Borderland in the Late 16th – Early 17th Century] Moscow: Pamyatniki istoricheskoy my`sli. (in Russian).

8. Klyuchevskij, V. O. (1989). *Sochineniya. T. VI Special`ny`e kursy`* [Works. Vol. V. L. Special Courses] / Pod red., V.L. Yanina Poslesl. P.A Kireevoj Komment. sostavili V. G. Zimina, R. A. Kireeva. Moscow: My`sli. (in Russian).

9. Kollmann, N. Sh. (2001). *Soedinenny`e chest`yu. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii ranego novogo vremeni* [United by Honor. State and Society in Early Modern Russia] / per. s angl. A. B. Kamenskij ; nauch. red. B. N. Florya. Moscow: Drevlexranilishhe. (in Russian).

10. Lappo-Danilevskij, A. S. (1890). *Organizaciya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremen Smuty` do e`poxi preobrazovanij* [Organization of Direct Taxation in the Muscovite State from the Time of Troubles to the Era of Reforms] St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skoroxodova. (in Russian).

11. Lyapin, D. A. (2024). *Landratskie knigi istoricheskogo regiona Belgorodskoj cherty` 1716–1719 gg.* [Landrat Books of the Historical Region of the Belgorod Line, 1716–1719] in *Vestnik arxivista*, 1, 43–56. (in Russian).

12. Lyapin, D. A. (2017). *Urbanizaciya Central`no–Chernozemnogo regiona v konce XVI – nachale XVIII vekov* [Urbanization of the Central Black Earth Region in the Late 16th – Early 18th Centuries] in *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya*, 3, 57–64. (in Russian).

13. Lyapin, D. A. (2011). *Istoriya Eleczkogo uezda v XVI-XVII vekax* [History of the Yelets District in the 16th–17th Centuries]. Tula, Grif i Ko. (in Russian).

14. Lyapin, D. A. (2020). *Na okraine czarstva: povsednevnyaya zhizn` naseleniya Yuga Rossii v XVII veke* [On the Outskirts of the Kingdom: Everyday Life of the Population of Southern Russia in the 17th Century]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. (in Russian).

15. Lyapin, D. A. (2025). *Podvorny`e perepisi kak istochnik po istorii zozyajstvennogo osvoeniya Chernozemnogo regiona Rossii* [Household censuses as a source for the history of econom-

ic development of the Black Earth Region of Russia] in *Nauchnyj vestnik Kry`ma*, 3 (56), 23-29. (in Russian).

16. Lyapin, D. A. (2022). *Social'nyj sostav i dinamika chislennosti sel'skogo naseleniya regiona Belgorodskoj cherty` vo vtoroj polovine XVII veka* [Social composition and dynamics of the rural population of the Belgorod border region in the second half of the 17th century] in *Filo Ariadne*, 2, 136-150. (in Russian).

17. Lyapin, D. A. (2016). *Tyagly`e i chastnovladel`cheskie dvory` v gorodax Rossii v seredine XVII v. (po materialam gorodov-krepostej srednej Oki i verxnego Dona)* [Tax-bearing and privately owned households in Russian cities in the mid-17th century (based on materials from the fortified towns of the middle Oka and upper Don)] in *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya*, 22 (243), 40, 94-100. (in Russian).

18. Lyapin, D. A., Zhirov N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naseleniya Yuga Rossii v konce XVI – nachale XVIII vv. (na primere El`cza)* [Population Dynamics in Southern Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries (Based on Yelets)] in *Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya*, 3, 93-97. (in Russian).

19. Papkov, A. I. (2002). *Osnovanie Belgoroda* [The Foundation of Belgorod] in *N. I. Troiczkij i sovremenny`e issledovaniya istoriko-kul`turnogo naslediya Central`noj Rossii*, 2. / pod red. A. N. Naumova. Tula: Kulikovo pole, 103–113. (in Russian).

20. *Perepisnaya kniga Voronezhskogo uezda 1646 goda (1998)*. [The Census Book of the Voronezh District of 1646] / Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat`ya i primechaniya V.N. Glaz`eva. Voronezh: VGU. (in Russian).

21. *Perepisnaya kniga 1646 goda [tekst i kommentarij] (2017)* [The Census Book of 1646] / Seriya «Oskol'skie drevnosti» (arxivny`e materialy` XVII veka) Chast` III / A. P. Nikulov. Moscow: ROSA. (in Russian).

22. Razdorskij, A. I. (2015). *O vremeni sushhestvovaniya sovremennogo Kurska (k voprosu o xronologicheskix razry`vax v istorii nekotory`x russkix gorodov)* [On the Existence of Modern Kursk (On the Chronological Gaps in the History of Some Russian Cities)] in *Istoricheskaya urbanistika : proshloe i nastoyashhee goroda: Sbornik nauchny`x statej Vserossijskoj konferencii*. Kurgan: Kurganskij Dom pečati, 190–201. (in Russian).

23. Smirnov, P. P. (1947). *Posadskie lyudi i ix klassovaya bor`ba do serediny` XVII v.* [Tradespeople and Their Class Struggle up to the Mid-17th Century.] Moscow: Nauka, 2.

24. Solodkin, Ya. G. (2002). *K rannej istorii Oskola i Czareva-Borisova* [On the early history of Oskol and Tsarev-Borisov] in *N. I. Troiczkij i sovremenny`e issledovaniya istoriko-kul`turnogo naslediya Central`noj Rossii*, 2 / pod red. A. N. Naumova. Tula: Kulikovo pole, 97–103. (in Russian).

25. Shhavelev, A. S. (2018). «Gorod»: *k dekonstrukcii spornogo istoriograficheskogo koncepta* [“City”: towards the deconstruction of a controversial historiographical concept] in *Prostranstvo i urbanizm. Obrazy`, struktury` i simvoly`*. Moscow: IVI RAN, 44–47. (in Russian).

ПРОБЛЕМЫ ЭРОЗИИ ПОЧВЫ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ, МОНИТОРИНГ И ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ОВРАГАМИ

*Р.М. Житин,**

А.Г. Топильский

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
ул. Интернациональная, 33, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

Введение. Во второй половине XIX века огромную опасность для аграрного сектора Тамбовской губернии стала представлять проблема овражной эрозии. Она изымала из оборота значительные пространства, затрудняла обработку земли, обедняла земли. Все это вело к снижению урожайности и вызывало недороды, сказываясь на хозяйственной активности и инициативе участников землепользования. **Методы и материалы.** Исследование основано на историко-сравнительном методе, благодаря которому удалось проследить причины возникновения экологических проблем и характер их решения. Историко-генетический метод позволил проанализировать характер последствий природоохранных мер на сокращение образования числа оврагов. **Результаты.** Быстрый рост заовраженности российских степей активизировал общественное обсуждение этой проблемы. Основные причины оврагообразования специалисты связывали с экстенсивными формами обработки почвы. При этом особая роль в формировании овражной эрозии принадлежала крестьянам. Чрезвычайно распространенным явлением в арсенале великорусского пахаря стало непродуманное освоение неудобных земель, включающих склоны холмов и наклонных пойменных террас. Важным фактором оврагообразования помещичьего хозяйства являлась вырубка леса на склонах холмов и в пойме рек. Основным способом укрепления оврагов стала массовая высадка вербы. **Заключение.** Основным фактором возникновения оврагов в Центральной России стало экстенсивное землепользование при крайне низкой агротехнике крестьянства, вырубка лесов и распашка склонов. Понимая масштабы проблемы, в конце XIX века в борьбу с заовраженностью территорий активно включается государство. При этом разработанные мелиоративные мероприятия требовали координации с общественными структурами и частными лицами, больших материально-технических ресурсов и времени. Для повышения эффективности антиэрозионных мер правительство вводило законодательное ограничение на вырубку защитных лесов, обеспечивало обязательное обустройство больших оврагов, внедряло мелиоративное кредитование. Вводимые меры давали заметный эффект и служили технологической базой для более масштабных мероприятий в советский период.

Ключевые слова: Российская империя, Тамбовская губерния, овраги, помещики, крестьяне, экология, природоохранное законодательство.

* Ответственный автор

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 24-28-01520).

Для цитирования: Житин Р.М., Топильский А.Г. (2026). Проблемы эрозии почвы в Тамбовской губернии конца XIX – начала XX века: причины, мониторинг и особенности борьбы с оврагами // История: факты и символы. 2026. № 1 (46). С. 105-115. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-105-115

Статья поступила: 12.11.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Житин Р., Топильский А., 2026

**PROBLEMS OF SOIL EROSION IN THE TAMBOV PROVINCE
OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: CAUSES, MONITORING,
AND FEATURES OF RAVINE CONTROL**

*R.M. Zhitin **,

A.G. Topilsky

Derzhavin Tambov State University,

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392000, Russia

Abstract

Introduction. In the second half of the 19th century, the problem of ravine erosion began to pose a great danger to the agricultural sector of the Tambov province. It took significant areas out of circulation, made it difficult to cultivate the land, and impoverished the land. All this led to a decrease in yields and caused undergrowth, affecting the economic activity and initiative of land use participants.

Methods and materials. The study is based on a historical and comparative method, which has succeeded in tracing the causes of environmental problems and the nature of their solutions. The historical and genetic method made it possible to analyze the nature of the effects of environmental protection measures on reducing the number of ravines.

Results. The rapid growth of the involvement of the Russian steppes has intensified public discussion of this problem. Experts attributed the main causes of ravine formation to extensive forms of tillage. At the same time, peasants played a special role in the formation of ravine erosion. An extremely common phenomenon in the arsenal of the Great Russian plowman was the ill-considered development of inconvenient lands, including hillsides and inclined floodplain terraces. Deforestation on hillsides and in the floodplain of rivers was an important factor in the ravine formation of the landed estate. The main way to strengthen the ravines was the mass planting of willow trees.

Conclusion. The main factor in the emergence of ravines in Central Russia was extensive land use with extremely low agricultural technology of the peasantry, deforestation and plowing of slopes. Realizing the scale of the problem, at the end of the nineteenth century, the state was actively involved in the fight against territorial encroachment. At the same time, the developed land reclamation measures required coordination with public structures and individuals, large logistical resources and time. To increase the effectiveness of anti-erosion measures, the government introduced legislative restrictions on deforestation of protective forests, ensured the mandatory development of large ravines, and introduced land reclamation loans. The measures introduced had a noticeable effect and served as a technological base for larger-scale events during the Soviet period.

Keywords: Russian Empire, Tambov province, ravines, landlords, peasants, ecology, environmental legislation

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01520).

For citation: Zhitin R.M., Topilsky A.G. (2026). Problems of soil erosion in the tambov province of the late 19th – early 20th centuries: causes, monitoring, and features of ravine control In *History: facts and symbols*, 1 (46), 105-115. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-105-115

* Corresponding author

Received: 12.11.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Zhitin R., Topilsky A., 2026

1. Введение

Во второй половине XIX века огромную опасность для аграрного сектора Тамбовской губернии стала представлять проблема овражной эрозии. Современники признавали: «Обширные песчаные площади и овражные системы охватывают столь значительные пространства, что пагубно отражается на сельскохозяйственных районах и целых областях» [13, с. 54]. Эрозия изымала из оборота значительные пространства, затрудняла обработку земли, обедняла земли. Все это вело к снижению урожайности и вызывало недороды, сказываясь на хозяйственной активности и инициативе участников землепользования. Так, в начале XX в. члены тамбовского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности писали: «Климат центральной России изменяется к худшему, и это изменение с каждым годом прогрессирует, чем и объясняется понижение урожайности. Причина тому – уничтожение лесов, увеличение посевной площади и разрастание оврагов. Безлесье и овраги иссушают землю, мешают задержанию на ее поверхности снега и дождей, и засуха действует привольно, не встречая себе ни в чем помехи» [15, с. 4].

2. Методы и материалы

Исследование основано на историко-сравнительном методе, благодаря которому удалось проследить причины возникновения экологических проблем и характер их решения. Историко-генетический метод позволил проанализировать характер последствий природоохранных мер на сокращение образования числа оврагов.

Проблема оврагообразования стала осознаться современниками еще во второй половине XIX века, что повлекло общественное и научное обсуждения влияния оврагов на сельское хозяйство [11; 13; 16].

В советской историографии подчеркивались причины оврагообразования вследствие беспорядочной и хищнической обработки почвы [1; 17].

В современной историографии можно отметить расширение исследования экологической истории пореформенной деревни [7], в том числе с применением естественнонаучных методов [9].

3. Результаты

Быстрый рост заовраженности российских степей активизировал общественное обсуждение этой проблемы. «Отдельные овраги в средней полосе России – констатировал в начале XX века публицист С. Ю. Самарин – достигали 18-ти и более верст длиной и 20-ти саж. глубиной» [14, с. 18]. Об опасности эрозийных процессов в конце XIX века также предупреждали В.В. Докучаев, Э.Э. Керн, В.К. Масальский [2, с. 59]. «Географическими особенностями страны и постоянными физическими ее бедствиями» называл русские овраги В.О. Ключевский [8].

Основные причины оврагообразования специалисты связывали с экстенсивными формами обработки почвы. При этом особая роль в формировании овражной эрозии принадлежала крестьянам. По сведениям Министерства государственных имуществ на 1891 г., эрозия в дореформенное время имела более медленную динамику роста, чем после отмены крепостного права¹. Это подтверждается и современными специалистами, установившими, что «почти все овраги на Окско-Донской равнине возникли за последние 150 лет или немногим раньше» [5].

Современники массово отмечали архаичность общинного хозяйствования. Чрезвычайно распространенным явлением в арсенале великорусского пахаря стало непродуманное освоение неудобных земель, включающих склоны холмов и наклонных пойменных террас. Описывая

¹ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 111. Л. 150.

качество деревенской агротехники, Васильчиков В.И. констатировал: «Мужик, как говорится, постоянно запахивается: ни вымытая дождями лощина, ни крутой берег оврага – ничто его не останавливает и, если только клячонка его может проволочить где-нибудь соху, он непременно расцарапает даже отвесный бугор и рассеет на нем семена, наперед обреченные на гибель. Таким образом подвергаются такому царапанию все уклоны, все скаты, все края оврагов и лощин»¹. Авторами статистического описания Заметчинской волости Моршанского уезда отмечалось, что именно крестьянская пахота по склонам холмов была главной причиной развития местных эрозийных процессов².

Формирование овражистых зон на территории помещичьих имений также стимулировалось процессом крестьянской аренды. Большинство арендаторов на снятых землях практиковали классическое трехполье, распахивая все площади без учета рельефа и последствий. По воспоминаниям очевидцев, в Богословской волости Кирсановского уезда крутые склоны распахивались крестьянами «всегда», помещиками – «иногда» [11, с. 104]. При этом следует учитывать массовый характер арендных отношений. В 1881-1884 годах тамбовские крестьяне арендовали 442 тыс. дес., что составляло не менее 22 % от общего фонда надельных земель губернии (более 2 млн дес.) [17, с. 6].

Важным фактором оврагообразования помещичьего хозяйства являлась вырубка леса на склонах холмов и в пойме рек. Уже через 10 лет после реформы 1861 г. площадь тамбовских лесов уменьшилась на 40%. «Высокие цены, взвинченные экспортерами, совершенно сбили с толка владельцев, и они спешат с вырубкой своих лесов...» – констатировал В.И. Денисов [4]. Сведение насаждений нарушало экологический баланс и способствовало усиленному размытию почвы. Об этом вспоминал В.И. Вернадский, необдуманно ликвидировавший лесные посадки в своем моршанском имении: «Два года назад на скатах Красной, установившихся столетиями и вполне приурочившихся к условиям жизни местности, я велел обрыть от скота кусты дубов. Совершенно неожиданно этим самым нарушился вековой строй. Началось размытие, начали образовываться овраги, и местность прорылась так глубоко, как никогда, появились ниже ледникового слоя лежащие зеленые пески. От канавы [соседа помещика] Вольского начал образовываться огромный овраг» [7, с. 50].

Вырубка лесов могла обернуться мгновенными экологическими проблемами. Показательный пример произошел в 1890-е гг. в районе с. Паревка Кирсановского уезда Тамбовской губернии, где сведение древесной растительности на левом берега р. Вороны привело к затоплению 4000 дес. удобных земель. В результате бедствия пострадали не менее 9 крестьянских обществ и 20 частных владельцев³.

Росту оврагов могли способствовать и чисто природные причины. Усиленная эрозия почвы наблюдалась в местах с глинистыми и суглинистыми грунтами. Это отмечалось в Лебедянском уезде Тамбовской губернии, где превалировали именно суглинки. Например, в экономике при селе Шаховском, земли которой стояли «из плотных песков, покрытых моренным лесовидным суглинком», местный овраг разделил усадебный клин на две части и угрожал прудовому хозяйству [11, с. 20]. Проблемы с эрозией наблюдались и районах с естественным дефицитом флоры. Например, один из помещиков Степановской волости Тамбовского уезда констатировал, что в его поместье под ложбинами находилось 50 дес. из 2200 дес. земли, причем 8 дес. располагалось в зоне, лишенной всякой растительности [11, с. 23].

Эрозийность по склонам рек была опасно не только потерей земель сельскохозяйственного назначения, но и загрязнением пойменных пространств. В этом случае овражно-балочную сеть превращалась в транспортер обломочного материала, который в буквальном смысле засы-

¹ Чернозем и его будущность в связи с истреблением лесов: Докл. Имп. Моск. о[-ва] сел. хоз[-ва] почет. чл. кн. В.И. Васильчикова. [Москва]: тип. В. Готье, ценз. 1876. 21 с.

² Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 3. Моршанский уезд. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1882. С. 122.

³ Об оврагах // Тамбовские губернские ведомости. 1896. 31 октября. № 118. С. 2.

пал русла водоводов, замедлял их течение. Тамбовские добровольные корреспонденты сообщали эксперту В.К. Масальскому, что овраги правой стороны реки Савалы (Экстальская волость Тамбовского уезда) «с каждым годом увеличиваются и уносят массу земли в реку». Эрозийные процессы в по течению Вертячего лога и Сквирня (районе Сезенского монастыря лебединского уезда) также обернулись сильным загрязнением пойменной зоны [11, с. 142]. По подсчетам специалистов, за 24 года с момента образования местного оврага (не ранее 1873 г.) вода унесла не менее 2400 кубических сажень земли. В результате «образовалась зияющая пропасть, площадью около двух десятин». Из-за угрозы дальнейшего разрастания ложбины крестьянам «пришлось отказаться от пахоты прилегающих к оврагу 5 дес. пашни». Кроме того, был ограничен выпас скота на площади около 5 десятин. При этом «по характеру и размерам» сезеновский овраг мог отнестись специалистами только к «третьестепенной величине» [11, с. 143].

На необходимость борьбы с лебединскими оврагами указывал тамбовский агроном Дружкин. Свои соображения он изложил в 1895 году местному уездному собранию. Среди прочего он ходатайствовал «об установлении заповедных полос по их склонам, о воспреещении распахать их сверху вниз, об устройстве опытного укрепления и облесения их». Также специалист рекомендовал обратиться в Министерство земледелия за грамотным мелиоратором. Однако «ввиду сложности дела и ввиду необходимости громадных расходов» земцы отложили рассмотрение этого вопроса. Только в 1899 году укреплению местных оврагов решено было отпустить 1300 руб. Кроме того, в специальном питомнике все желающие помочь могли получить черенки и помочь делу мелиорации. В результате организованных мероприятий помещики и местные крестьяне смогли укрепить более 500 десятин проблемных территорий. В 1899-1903 году работы были продолжены, при чем облесению подверглись 23 дес. [12, с. 27].

Часть помещиков, осознающих опасность образования оврагов на территории своих поместий, приступили к осуществлению антиэрозийных мероприятий [11, с. 124]. В частности, для предотвращения эрозии на стенках оврага практиковались посадки укрепляющий травы. При этом «самой желанной травой», корни которой хорошо скрепляли почву, являлся пырей. [11, с. 159]. В случае с суглинистыми грунтами в ход шли «лопушник, осот, татарник, мать-и-мачеха, донник желтый, тысячелетник, полынь» и другие неприхотливые травы [10, с. 159].

Большое значение для борьбы с овражной эрозией играли ивовые насаждения. Так, известно, что в Богородицком поместье (Липовка) Долгоруких Моршанского уезда Тамбовской губернии все водомоины обсаживались ветлой [3, с. 20]. Это достаточно эффективно позволяло справляться с размывами почвы. Другой тамбовский помещик С. В. Рахманинов в своем Ивановском поместье также практиковал ивовые посадки. При этом «для этого дела» он даже «приобрел себе бурав», которым «буравил на аршин вглубь» и сажал «туда большой кол ветловый, аршина на 3 под землей». В своем отчете он писал: «Посадил 120 штук таких. Поливал и поливаю их с аккуратностью, терпением и настойчивостью, достойной лучшей участи. Зато и мой восторг велик, когда увижу свежую почку или молодой зеленый листок. Веду строгую отчетность принявшимся деревьям. Теперь их у меня уже 43» [6, с. 151].

Впрочем, некоторые тамбовские помещики сумели найти преимущества соседства пашенного клина и крупных оврагов. Так, в качестве защиты от промерзания некоторые владельцы сознательно распахивали возвышенности над впадинами, так как в этом случае «излишний холод стекал в ложбины». В 1890 и 1891 годах окруженные оврагами поля не пострадали от весенних и летних заморозков [11, с. 203].

В начале XX века овражная эрозия отражалась на хозяйстве целых уездов Тамбовской губернии. Аграрный эксперт С. Цветков после посещения Лебединского уезда сообщал, что местные углубления уже давно «прорезывают целые поля», пересекают дороги, в результате чего «их приходится ежегодно передвигать за вершины оврага» [16, с. 13]. По его подсчетам, каждая такая впадина могла расти со скоростью до нескольких метров в год, что без внимания специалистов делало этот процесс очень опасным. Кроме того, отдельные впадины уже тогда

достигали нескольких десятков метров глубиной (с. Большие Избища, с. Отскачный Верх) и имели отвесные стенки [16, с. 13].

Некоторые овраги мешали осуществлению нормального шоссейного сообщения. Так, в 1897 году на территории Тамбовской губернии возникли проблемы с раненбургской веткой московского тракта, перерезанной оврагом-великаном. Требовалось соорудить объездную дорогу в районе в с. Чурюково. При этом члены Козловского очередного уездного земского собрания, помимо строительства нового путепровода, постановили выделить еще 100 руб. на подготовку защитных плотин, которые должны были ликвидировать угрозы дальнейшего роста ложбины¹. В 1902 году эрозия почвы заставила переместить дорогу из Козлова в Лебедянь [16, с. 13].

Одним из следствий усиленной эрозии почвы являлось появление в проблемных зонах «летучих холмов». Они образовывались из песка, выветривавшегося из границы оврагов. Это явление вредило как руслам рек, так и полеводству (заносили поля, усадьбы, дороги, системы орошения). По подсчетам специалистов, в начале XX века совокупная площадь таких песков в Европейской России достигала 6 млн десятин. В том же Лебедянском уезде Тамбовской губернии оно стало причиной фактически исчезновения речки Сквирни, практически целиком занесенную осадочным материалом. Попытки спасти ее русло, предпринимаемые в 1891 году в ходе экспедиции генерала М. Н. Анненкова, не принесли результатов. И это при том, что для повышения уровня воды в районе села Сквирни была сделана отдельная запруда, а к земляным работам было привлечено от 50 до 100 человек [16, с. 13].

Печальная судьба постигла тамбовскую реку Лебедянка, также исчезнувшую из-за неумелой хозяйственной деятельности человека. При этом между сведением леса в ее пойме, образованием оврагов и полным заиливанием прошло несколько лет. Проживающий в этом районе старожил (имя в документах отсутствует) в 1901 году вспоминал «лет 50 тому назад жил я в селе Сезенове, ходил с ружьем в лес, который рос по берегам реки Сквирни, стрелял тетеревов, плавал по реке на лодке»; теперь же «вместо воды на дне реки Сквирни лежал сухой песок и ил и только кое-где виднелись лужи воды, а о лесе не было и помина» [16, с. 13]. «Убыль рек в нашем отечестве только и можно объяснить уничтожением лесов» – констатировали эксперты [16, с. 13].

Отсутствие опыта борьбы с эрозией вызывало неудачные попытки исправить ситуацию. Так, после появления в районе села Новознаменского Тамбовского уезда крупного оврага, перегородившего дорогу в село Кариан, местные крестьяне решили устроить через углубление навозную плотину. Однако во время первого же половодья данное сооружение было разрушено, а удобрение попало реку. Вместе с тем тамбовское земское собрание отклонило предложение о строительстве в районе ложбины моста, сославшись на высокую стоимость «дорожного сооружения»². Не поднимало оно вопроса и о засыпке злосчастного оврага.

В конце XIX века активную борьбу с эрозией почвы начинает государство. Лесоохранительный закон 1888 года вводил понятие защитных насаждений, в числе которых признавались «леса и кустарники, сдерживающие сыпучие пески или препятствующие их распространению по берегам судоходных и сплавных рек, каналов и искусственных водохранилищ, защищающие от песчаных заносов селения, дороги, обрабатываемые земли и всякого рода угодья, а равно те, истребление коих может способствовать образованию сыпучих песков»³. Активная лесная рубка на данных территориях была запрещена. У нарушителей конфисковали весь заготовленный материал, а сами они подвергались денежному штрафу. Однако строгость закона не

¹ Козловское уездное земское собрание. Журналы Козловского очередного уездного земского собрания заседаний 26, 27 и 28 сентября 1887 г.: с приложениями. Козлов: Типо-литография В.В. Петрова, 1888. С. 68.

² Тамбовское уездное земское собрание. Журналы очередного Тамбовского уездного земского собрания сессии 1914 года: с приложениями. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. С. 681.

³ Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: в 48 т. Т. 8: 1888: от № 4933 – 5685. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1890. С. 150.

мешала помещикам саботировать правительственный запрет. Обвиненный в незаконном сведении защитных насаждений тамбовский помещик В.В. Можаров заявил: «я рыл лес свой и не знал, что он числится за лесоохранительным комитетом»¹.

В 1898 году правительство приняло комплексную программу по борьбе с оврагами и летучими песками. В каждой губернии предполагалось приступить к укреплению и облесению проблемного рельефа листовными породами. Плотно данные работы проходили в Воронежской губернии, а уже затем полученный опыт распространялся на другие территории. К 1913 г. удалось окультурить 236 890 десятин песка и ликвидировать 1584 крупных оврага. При этом каждая десятина песчаной площади обходилось государству в 27 руб. 80 копеек. Стоимость ликвидации одной заовраженной десятины могла доходить до 100 руб. [13, с. 54].

Одновременно Министерство земледелия для отработки технологии укрепления и ликвидации оврагов устраивало общественные опытные работы. Всеобщее просвещение населения о способах борьбы с эрозией почвы признавалось чиновниками удобным способом пропаганды агрономических знаний. В 1901 году такие работы были запланированы на территории Богучарского уезда Воронежской губернии, куда со всей страны приглашались земские представители. Однако не все земские собрания сумели попасть на мероприятие². Так, признавая полезным «дело укрепления оврагов», Тамбовская уездная земская управа так и не смогла найти нужные средства на командировку и отложила поездку на следующий год³. При этом в материалах 1902 года данные о состоявшемся трансферте также отсутствуют.

С целью лучшего противодействия эрозийным процессам правительство стратифицировало овраги на обычные и «имеющие государственное или общественное значение» [13, с. 54]. К последним относились формы рельефа, которые угрожали отдельным районам, важной дорожной, речной, жилой инфраструктуре. При этом процедура укрепления «государственных или общественных» оврагов была обязательной и строго регламентировалась российским лесоохранительным комитетом (ст. 735). Стандартная схема включала совместную работу лесного ведомства, земских органов и частных владельцев. При этом лесной департамент командировал на места технический персонал, составлял сметы расходов и выделял необходимый посадочный материал, земские органы принимали на себя доставку саженцев, приобретение лесокультурных орудий, содержание овражных и лесных надзирателей. Частные владельцы принимали участие в мелиоративных мероприятиях.

При этом главное управление землеустройства и земледелия требовало от владельцев заовраженных имений обязательно «войти в соглашение с лесоохранительным комитетом» и начать мелиоративные работы [13, с. 54]. При отказе помещиков от мелиорации, а также «в случае ее игнорирования в течении года после обращения к нему Лесоохранительного комитета» «участок песков или оврагов приобретался во владения казны или земства». При несогласии владельца на добровольную продажу имущества, проблемный участок «подлежал отчуждению» [13, с. 54].

Основные мелиоративные расходы несло государственное казначейство, однако в законе предполагалось обязательное участие губернского земства. Законодатели исходили из того, что в случае ликвидации летучих песков земство должно было оплатить 20% сметных работ, при засыпке оврагов – не менее 50% [13, с. 55]. Таким образом, все культурные работы проходили при четком разграничении прав и обязанностей помещиков, государственных и общественных органов.

Законодательное регулирование значительно повышало эффективность мелиоративных работ. В 1908 г. при посредничестве помещиков Тамбовского, Моршанского и Лебедянского

¹ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 75. Л. 37.

² Тамбовская уездная земская управа. Доклады Тамбовской уездной земской управы очередному Тамбовскому уездному земскому собранию 1901 года. Тамбов, [Б. г.]. С. 9, 10.

³ Там же.

уездов были укреплены 1584 оврага на площади 1674 дес. При чем 1165 дес. было окультурено при частно-государственном партнерстве, и еще 509 дес. удалось обустроить без содействия казны. При это в среднем на укрепление одной проблемной десятины тратилось до 700 рублей. В некоторых особо сложных случаях стоимость десятины возрастала до 1000 рублей [13, с. 54].

Основным способом укрепления оврагов стала массовая высадка шелюги или краснотала (вербы). Эксперименты с данными культурой велись на территории всей Европейской России и везде показывали хорошие результаты¹. Выращивание вербы не отличалась сложностью. Работы осуществлялись «ранней весной или поздней осенью», при этом саженцы размещался в бороздах, глубиной 4-5 вершков и расстоянием 2-3 аршин. Уход состоял «только в заваливании песком обдутых прутьев шелюги»².

Понимая опасность эрозии для сельскохозяйственного комплекса страны, государство создавало условия для добровольного вовлечения населения в мелиорацию. В 1896 году были приняты «Временные правила о ссудах на сельскохозяйственные улучшения», фактически положившие начало мелиоративному кредиту³. Займы давались на широкий спектр рационализации, в том числе и на укрепление берегов рек, ликвидацию оврагов. Для повышения заинтересованности в антиэрозионных мероприятиях правительство также обеспечило помещиков правом на льготные мелиоративные ссуды, выделявшиеся на беспроцентной основе в размере полной стоимости работ. Однако рост мелиоративного кредитования был незначительным: сказывалось общее нежелание владельцев заниматься рационализацией. Эксперты констатировали: «нерациональное, хищническое ведение хозяйства, недостаток капиталов и технических сведений, несоразмерно высокие арендные цены, парализующие импульс к производству улучшений и т.д. все эти причины ... обусловили слабую инициативу частного землевладения» [10, с. 37]. В 1897–1900 гг. на всю Российскую империю было выдано 116 мелиоративных ссуд [10, с. 37]. По сведениям на 1903 г., в Тамбовской губернии этим видом кредита воспользовались только 12 землевладельцев⁴.

Некоторые земства ставили вопрос борьбы с эрозией шире и предлагали комплексные и во многом случае оригинальные меры борьбы с эрозией. На съезде тамбовских земских агрономов делегат Н. М. Катаев предлагал создать отдельные мелиоративные банки, одной задачей которых стало бы укрепление оврагов [11, с. 240]. Ливенское земство постановило ходатайствовать перед Министерством государственных имуществ по вопросу об открытии в Орловской губернии двух питомников «для дешевого или бесплатного отпуска посадочного материала» [11, с. 240]. В то же время часть земцев продолжала халатно относиться к проблеме. После долгих споров Нижегородское земское собрание выделило на ликвидации местных ложбин 100 руб. Сосницкое земство борьбу с эрозией заменило осмотром двух крупных балок [11, с. 15].

4. Заключение

Таким образом, основным фактором возникновения оврагов в Центральной России стало экстенсивное землепользование при крайне низкой агротехнике крестьянства, вырубка лесов и распашка склонов. Понимая масштабы проблемы, в конце XIX века в борьбу с заовраженностью территорий активно включается государство. При этом разработанные мелиоративные мероприятия требовали координации с общественными структурами и частными лицами, больших материально-технических ресурсов и времени. Для повышения эффективности антиэрозионных мер правительство вводило законодательное ограничение на вырубку защитных лесов, обеспечивало обязательное обустройство больших оврагов, внедряло мелиоратив-

¹ Тамбовская губернская земская управа. Журналы и доклады 5-го агрономического совещания при Тамбовской губернской земской управе 3-6 сентября 1912 г. [Текст]. Тамбов: Типография губернского земства, 1913. С. 65.

² Там же

³ Мелиорации сельскохозяйственные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. т. XIX. Санкт-Петербург: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1892. С. 30-38.

⁴ Дьяков В. Н. Тамбовский губернский о ссудах на сельскохозяйственные улучшения комитет // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 325.

ное кредитование. Вводимые меры давали заметный эффект и служили технологической базой для более масштабных мероприятий в советский период.

Список источников и литературы

1. Анфимов, А. М. (1980). *Крестьянское хозяйство Европейской России 1881-1904 гг.* М.: Наука. 237 с.
2. Бердышев, С. Н. (2022). *Геология в историко-краеведческих исследованиях // Геонаследие.* Саратов. 117 с.
3. Воронков, А. И. (1911). *Краткое описание Земетчинского вотчинного имения ее сиятельства княгини Ольги Петровны Долгорукой: К экспонатам на Морш. с.-х. выставке 1911 г.* Моршанск: типо-лит. В.И. Холуянова. 28 с.
4. Денисов, В. И. (1911). *Леса России, их эксплуатация и лесная торговля.* Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума. 168 с.
5. Дудник, Н. И. (2002). *Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области // Вестник российских университетов. Математика.* Т. 7. Вып. 1. С. 119-124.
6. Емельянова, Н. Н. (1971). *С. В. Рахманинов в Ивановке.* Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство. 298 с.
7. Канищев, В. В. (2002). *Хозяйственная деятельность В.И. Вернадского в контексте экологической ситуации в Тамбовской губернии в конце XIX - начале XX вв. // В. И. Вернадский и Тамбовский край.* М.: Издательский дом «Ноосфера». С. 42-74.
8. Ключевский, В. О. (1908). *Курс русской истории: в 5 т. Т. 1.* М.: типография Г. Лиснера и Д. Собко. 464 с.
9. Ковалева, Н.О., Канищев, В.В., Самохина, О.И., Ковалев, И.В. (2017). *Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области в историческое время // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки.* Т. 22. № 1. С. 126-135.
10. Корелин, А. П. (1988). *Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в.* М.: Наука. 259 с.
11. Масальский, В. И. (1897). *Овраги черноземной полосы России, их распространение, развитие и деятельность.* Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума. 251 с.
12. *Мероприятия по сельскохозяйственной части (1903) // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год.* Тамбов. С. 26-28.
13. *Об обязательном укреплении и облесении песков и оврагов (1914) // Лесная жизнь и хозяйство.* Тамбов: Электрическая типо-лит. губернского правления. № 4. С. 54-55.
14. Самарин, Д. Ф. (1899). *Какие возможны меры против периодических голодовок.* Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина. 64 с.
15. Скрипицын, В. А. (1903). *Природные препятствия сельскому хозяйству.* Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума. 146 с.
16. Цветков, С. (1903). *Овраги и исчезнувшие реки Лебединского уезда // Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год.* Тамбов. С. 12-14.
17. Черменский, П. Н. (1928). *От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода. 1861-1917-й годы.* Тамбов: Пролетарский светоч. 100 с.

References

1. Anfimov, A. M. (1980). *Krest'yanskoye khozyaystvo Yevropeyskoy Rossii 1881–1904 gg.* [Peasant economy of European Russia, 1881–1904]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
2. Berdyshev, S. N. (2022). *Geologiya v istoriko-kraevedcheskikh issledovaniyakh* [Geology in historical and local studies]. Saratov: Geonasledie Publ. (in Russian).

3. Voronkov, A. I. (1911). *Kratkoye opisaniye Zemetchinskogo votchinnogo imeniya yeye siyatel'stva knyagini Ol'gi Petrovny Dolgorukoy: K eksponatam na Morshanskoy s.-khoz. vystavke 1911 g.* [A brief description of the Zemetchinsk estate of Her Serene Highness Princess Olga Petrovna Dolgorukova: To the exhibits at the Morshansk agricultural exhibition, 1911]. Morshansk: Tipo-lit. V. I. Kholuyanova Publ. (in Russian).
4. Denisov, V. I. (1911). *Lesa Rossii, ikh ekspluatatsiya i lesnaya trgovlya* [Forests of Russia, their exploitation and forest trade]. Sankt-Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma Publ. (in Russian).
5. Dudnik, N. I. (2002). *Regional'nye landshaftnye osobennosti Tambovskoy oblasti* [Regional landscape features of the Tambov region] in *Vestnik rossiyskikh universitetov. Matematika*, 7(1), 119–124. (in Russian).
6. Emelyanova, N. N. (1971). *S. V. Rakhmaninov v Ivanovke* [S. V. Rachmaninoff in Ivanovka]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ. (in Russian).
7. Kanishchev, V. V. (2002). *Khozyaystvennaya deyatel'nost V. I. Vernadskogo v kontekste ekologicheskoy situatsii v Tambovskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [V. I. Vernadsky's economic activity in the context of the ecological situation in Tambov province at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. In *V. I. Vernadsky i Tambovskiy kray*. Moscow: Izdatel'skiy dom "Noosfera", 42–74. (in Russian).
8. Klyuchevsky, V. O. (1908). *Kurs russkoy istorii: v 5 t. T. I* [A course in Russian history: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow: Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko Publ. (in Russian).
9. Kovaleva, N. O., Kanishchev, V. V., Samokhina, O. I., Kovalev, I. V. (2017). *Antropogennaya evolyutsiya landshaftov Tambovskoy oblasti v istoricheskoe vremya* [Anthropogenic evolution of landscapes of the Tambov region in historical time] in *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki*, 22 (1), 126–135. (in Russian).
10. Korelin, A. P. (1988). *Sel'skokhozyaystvenny kredit v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Agricultural credit in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
11. Masalsky, V. I. (1897). *Ovragi chernozemnoy polosy Rossii, ikh rasprostranenie, razvitie i deyatel'nost'* [Gullies of the black-earth belt of Russia, their distribution, development and activity]. Sankt-Petersburg: Tip. V. Kirshbauma Publ. (in Russian).
12. *Meropriyatiya po sel'skokhozyaystvennoy chasti* (1903) [Measures concerning agricultural affairs] in *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 god*. Tambov, 26–28. (in Russian).
13. *Ob obyazatel'nom ukreplenii i oblestenii peskov i ovragov* (1914) [On mandatory strengthening and afforestation of sands and gullies]. *Lesnaya zhizn' i khozyaystvo*, Tambov: Elektricheskaya tipo-lit. gubernskogo pravleniya, No. 4, 54–55. (in Russian).
14. Samarin, D. F. (1899). *Kakie vozmozhnye mery protiv periodicheskikh golodovok* [What measures are possible against periodic famines]. Sankt-Petersburg: Tip. A. S. Suvorina Publ. (in Russian).
15. Skripitsyn, V. A. (1903). *Prirodnye prepyatstviya sel'skomu khozyaystvu* [Natural obstacles to agriculture]. Sankt-Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma Publ. (in Russian).
16. Tsvetkov, S. (1903). *Ovragi i ischeznuvshie reki Lebedinskogo uyezda* [Gullies and vanished rivers of Lebedinsky uyezd] in *Sbornik-kalendar' Tambovskoy gubernii na 1903 god*. Tambov, pp. 12–14. (in Russian).
17. Chermensky, P. N. (1928). *Ot krepostnogo prava k Oktyabryu v Tambovskoy gubernii: Ocherk ekonomiki i kul'tury poreformennogo perioda. 1861–1917 gody* [From serfdom to October in Tambov province: An essay on the economy and culture of the post-reform period, 1861–1917]. Tambov: Proletarskiy svetoch Publ. (in Russian).

Вклад авторов:

Р.М. Житин – теоретическая основа статьи, выводы

А.Г. Топильский – подбор материала, оформление текста, выводы

Author contributions:

Zhitin R.M.– theoretical basis of the article, conclusions

Topilsky A.G.– material selection, text design, conclusions

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128>
УДК 94(470)"1914/1918"

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ГОТОВНОСТИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В МЕМУАРАХ ЕЁ УЧАСТНИКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. Левченко

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
Комсомольский пр-т, 29, 614990, Пермь, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу степени готовности русской императорской армии к участию в 1-ой мировой войне, выявлению причин, которые обусловили отставание России от других великих держав в подготовке к мировой войне, **Материалы и методы.** О боеспособности русской императорской армии можно судить на основании ряда источников, среди которых следует выделить мемуары участников войны. Необходимо признать, что не всегда мемуарист способен точно передать свои ощущения от пережитых им событий, со временем может появиться новое отношение к тому, что он видел и в чем участвовал. Описание событий становится их позднейшей интерпретацией. Вместе с тем, сообщаемые автором мемуаров факты, дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть то, что не отражается никакими официальными документами. Это делает воспоминания участников ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны. **Результаты.** Будучи участницей Антанты, Россия с самого начала принимала самое активное участие в 1-ой мировой войне, а русская императорская армия сыграла важную роль в срыве германского плана Шлиффена, что повлияло на ход и исход войны в пользу стран Согласия. Исследование степени готовности русской армии к Великой войне позволяет утверждать, что военно-политическое руководство Российской империи готовилось к будущей войне. Поражение в русско-японской войне позволило выявить ряд существенных недостатков в организации русской армии, её обучении, вооружении и снабжении, следствием чего стали попытки улучшения качества вооружённых сил Российской империи, которые позволили повысить боеспособность русской армии в целом. Вместе с этим так и не были преодолены дефекты структуры войск Российской империи, минусы в их обучении, вооружении и обеспечении. Российское правительство выделяло для государственной обороны недостаточные средства. Война не позволила завершить реформирование армии, но, несмотря на это, Россия успела сделать много для увеличения боеспособности своих вооружённых сил. Слабым местом России оказалась военная промышленность, не соблюдавшая сроков, особенно это касалось снабжения армии боеприпасами, что привело в дальнейшем к трагическим последствиям. Ещё одной проблемой была подготовка резервов. Патриотический подъём не был продолжительным и сошёл на нет по мере того, как война затягивалась. Элита страны и народ морально не были готовы к длительным военным действиям. Хотя Россия вступила в войну с удовлетворительно

обученной армией, офицерский корпус не отличался тщательно отобранным квалифицированным составом. **Заключение.** Военно-политическое руководство Российской империи готовилось к 1-ой мировой войне, расходуя значительные средства на вооружённые силы страны. Удалось повысить уровень боеспособности русской императорской армии по сравнению с русско-японской войной. Однако социально-экономическая и техническая отсталость России от наиболее развитых стран мира, как союзников, так и противников в будущей войне, ограничивали возможности модернизации армии и флота. Преодолеть это отставание в рамках существующей политической системы и при ограниченном количестве времени было невозможно.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская императорская армия, офицерский корпус, артиллерийское вооружение, мобилизация, русско-японская война, мемуаристика

Для цитирования: Левченко А. В. (2026). Оценка степени готовности русской императорской армии к Первой мировой войне в мемуарах её участников: сравнительный анализ // История: факты и символы. № 1 (46). С. 116-128. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128>

Статья поступила: 10.10.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Левченко А., 2026

ASSESSMENT OF THE READINESS LEVEL OF THE RUSSIAN IMPERIAL ARMY FOR WORLD WAR I IN THE MEMOIRS OF ITS PARTICIPANTS: COMPARATIVE ANALYSIS

A.V. Levchenko

*Perm National Research Polytechnic University,
29 Komsomolsky Prospekt, 614990, Perm, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the degree of readiness of the Russian Imperial Army to participate in the First World War, identifying the reasons that caused Russia to lag behind other great powers in preparing for the world war, **Materials and methods.** The combat effectiveness of the Russian Imperial Army can be judged on the basis of a number of sources, among which the memoirs of war participants should be highlighted. It must be recognized that a memoirist is not always able to accurately convey his feelings from the events he experienced; over time, a new attitude may appear to what he saw and participated in. The description of events becomes their later interpretation. At the same time, the facts reported by the author of the memoirs complement information from other sources, allowing us to reveal what is not reflected in any official documents. This makes the participants' recollections valuable sources for researchers, including those studying the history of World War I. **Results.** As a member of the Entente, Russia took an active part in World War I from the very beginning, and the Russian Imperial Army played an important role in disrupting the German Schlieffen Plan, which influenced the course and outcome of the war in favor of the Entente countries. A study of the degree of readiness of the Russian army for the Great War allows us to assert that the military-political leadership of the Russian Empire was preparing for a future war. The defeat in the Russo-Japanese War revealed a number of significant shortcomings in the organization of the Russian army, its training, armament and supply, which resulted in attempts to improve the quality of the armed forces of the Russian Empire, which made it possible to increase the combat effectiveness of the Russian army as a whole. At the same time, the defects in the structure of the troops of the Russian Empire, the disadvantages in their training, armament and supply were never overcome. The Russian

government allocated insufficient funds for national defense. The war did not allow the army to be reformed, but despite this, Russia managed to do a lot to increase the combat capability of its armed forces. Russia's weak point was its military industry, which failed to meet deadlines, especially when it came to supplying the army with ammunition, which later led to tragic consequences. Another problem was the preparation of reserves. The patriotic upsurge did not last long and faded away as the war dragged on. The country's elite and the people were not morally prepared for military action. Although Russia entered the war with a satisfactorily trained army, the officer corps was not distinguished by its carefully selected, qualified personnel. **Conclusion.** The military and political leadership of the Russian Empire prepared for World War I, spending significant funds on the country's armed forces. It was possible to increase the level of combat capability of the Russian Imperial Army compared to the Russo-Japanese War. However, Russia's socio-economic and technical backwardness compared to the most developed countries of the world, both allies and opponents in the future war, limited the possibilities of modernizing the army and navy. It was impossible to overcome this backwardness within the framework of the existing political system and with a limited amount of time.

Keywords: World War I, Russian Imperial Army, officer corps, artillery armament, mobilization, Russo-Japanese War, memoir studies

For citation: Levchenko A. V. (2026). Assessment of the readiness level of the Russian imperial army for World War I in the memoirs of its participants: comparative analysis In *History: facts and symbols*, 1 (46), 116-128. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-116-128

Received: 10.12.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

Levchenko A., 2026

1. Введение

Первая мировая война 1914–1918 гг. была невиданным во всей предшествовавшей истории и беспрецедентным по масштабам вооружённым столкновением десятков государств. Решающую роль в этой войне сыграли армии великих держав, чьи усилия, победы и поражения во многом предопределили исход войны. В связи с этим несомненный интерес представляет боеспособность противоборствующих армий, особенно русской императорской армии, которая своими усилиями и жертвами внесла большой вклад в победу стран Согласия.

2. Материалы и методы

Первая мировая война, на наш взгляд, изучена менее фундаментально, чем Отечественная война 1812 г. или Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Пока недостаточно монографических исследований, посвящённых как участию России в Первой мировой войне, так и отдельным аспектам этого участия.

Среди современных работ следует отметить коллективный труд под ред. В. В. Герасимова «Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)» [4], монографию «Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации» под ред. Л. С. Белоусова и А. С. Манькина [14], О. Р. Айрапетова «Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917)» [1], А. В. Ганина «Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922» [3], Л. В. Ланника «Русский фронт, 1914–1917 годы» [9], В. Б. Миронова «Первая мировая война. Борьба миров» [12].

Кроме того, хотелось бы отметить публикации статей в «Военно-историческом журнале» (ВИЖ), имеющие непосредственное отношение к различным аспектам готовности русской армии к 1-ой мировой войне. Г.Г. Попова «Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты)», напечатанной в журнале «Вопросы регулирования экономики» в № 3 2010 г., [16], Б.Л. Хавкина «Русский фронт первой мировой войны

(1914-1918гг.)» в журнале «Новая и новейшая история» №1 2014 г. [21], Е.М. Чедуровой, Н.А. Собоженкова «Россия в первой мировой войне: перспективы, военно-экономический взгляд» в «Международном научно-исследовательском журнале» № 11 2016 г. [20].

Особую группу источников составляют воспоминания участников Первой мировой войны. Необходимо признать, что не всегда мемуарист способен точно передать свои ощущения от пережитых им событий, со временем может появиться новое отношение к тому, что он видел и в чём участвовал. Описание событий становится их позднейшей интерпретацией. Вместе с тем, сообщаемые автором мемуаров факты дополняют сведения из других источников, позволяют раскрыть то, что не отражается никакими официальными документами. Это делает воспоминания участников ценными источниками для исследователя, в том числе занимающегося историей Первой мировой войны.

При изучении мемуаров участников Первой мировой войны мы отдали предпочтение воспоминаниям генералов, которые на момент начала военных действий занимали командные должности не ниже командира бригады, а также офицеров Генерального штаба, т.е. тех, кто, начав свою службу в рядах русской императорской армии задолго до начала Первой мировой войны, продолжил службу в военное время, следовательно, хорошо знал достоинства и недостатки русской императорской армии. Так А. И. Деникин, К. Г. Маннергейм начинали Первую мировую войну в должности командира бригады (4-й стрелковой и Отдельной гвардейской кавалерийской соответственно), А. М. Зайончковский командовал 37-й пехотной дивизией, В. А. Слюсаренко в начале войны возглавлял 43-ю пехотную дивизию, В. И. Гурко возглавлял 1-ю кавалерийскую дивизию, Э. В. Экк в начале войны командовал 7-м армейским корпусом, В. Е. Флуг в конце августа 1914 года получил под командование 10-ю армию, а А. А. Брусилов в самом начале войны был назначен командармом 8-й армии. А. С. Лукомский возглавлял канцелярию военного министерства, А. А. Свечин служил офицером для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего, составлял сводки о ходе военных действий, окончил в 1903 году Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду, П. П. Петров в 1914 году служил в штабе 29-й пехотной дивизии, в 1913 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1 разряду, генерал-майор британской армии Альфред Нокс находился при Ставке Верховного главнокомандования русской императорской армии.

3. Результаты

Россия и её армия принимали участие в Первой мировой войне с самого начала, сражаясь с войсками всех стран-участниц Четверного союза, а именно, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Как утверждал боевой генерал А. И. Деникин, русская армия на середину января 1917 года «удерживала на своём фронте 187 вражеских дивизий, т.е., 49% всех сил противника, действовавших на европейских и азиатских фронтах» [6, с. 32].

Мы считаем, что, несмотря на заключение сепаратного Брестского мира, вклад российской армии в победу стран Антанты невозможно переоценить. Русская армия, ценой огромных жертв, способствовала срыву плана Шлиффена, целью которого был последовательный разгром армий главных противников Германии. Реализация данного плана позволяла Германии выиграть войну у противников, заведомо превосходивших её по людским и материальным ресурсам. Русская армия своими действиями способствовала реализации перевеса стран Согласия в различных ресурсах и достижения победы в Первой мировой войне. По мнению Альфреда Нокса, «Русская армия действовала с редкой самоотверженностью и сделала столько, сколько от неё можно было ожидать, и даже более того» [13].

С какой армией вступала Россия в Первую мировую войну? Поражение в русско-японской войне позволило обнаружить существенные недостатки в организации русской армии, её обучении, вооружении и снабжении. Что сделало военно-политическое руководство Российской империи для устранения этих недостатков, и насколько это было возможно?

Как считал А. И. Деникин, в течение десяти лет, предшествовавших началу Первой мировой войны «русская армия, не достигнув, конечно, далеко идеалов, все же сделала огромные

успехи. Можно сказать с уверенностью, что, не будь тяжкого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы отечественной войны» [6, с. 21].

По мнению генерал-майора П. П. Петрова, Россия совсем не была готова к большой войне [15]. С подобным выводом мы можем согласиться лишь отчасти, полагая, что в начале Первой мировой войны никто из стран-участниц не предполагал ни масштабы, ни продолжительность войны. Степень подготовки стран, участвовавших в войне, была различной.

Считаем важным акцентировать внимание на технической оснащённости русской армии, поскольку в Первой мировой войне техника, включая такие новые для того времени её виды, как танки и самолёты, использовалась в невиданных до той поры масштабах.

Интересны воспоминания А. А. Брусилова об организации русской армии, о её техническом оснащении, убеждённого, что в XX столетии не достаточно только храбрости войск для успеха на войне при отсутствии достаточного количества современной военной техники. Пехота была вооружена винтовкой Мосина образца 1891 года, но пулемётов было всего 8 на полк [2, с. 52]. Следовательно, в дивизии было всего 32 пулемёта. Не было бомбомётов, миномётов и ручных гранат, но их в начале войны не было ни в одной армии мира. Что касается артиллерии, то, по мнению Брусилова, в её организации были крупные недостатки, и российская армия в этом плане значительно отставала от своих противников [2, с. 53].

Батареей, состоявшей из 8 орудий, было сложно эффективно управлять. В российской армии большую часть артиллерии составляли лёгкие орудия, на армейский корпус приходился один мортирный дивизион из 12 гаубиц, а на 8-ю армию, которой командовал генерал А. А. Брусилов, был только один дивизион тяжёлой артиллерии. Если в русском корпусе было 96 лёгких орудий и 12 гаубиц, т.е. всего 108 орудий, то для сравнения, у немцев в корпусе было 166 орудий, из них 36 гаубиц и 12 тяжёлых орудий. [2, с. 53].

Следовательно, российская артиллерия была приспособлена к оборонительному бою, но не к наступательному. Российская артиллерия, по мнению Брусилова, стреляла хорошо батареями и дивизионами, но стрельбы высших соединений артиллерии орудиями различных калибров не проводились. И уже в ходе военных действий русским артиллеристам пришлось на тяжёлом и кровавом опыте обучаться такой сложной стрельбе, так как они не были этому обучены в мирное время. Генерал Брусилов приходит к выводу, что военное министерство, включая и Главное управление Генерального штаба и генерал-инспектора артиллерии, не понимало, что такое современная война [2, с. 54].

Следует признать, что большинство высших артиллерийских начальников не умели управлять артиллерийскими массами в бою и не умели оказывать эффективную поддержку пехоте [2, с. 54].

На каждый армейский корпус было по одному сапёрному батальону, состоявшему из одной телеграфной роты и трёх рот сапёров. Очевидно, что такое количество сапёров, исходя из реалий военных действий, было совершенно недостаточно. Пехота в российской армии самоокапыванию была обучена крайне плохо, развитие сапёрного дела в армии находилось на низком уровне [2, с. 55].

Организационная структура российской кавалерии была, по утверждению А. А. Брусилова, следующей: кавалерийские и казачьи дивизии состояли из четырёх полков, включавших 6 эскадронов или 6 сотен, с пулемётной командой из восьми пулемётов и дивизиона конной артиллерии, состоявшего из 2 батарей, по шесть орудий в каждой. Кавалерийские и казачьи дивизии были достаточно сильными, но отсутствие стрелковой части, связанной с дивизией, снижало их боевую эффективность. В дальнейшем, во второй половине войны, были сформированы в каждой конной дивизии пешие дивизионы, по одному на конную дивизию, включавшие 4 эскадрона или 4 сотни [2, с. 55].

Воздушные силы в начале войны в российской армии, по мнению А. А. Брусилова, находились ниже всякой критики. Самолётов было мало, большинство их были довольно устаревшей конструкции. Будучи необходимы для разведки, для корректирования артиллерийской

стрельбы самолёты не использовались для этих целей. При этом самолёты были зарубежного производства и в течение всей войны российские войска сильно страдали от недостатка в них. Дирижаблей в начале войны было всего несколько штук, приобретённых за границей. Это были устаревшие и дорогостоящие воздушные суда, которые не принесли значительной пользы. Вывод А. А. Брусилова крайне пессимистичен: «нужно признаться, что по сравнению с нашими врагами мы технически были значительно отсталыми, и, конечно, недостаток технических средств мог восполняться только лишним пролитием крови, что, как будет видно, имело свои весьма дурные последствия» [2, с. 55].

Говоря о готовности русской армии к войне, В. И. Гурко полагал, «что раны, нанесённые нашей армии на Дальнем Востоке в ходе неудачной войны с Японией, не были ещё до конца залечены» [5, с. 2]. Российское правительство выделяло для государственной обороны недостаточные средства, вследствие чего, поэтому важному показателю Россия значительно отставала от западных стран. Кроме того, реализация реформы, очевидно, идёт речь об аграрной реформе П. А. Столыпина, «направленной на перевод крестьянства от общинной формы собственности на землю к единоличной, фермерской», заставила российских крестьян, являющихся собственниками земли, определить новые границы своего земельного надела. В значительной части случаев это вызывало необходимость обмена земельных участков, «что для большей части крестьянства означало, в конечном счёте, перенос на новое место своих подворий» [5, с. 2]. Последствия аграрной реформы П. А. Столыпина затрагивали интересы огромного по численности сельского населения России, которое составляло большую часть подлежащих призыву на военную службу. Российская армия, участвовавшая в Первой мировой войне, особенно такой род войск, как пехота, была армией преимущественно крестьянской.

По мнению К. Г. Маннергейма, русско-японская война обнаружила серьёзные недостатки в обучении и организации русской армии. Лишь треть армии находилась в состоянии боевой готовности, крайне недостаточно было военного снаряжения. Поэтому Россия в 1905–1910 гг. и позже была очень слаба и не могла противостоять армиям своих потенциальных противников на европейском театре военных действий. При проведении всеобщей мобилизации нечем было вооружить и экипировать призванные из запаса контингенты. Реформирование вооружённых сил требовало много времени и огромного количества денег [11, с. 49]. Русско-японская война стоила российскому государству два с половиной миллиарда рублей, что стало тяжёлым бременем для бюджета страны. Затраты на военные нужды в России были ниже аналогичных расходов в Германии и Австро-Венгрии. На реализацию российской «Большой военной программы» нужно было потратить пять лет, с 1913 по 1917 год, т.е. в темпах подготовки к будущей войне Россия отставала от своего главного противника – Германии. Первоначальные расходы составляли полмиллиарда рублей, в дальнейшем предполагался ежегодный рост на 140 миллионов. Численность вооружённых сил должна была возрасти в три раза, что означало увеличение армии на двенадцать тысяч офицеров и пять миллионов солдат [11, с. 49].

Однако людской ресурс Российской империи только казался неисчерпаемым, особенно если учесть высокие потери на фронте. Главная причина нехватки солдат, по мнению Г. Г. Попова, заключается в том, что в России «было много не годных к службе молодых мужчин, так называемых «белобилетников». Их насчитывалось перед войной около 6 млн человек» [19, с. 98].

Средняя продолжительность жизни мужского населения в России составляла в конце XIX – начале XX вв. 31–32 года, в то время как во Франции продолжительность жизни мужчин составляла в 1900 г. примерно 50 лет [19, с. 98]. «Большая военная программа» по усилению армии и военно-морские программы должны были укрепить западные рубежи империи, но их осуществление требовало времени, политической и финансовой стабильности [13, с. 91].

Война не позволила завершить реформирование армии, но, несмотря на это, Россия успела сделать много для увеличения боеспособности своих вооружённых сил. Для столь масштабной и серьёзной работы, считает Маннергейм, был нужен твёрдый и решительный чело-

век. Соответствующие обязанности были возложены на генерала от кавалерии Сухомлинова, который в 1909 году стал военным министром. В дальнейшем он подвергался резкой критике за деятельность на этом посту. К. Г. Маннергейм не согласен с такой оценкой деятельности бывшего военного министра и считает, что «армия, находившаяся до того в полном развале, за достаточно короткое время стала вполне боеспособной, хотя в техническом отношении она и отставала от Германии. Мобилизация проходила в соответствии с разработанными планами» [11, с. 50].

По мнению Д. Кигана, «заметным явлением стала и разработанная в 1913 г. Сухомлиновым «Большая программа по усилению армии», которая предусматривала к 1917 г. значительное увеличение сухопутных сил мирного времени и наращивание артиллерийских вооружений» [8].

Слабым местом России оказалась военная промышленность, не соблюдавшая сроков, особенно это касалось снабжения армии боеприпасами, что привело в дальнейшем к трагическим последствиям. К. Г. Маннергейму вторит А. Нокс, который российскую промышленность считал «отсталой» [12]. Как считают Н. А. Собожников и Е. М. Чедурова, на 1909–1913 гг. приходилось время хозяйственного подъёма российской экономики, начало видимых изменений структурного соотношения групп «А» и «Б» в промышленности. Наряду с успехами индустриализации российской экономики, занимавшей 5 место в мире, темпы промышленного роста в России были недостаточными, по сравнению с наиболее развитыми странами. По мнению исследователей к 1914 г. Россия располагала 7088 орудиями различных типов, в то время как австро-германский блок на восточном направлении 13476 орудий, соотношение тяжёлой артиллерии 240 орудий против 1396. Производство станковых пулемётов в России уступало почти в 14 раз Англии, в 5 – Франции, в 13 – Германии [19, с. 111–112].

По мнению Б. Л. Хавкина, в отношении артиллерии, особенно тяжёлой, русская армия оказалась подготовленной хуже, чем германская, по насыщенности автомобилями хуже, чем французская; русский флот по боевой мощи уступал германскому. Имела место нехватка снарядов, патронов, стрелкового оружия, обмундирования и снаряжения [20, с. 5].

Обучение военному делу за последние годы сильно продвинулось вперёд. Наконец-то в армии начали учитывать уроки русско-японской войны. По мнению боевого генерала Э. В. Экка, «главнейшие из этих требований сводились к следующим: 1) взаимодействие пехоты и артиллерии; 2) хорошая физическая подготовка войск, позволяющая успешно действовать на пересечённой местности; 3) самостоятельность командиров всех рангов; 4) не злоупотреблять работой охотничьих команд» [21, с. 340–341]. Войска получали тактические установки в виде отдельных приказов. Новый устав был одобрен в день объявления мобилизации.

Маннергейм считал, что ни французская, ни немецкая армии не учли уроков военных действий в Маньчжурии [11, с. 50]. Наиболее слабым местом были резервы, которые не прошли своевременного обучения. Массы мобилизованных, подлежащих призыву, и весь русский народ в целом морально не были готовы к военным действиям [11, с. 50].

В связи с этим считаем уместным привести, несомненно, заслуживающее внимание замечание А. А. Брусилова: «Если бы в войсках какой-либо начальник вздумал объяснить своим подчинённым, что наш главный враг – немец, что он собирается напасть на нас и что мы должны всеми силами готовиться отразить его, то этот господин был бы немедленно выгнан со службы, если только не предан суду» [2, с. 65]. По мнению Л. В. Ланника, в русской армии сознанием роковых последствий возможного поражения не были проникнуты ни низы, ни верхи. Низы плохо представляли себе расстановку сил и причины войны, верхи были убеждены в невозможности поражения или по меньшей мере тяжёлых последствий его для статуса России как великой державы [9, с. 67].

Патриотический подъём начала войны, по мнению К. Г. Маннергейма, был не более чем «показным выступлением» [11, с. 50]. Нам представляется данное утверждение бывшего генерал-лейтенанта русской императорской армии не соответствующим действительности. Патрио-

тический подъём в начале войны действительно был, но это был кратковременный порыв, а не мужественная готовность переносить длительные тяготы и лишения. Российский военачальник В. Е. Флуг объясняет это особенностями русского национального характера, опираясь на данные литературы (в том числе на мнения А. С. Пушкина, В. О. Ключевского, М. И. Драгомирова и др.), а также собственный богатый опыт. Делая акцент на негативных чертах русского менталитета, Флуг, помимо всего прочего, выделяет неспособность к продолжительному напряжению воли, физическую и умственную лень [3].

По мнению А. И. Деникина, российская военная идеология заключалась в формуле: «За веру, царя и отечество», но в солдатских массах она не была глубоко укоренена. Это же можно сказать о распространении религиозной веры в армии [6, с. 8]. А. И. Деникин полагал, что «в числе моральных элементов, поддерживающих дух русских войск, вера не стала началом, побуждающим их на подвиг или сдерживающим от развития впоследствии звериных инстинктов» [6, с. 10]. По мнению Деникина, русский народ страдал недостатком патриотизма. Когда началась война, её приняли с большим подъёмом, местами с энтузиазмом, однако, «народ подымался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы. Его психология не подымалась до восприятия отвлечённых национальных догматов» [6, с. 10].

Следует заметить, что никто из стран-участниц Первой мировой войны не был готов к длительной позиционной войне, которая оказала существенное влияние на тактику ведения боевых действий, в частности, резко ограничив возможности обходов и охватов флангов и вынуждая атаковать в лоб сильно укреплённые позиции. Предыдущий опыт ведения военных действий – это опыт XIX века, когда европейские государства находились на принципиально иной стадии развития, для которой были характерны войны иной продолжительности [14, с. 142–143].

Отдельного внимания заслуживает корпус офицеров русской императорской армии. Как считал генерал В. Е. Флуг: «русский офицерский корпус в массе не обладал, по крайней мере, в главном роде войск качествами, присущими воину по призванию: авторитетом, инициативой, предприимчивостью, неукротимой волей к победе. Его храбрость имела вообще определённо пассивный характер. Поддерживать строгую дисциплину в условиях военного времени офицеры в массе, по недостатку авторитета, не умели». Вследствие существовавшей в России системы подготовки армейские офицеры были «добросовестными, дисциплинированными, исполнительными, удовлетворительно знающими свои непосредственные обязанности «служаками», но в то же время боящимися ответственности, пассивными, лишёнными инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью» [3].

Самостоятельность, инициатива в работе, твёрдость в убеждениях и личная инициатива не поощрялись. По мнению А. В. Ганина, «Российская империя не имела подготовленного запаса командных кадров на случай большой войны» [4, с. 31]. Далее исследователь приводит оценки уровня подготовки командиров различных уровней: «Современники и исследователи признают высокий уровень подготовки командиров рот русской пехоты накануне Первой мировой войны, достаточно низкий уровень подготовки командиров батальонов (исключая гвардию), хорошую тактическую выучку командиров полков, удовлетворительный уровень начальников пехотных дивизий и командиров корпусов и неудовлетворительную подготовленность командующих армиями и фронтами» [4, с. 31].

По воспоминаниям генерал-лейтенанта Генерального штаба А. С. Лукомского, война застала русское военное ведомство «ещё не закончившим заготовку всего того, что было необходимо для армии», но оно не бездействовало, отдав распоряжение «развить максимальную производительность всех казённых заводов и мастерских и срочно дать заказы частной промышленности на заготовку всего недостающего» [10, с. 272]. Однако до войны ничего не было сде-

лано для перевода, в случае мобилизации, частной промышленности на производство продукции для нужд армии. Когда вскоре после начала войны стал ощущаться недостаток снарядов, Главное артиллерийское управление пыталось убедить, что это является следствием перерасхода в войсках [10, с. 273].

Такая позиция, по нашему мнению, объясняется отсутствием понимания военных чиновников реальных масштабов военных действий и медлительностью в принятии решений. С октября 1914 г. обнаружился дефицит винтовок, патронов, телеграфного и телефонного имущества. Созданных перед войной запасов оказалось недостаточно [10, с. 274]. Когда началась война, вспоминал А. С. Лукомский, то только очень немногие из признанных военных специалистов считали, что она может продлиться больше года [10, с. 274].

По мнению генерала В. А. Слюсаренко, порядок и дисциплина в войсках, как и воинский дух были хорошими. Благодаря требованиям вышестоящего командования и проверкам, стрелковая подготовка в пехоте была на высоком уровне [18, с. 20]. В артиллерии под руководством великого князя Сергея Михайловича был учтён опыт русско-японской войны; в частности, постоянно практиковалась стрельба с закрытых позиций и управление огнём с наблюдательных пунктов. В 1906 году было создано Наставление для боя полевой артиллерии, опиравшееся на принципы французского наставления с учётом опыта русско-японской войны. Российская полевая артиллерия была хорошо подготовлена к войне, что признавали, как союзники России, так и немцы [18, с. 20–21].

Российская кавалерия была подчинена командованию общевойсковых армий. Несомненную пользу принесли тактические занятия, полевые поездки и манёвры войск, проводившиеся преимущественно в районах предполагаемых военных действий, особенно когда лиц высшего командования, не проявлявших надлежащей инициативы и знаний, освобождали от занимаемых должностей. В частности, были отчислены после больших манёвров на реке Дитве два командира корпусов [18, с. 21]. Авиация, как считал В. А. Слюсаренко, находилась на начальном этапе своего развития и даже высшее командование не понимало, как можно её использовать в предстоящей войне [18, с. 22].

По мнению А. А. Свечина, низкая оценка боеспособности русской армии к началу мировой войны не соответствовала действительности. Благодаря значительному увеличению финансирования военного министерства удалось восстановить и увеличить все неприкосновенные запасы, потраченные во время русско-японской войны. Как полагал Свечин, благодаря опыту, полученному в русско-японскую войну, к началу Первой мировой войны русская армия улучшила снабжение и организацию, увеличив свою боеспособность за последние 10 лет, как минимум на 300 %. Значительный прогресс был достигнут как в тактической подготовке войск, так и в улучшении подготовки среднего и низшего командного состава.

Организация артиллерии была неудовлетворительной, тяжёлой артиллерии было мало, хотя в техническом отношении российская артиллерия была значительно лучше, чем во время русско-японской войны, и находилась на одном уровне с артиллерией лучших армий мира [17, с. 6–7]. Русская армия после окончания русско-японской войны пыталась повысить качества при сохранении прежней численности – около 1225 тыс. человек. К осени 1913 г. после разработки «Большой военной программы» увеличили призыв новобранцев на 30 %, но было много нестроевых. Российская армия уступала германской в подготовке высшего командного состава и обучения войск, а также по силе артиллерии.

Согласно данным А. А. Свечина, в русском армейском корпусе было 96 полевых пушек и 8 гаубиц, в то время как в Германии 108 полевых пушек, 36 лёгких и 10 тяжёлых гаубиц. Благодаря этому, германской пехоте было легче решать боевые, особенно наступательные, задачи и приводило к меньшим потерям [17, с. 6–7].

Как утверждает Альфред Нокс, Россия начала войну, имея в составе своей армии 114 пехотных и примерно 36 кавалерийских дивизий [13]. Нокс, ссылаясь на репортёра, написавшего в ноябре 1909 г. статью в газете «Danzer's Armees Zeitung», сравнивает русскую армию с силь-

ным, но неповоротливым борцом, который обречён на поражение в схватке с более быстрым и умным соперником. Это было связано с нехваткой современного вооружения, а также особенностями национального характера русского народа в куда большей степени, чем некомпетентностью командования и недостаточной подготовкой личного состава [13].

В секретной записке германского Большого Генерального штаба было отмечено, что после окончания русско-японской войны русская императорская армия подверглась модернизации. Это проявлялось в улучшении материального обеспечения, обучения, увеличения офицерского и унтер-офицерского корпуса, тяжёлой артиллерии. Благодаря экономическому подъёму расходы на оборону России значительно возросли, по мнению немцев, они значительно превосходили расходы других стран. Были изменены все уставы, с учётом французских и в ещё большей степени немецких взглядов, с адаптацией к российским условиям.

Тем не менее все успехи в повышении боеспособности русской армии перед Первой мировой войной ограничивались отрицательными качествами, присущими, как считал германский Генштаб, русскому народу: «нежелание заниматься методической работой, боязнь ответственности, отсутствие инициативы и слабое чувство долга». Русский народ тем не менее обладает хорошими и даже завидными военными качествами. Недостатком была и медлительность передвижения русских войск [12, с. 97–98].

По мнению российского и советского военачальника А. М. Зайончковского, «русские дивизии и корпуса медленно передвигались, тогда как германские корпуса проходили по 30 км много дней подряд, русские с трудом только по 20 км» [7, с. 14]. Русским командирам были присущи постоянная медлительность, ожидание приказов, шаблонные действия. Вывод, к которому пришёл Большой Генеральный штаб будущего главного противника России: «при столкновении с русскими германское командование сможет осмелиться на манёвры, которых оно не позволило бы себе против другого равного противника» [12, с. 97–98].

За десять лет до начала Первой мировой войны только Россия из числа великих держав обладала опытом ведения современной войны (речь идёт о русско-японской войне). Это оказало влияние, по мнению А. М. Зайончковского, на развитие русских вооружённых сил. По его данным численность русской армии после мобилизации достигла в 1914 г. 1816 батальонов, 1110 эскадронов и 7088 орудий, 85% которых могло быть направлено на Западный театр военных действий. Улучшено было качество военнообязанных, находящихся в запасе [7, с. 13]. В русской армии, как считал А. М. Зайончковский, перед Первой мировой войной больше внимания начали уделять значению огня, пулемётов, взаимосвязи артиллерии с пехотой, индивидуальное обучение отдельного бойца, на подготовку младшего командного и офицерского состава и на роль решительных действий [7, с. 13].

Вместе с этим в России были сложности для создания новых формирований, недостаточно артиллерии, особенно тяжёлой, плохо подготовлен высший командный состав, не подготовленная для ведения большой войны страна и её военное управление и совершенно не подготовленная к переходу на работу в военное время промышленность [7, с. 14–15]. Вывод боевого генерала краток и неутешителен: «Русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами» [7, с. 15].

4. Заключение

Проанализировав воспоминания генералов русской императорской армии, принимавших личное участие в Первой мировой войне, а также британского военного атташе в России А. Нокса, можно сделать следующие выводы. Политическое руководство России, несомненно, готовилось к войне и готовило вооружённые силы страны. Представляется, что ни одна из стран-участниц Первой мировой войны, включая Россию, в лице правительств этих стран, до начала военных действий не представляла ни характер, ни продолжительность военных действий, ни масштаб, ни то напряжение сил, которое потребуется, чтобы одержать в ней победу. Российское правительство извлекло уроки из поражения в русско-японской войне и пыталось увеличить боеспособность русской армии, но эти попытки натолкнулись на объективные пре-

пятствия. Эти препятствия вытекали из особенностей политической системы России и специфической русской модели управления.

По мнению российского исследователя А. П. Прохорова: «Что было главным нервом российской системы управления? Какого рода отношения? Отношения по мобилизации и распределению ресурсов. Благодаря тому, что в русскую систему управления изначально вмонтирован механизм, позволяющий мобилизовывать, перебрасывать и перераспределять ресурсы, то главную роль в России играют те группы населения, которые опосредуют мобилизацию и перераспределение» [16, с. 34]. Для эффективной работы данного механизма необходимо, чтобы социальные группы и элиты страны, осуществляющие мобилизацию и перераспределение, хорошо понимали задачи, которые предстоит решать, были дисциплинированы и ответственны. Высший слой российского общества, начиная с самого императора, как нам представляется, таковым не был.

Верхи императорской России, как утверждает О. Р. Айрапетов, явно оказались не на высоте задач, которые ставило перед государством время. Не стала исключением из этого правила и военная элита [1, с. 13].

Индустриализация, руководимая С. Ю. Витте, и аграрная реформа П. А. Столыпина, и создание законодательного органа — Государственной Думы не помогли ликвидировать отставание России от передовых западных стран ни в развитии промышленности, ни в области техники и технологий, ни в социальных и политических институтах. Учитывая, что в Первой мировой войне в невиданных ранее масштабах использовалась военная техника, можно смело считать эту войну войной машин. Техническое отставание русской армии признавалось российскими военачальниками. Для того, чтобы преодолеть это отставание были необходимы кардинальное изменение общественно-политического строя и время. Ни того, ни другого у России перед Первой мировой войной не было. Военно-политическое руководство Российской империи готовилось к Первой мировой войне, расходуя значительные, хотя и недостаточные средства на вооружённые силы страны. Удалось повысить уровень боеспособности русской императорской армии по сравнению с русско-японской войной. Однако социально-экономическая и техническая отсталость России от наиболее развитых стран мира, как союзников, так и противников в будущей войне, ограничивали возможности модернизации армии и флота. Преодолеть это отставание в рамках существующей политической системы и при ограниченном количестве времени было невозможно.

Список источников и литературы

1. Айрапетов, О. Р. (2014). *Участие Российской империи в Первой мировой войне*. М.: Кучково поле. 640 с.
2. Брусилов, А. А. (1941). *Воспоминания*. М.: Военное издательство Наркомата обороны СССР. 230 с.
3. Ганин, А. В. (2018). *Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922*. М.: Старая Басманная. 272 с.
4. Герасимов, В. В. (ред.) (2014). *Вооруженные силы России в Первой мировой войне (1914–1917)*. Т. 1–2. М.: Мегapolis. 744 + 786 с.
5. Гурко, В. И. (2007). *Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом 1914–1917*. М.: Центрполиграф. 399 с.
6. Деникин, А. И. (1921). *Очерки русской смуты*. Т. 1. Париж: 183 с.
7. Зайончковский, А. М. (2002). *Первая мировая война*. СПб.: Полигон. 878 с.
8. Киган, Д. (2004). *Первая мировая война*. М.: 416 с.
9. Ланник, Л. В. (2018). *Русский фронт, 1914–1917 годы*. СПб.: Наука. 287 с.
10. Лукомский, А. С. (2012). *Очерки из моей жизни. Воспоминания*. М.: Айрис-пресс. 752 с.

11. Маннергейм, К. Г. (2011). *Мемуары*. М.: Вагриус. 571 с.
12. Миронов, В. Б. (2014). *Первая мировая война. Борьба миров*. М.: ОЛМА Медиа Групп. 304 с.
13. Нокс, А. (2021). *Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914–1917*. М.: Центрполиграф. 480 с.
14. *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации* (2014). Под ред. Белоусова, Л. С. А. С. Манькина, А. С. М.: Изд-во Моск. ун-та. 816 с.
15. Петров, П. П. (1965). *Роковые годы. 1914–1920*. Калифорния. 320 с.
16. Попов, Г. Г. (2010) *Почему Россия не могла не проиграть Первую мировую войну (социально-экономические аспекты) // Вопросы регулирования экономики №3. 92-105.*
17. Прохоров, А. П. (2002). *Русская модель управления*. М.: Журнал «Эксперт». 376 с.
18. Свечин, А. А. (2009). *Великая забытая война*. М.: Эксмо. 592 с.
19. Слюсаренко, В. А. (2016). *На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции. Воспоминания. 1914–1921*. М.: Кучково поле. 592 с.
20. Собожников, Н. А., Чедурова, Е. М. (2016). *Россия в первой мировой войне: перспективы, военно-экономический взгляд // Международный научно-исследовательский журнал. № 11–1 (53). С. 111–115.*
21. Хавкин, Б. Л. (2014). *Русский фронт первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Новая и новейшая история. № 1. С. 3–16.*
22. Экк, В. Э. (2014). *От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918*. М.: Кучково поле. 576 с.

References

1. Ayrapetov, O. R. (2014). *Uchastie Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne. 1914* [Participation of the Russian Empire in the First World War. 1914]. Moscow, Kuchkovo pole, 640. (in Russian).
2. Brusilov, A. A. (1941). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Voennoye izdatel'stvo Narcomata oborony SSSR, 230. (in Russian).
3. Ganin, A. V. (2018). *Oficerskiy korpus v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917–1922* [The Officer Corps during the Civil War in Russia 1917–1922]. Moscow, Staraya Basmannaya, 272. (in Russian).
4. Gerasimov, V. V. (2014). *Vooruzhennyye sily Rossii v Pervoy mirovoy voyne (1914–1917)* [Armed Forces of Russia in the First World War (1914–1917)]. Moscow, Megapolis, 1–2, 744 + 786. (in Russian).
5. Gurko, V. I. (2007). *Voyna i revolyutsiya v Rossii. Memuary komanduyushchego Zapadnym frontom 1914–1917* [War and Revolution in Russia. Memoirs of the Commander of the Western Front 1914–1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 399. (in Russian).
6. Denikin, A. I. (1921). *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian Turmoil]. Paris, 1, 183. (in Russian).
7. Zayonchkovskiy, A. M. (2002). *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. St. Petersburg, Poligon, 878. (in Russian).
8. Keegan, J. (2004). *Pervaya mirovaya voyna* [The First World War]. Moscow, 416. (in Russian).
9. Lannik, L. V. (2018). *Russkiy front, 1914–1917 gody* [The Russian Front, 1914–1917]. St. Petersburg, Nauka, 287. (in Russian).
10. Lukomskiy, A. S. (2012). *Ocherki iz moyey zhizni. Vospominaniya* [Essays from My Life. Memoirs]. Moscow, Airis-press, 752. (in Russian).
11. Mannerheim, K. G. (2011). *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Vagrius, 571. (in Russian).

12. Mironov, V. B. (2014). *Pervaya mirovaya voyna. Bor'ba mirov* [The First World War. Struggle of Worlds]. Moscow, OLMA Media Group, 304. (in Russian).
13. Knox, A. (2021). *Vmeste s russkoy armiey. Dnevnik voennogo attashe 1914–1917* [Together with the Russian Army. Diary of a Military Attaché 1914–1917]. Moscow, Tsentrpoligraf, 480. (in Russian).
14. *Pervaya mirovaya voyna i sud'by evropeyskoy tsivilizatsii* [The First World War and the Fate of European Civilization] (2014). Belousov L. S., Manykin A. S. (eds.). Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 816. (in Russian).
15. Petrov, P. P. (1965). *Rokovyye gody. 1914–1920* [Fateful Years. 1914–1920]. California, 320. (in Russian).
16. Popov, G.G. (2010) *Pochemu Rossiya ne mogla ne proigrat' Pervuyu mirovuyu voynu (sotsial'no- ekonomicheskiye aspekty)* [Why Russia Could Not Help Losing the First World War (Socio-Economic Aspects)] in *Voprosy regulirovaniya ekonomiki*, 3, 92-105. (in Russian).
17. Prokhorov, A. P. (2002). *Russkaya model' upravleniya* [The Russian Model of Management]. Moscow, Zhurnal «Ekspert», 376. (in Russian).
18. Svechin, A. A. (2009). *Velikaya zabytaya voyna* [The Great Forgotten War]. Moscow, Yauza; Eksmo, 592. (in Russian).
19. Slyusarenko, V. A. (2016). *Na Mirovoy voyne, v Dobrovol'cheskoy armii i emigratsii. Vospominaniya. 1914–1921* [In the World War, in the Volunteer Army and in Emigration. Memoirs. 1914–1921]. Moscow, Kuchkovo pole, 592. (in Russian).
20. Sobozhnikov, N. A., Chedurova, E. M. (2016). Rossiya v pervoy mirovoy voyne: perspektivy, voenno-ekonomicheskiy vzglyad [Russia in the First World War: Prospects, Military-Economic View] in *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2016, 11–1(53), 111–115. (in Russian).
21. Khavkin, B. L. (2014). Russkiy front pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) [The Russian Front of the First World War (1914–1918)] in *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2014, 1, 3–16. (in Russian).
22. Eck, V. E. (2014). *Ot Russko-turetskoy do Mirovoy voyny. Vospominaniya o sluzhbe. 1868–1918* [From the Russo-Turkish to the World War. Memoirs of Service. 1868–1918]. Moscow, Kuchkovo pole, 576. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-43-1-15-42>

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140>
УДК 93/94

УЧАСТИЕ НАЧАЛЬНИКА АСТРАБАДСКОЙ МОРСКОЙ СТАНЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В ПЕРСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.А. Федорик

*Воронежский государственный
аграрный университет имени императора Петра I,
ул. Мичурина, 1, Воронеж, 394087, Россия*

Аннотация

Введение. В статье исследуется деятельность начальника Астрабадской морской станции на о. Ашур-Адэ как ключевого агента военно-политической разведки России в Персии в сер. XIX – нач. XX вв. **Материалы и методы.** Для исследования были привлечены различные исторические методы. Основу исследования составил комплексный анализ ранее не публиковавшихся документов из фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), впервые вводимых в научный оборот. Использование проблемно-хронологического метода позволило реконструировать эволюцию статуса, функций и практической деятельности начальника станции в контексте меняющейся региональной политики. **Результаты.** В статье на основе архивных материалов доказывается, что, формально оставаясь флотским офицером, начальник станции выполнял гибридный комплекс функций, включавший военно-политическую и экономическую разведку, ведение дипломатических переговоров с персидскими властями и туркменскими лидерами, административное управление и полицейский надзор в регионе. Показано, что стратегическое значение станции последовательно возрастало в периоды обострения «Большой игры», русских среднеазиатских походов и революционных событий в Иране. **Заключение.** Проведенное исследование позволяет заключить, что Астрабадская морская станция являлась уникальным гибридным институтом имперского управления на границе, чья деятельность обеспечивала реализацию военно-политических и экономических интересов России на юго-восточном побережье Каспия. Роль ее начальника выходила далеко за рамки флотской службы, превращая его в ключевую фигуру российской политики в Персии. Ликвидация станции после 1917 года стала символом завершения эпохи имперского присутствия в регионе.

Ключевые слова: Астрабадская морская станция, о. Ашур-Адэ, Российская империя, Персия, Каспийская флотилия, «Большая игра», военная разведка, гибридный институт управления, туркменские племена, русско-персидские отношения.

Для цитирования: Федорик И.А. (2026). Участие начальника Астрабадской морской станции в реализации военно-политических интересов России в Персии (вторая половина XIX – начало XX вв. // История: факты и символы. № 1 (46). С. 129-140 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140>

Статья поступила: 10.09.2025

Статья принята в печать: 12.01.2026

Статья опубликована: 17.03.2026

© Федорик И., 2026

**THE ACTIVITY OF THE HEAD OF THE ASTARABAD NAVAL STATION
IN THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S MILITARY-POLITICAL INTERESTS IN
PERSIA (SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)**

I.A. Fedorik

*Voronezh State Agrarian University
named after Emperor Peter I,
1 Michurina St., Voronezh, 394087, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the specifics of the activities of the head of the Astarabad naval station on Ashur-Ada Island as a key agent of Russia's military-political intelligence in Persia in the mid-19th to early 20th centuries. **Materials and methods.** Various historical methods were used for the study. The research is based on a comprehensive analysis of previously unpublished documents from the collections of the Russian State Archive of the Navy (RSAVMF), introduced into scholarly circulation for the first time. The use of the problem-chronological method made it possible to reconstruct the evolution of the status, functions, and practical activities of the station head within the context of changing regional policy. **Results.** Drawing on archival materials, the article demonstrates that, while formally a naval officer, the station head performed a hybrid set of functions encompassing military and economic intelligence, diplomatic negotiations with Persian authorities and Turkmen leaders, administrative management, and police supervision in the region. It is shown that the strategic significance of the station grew consistently during periods of heightened tensions in the "Great Game," Russian campaigns in Central Asia, revolutionary events in Iran. **Conclusion.** The study concludes that the Astarabad naval station was a unique hybrid institution of imperial border governance, whose activities secured the advancement of Russia's military-political and economic interests on the southeastern coast of the Caspian Sea. The role of its head extended far beyond naval duties, establishing him as a pivotal figure in Russian policy in Persia. The station's liquidation after 1917 marked the end of an era of imperial presence in the region.

Keywords: Astarabad naval station, Ashur-Ada Island, Russian Empire, Persia, Caspian Flotilla, "Great Game," military intelligence, hybrid management institution, Turkmen tribes, Russian-Persian relations

For citation: Fedorik I.A. (2026). The activity of the head of the Astarabad naval station in the implementation of Russia's military-political interests in Persia (second half of the 19th – early 20th centuries) in *History: facts and symbols*, 1 (46), 129-140. doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-129-140

Received: 10.09.2025

Revised: 12.01.2026

Published: 17.03.2026

© Fedorik I., 2026

1. Введение

Проникновение Российской империи в Персию (Иран) и Среднюю Азию в XIX веке было сопряжено не только с сухопутными кампаниями, но и с необходимостью утверждения влияния на Каспийском море. Одним из ключевых направлений становления военно-морской разведки России в Персии стало юго-восточное, «туркменское» направление в районе Астрабадского залива. Слабость персидской власти, конфликты с туркменскими племенами, угрожавшие безопасности судоходства, и активность британских агентов создавали прямую угрозу российским интересам и обусловили необходимость постоянного военно-политического присутствия. Одной из ключевых проблем региона оставалась нестабильность в прикаспийских областях Персии, вызванная конфликтами между персидскими властями и туркменскими пле-

менами. Ответом на этот вызов стало создание в 1842 году Астрабадской морской станции на острове Ашур-Адэ (также встречаются варианты написания Ашур-Аде, Ашурада, Ашур-Ада, Ашураде). Данная статья исследует историю этой станции как сложного, гибридного института, чьи функции далеко выходили за рамки простого военного поста и эволюционировали в соответствии с логикой «Большой игры» и стратегическими задачами империи.

2. Материалы и методы

Методологической основой исследования является проблемно-хронологический подход, позволяющий последовательно анализировать трансформацию задач, функций и статуса Астрабадской станции на протяжении более семи десятилетий. Основным источником для работы послужили документы фондов Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), в которых содержатся рапорты начальников станции, их переписка с российским посланником в Тегеране, командирами портов, а также донесения разведывательного и экономического характера¹. Эти материалы позволяют реконструировать повседневную деятельность станции и оценить самостоятельность ее руководителей. Для понимания стратегического контекста привлечены военно-статистические очерки и исследования современников событий, таких как Л.К. Артамонов, А.М. Золотарев, К.Н. Петриченко [1; 4; 8]. Труды современных историков Л.М. Кулагиной и Н.К. Тер-Оганова [6; 7; 12] помогают вписать деятельность станции в общую картину российско-персидских отношений и разведывательной работы на Кавказе и в Иране.

3. Результаты

Одной из центральных задач Российской империи в XIX веке было проникновение в Среднюю Азию и, в том числе, налаживание торговых связей с многочисленными туркменскими племенами. Контроль над этим своенравным народом был болезненной темой для персидского шахства, которое изначально считало туркмен своими подданными [9, с. 31]. Неоднократно Персия выступала с карательными отрядами к неповинуящимся туркменам, те нещадно мстили, совершая набеги на персидские поселения Астрабадской и Мазендаранской провинций. Персия жаловалась России, что не может пресечь разбои прибрежных племен из-за невозможности иметь военный флот на Каспии. Кроме того, жалобы Персии в конце 30-х годов XIX века были направлены и на российских рыбопромышленников, якобы снабжающих туркмен средствами для разбоев. Ввиду этого у персидских берегов в районе Астрабадского залива, который был давно под пристальным влиянием Российского правительства, было принято решение об устройстве крейсерства. В 1842 г. по разрешению Персии в заливе была обустроена военная морская станция у острова Ашур-Адэ, но фактически, еще в период базирования Каспийской флотилии на о.Сара, под официальным предлогом наблюдения за действиями рыбопромышленников Россия усилила военное присутствие у персидских берегов. В следующие годы крейсерство обеспечивало безопасность не только персам, но и русским торговцам от разбойнических нападений туркмен². После экспедиции капитана 1-го ранга Путятина туркмены поутихли, в последующие годы контроль за торговыми отношениями и политическими наблюдениями ложился на плечи начальника Астрабадской морской станции, который непрерывно вел кропотливую работу, докладывая о своих действиях руководству по нескольким направлениям³. В первое время начальник станции состоял в должности командующего отрядом судов в Астрабадском заливе и направлял рапорты российскому посланнику в Тегеране,

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 2. Оп.1. Д. 171; Там же. Ф. 251. Оп. 1. Д. 370; Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 411; Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221; Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417; Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 4772; Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 427; Там же. Ф. 283, Оп. 3, Д. 1775; Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192; Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131; Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 6268; Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3811; Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4152; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1377; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2948; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3227; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4207; Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4472.

² Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417.

³ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221.

копии – командиру Астраханского порта (после переноса военного порта в Баку – начальнику Бактинского порта)¹. В 1874 году, после основания Закаспийского военного отдела, гибридный статус начальника Астрабадской морской станции был официально подтвержден в ходе заседания особого комитета: по всем вопросам, касающимся управления заатреками туркменами начальник действует по указаниям начальника Закаспийского военного отдела; по делам, касающимся отношений прибрежных туркмен к персидским подданным других частей Персии, и вообще по всем предметам, касающимся интересов Персии, начальник станции остается в подчинении посланнику в Тегеране; независимо от поименованных обязанностей, начальник Астрабадской станции должен представить через командира Бакинского порта главнокомандующему Кавказской армией донесение о положении дел в юго-восточном прибрежье Каспийского моря [9, с. 170 – 172].

Функции Астрабадской морской станции носили комплексный характер, что было обусловлено стратегическим положением в зоне пересечения российских, персидских и туркменских интересов, а именно:

- обеспечение безопасности и контроль над акваторией, морской полицейский надзор и карательные экспедиции;

- военно-политическое присутствие и административные функции;

- сбор разведывательной информации и ресурсные исследования;

- контроль над торговыми отношениями.

Таким образом, Астрабадская станция сочетала в себе черты военной базы, дипломатической миссии, разведывательного пункта и исследовательской станции.

Первоначальная задача Астрабадского отряда ограничивалась крейсерством у берегов Персии и Туркмении. Однако архивные документы показывают, что его функции включали в себя также экономическую и ресурсную разведку. Начальник станции сообщал о перспективных месторождениях, организовывал сбор и отправку в Россию образцов каменного угля², серы³ и различных пород древесины, произрастающих в пределах Персии⁴, для испытания их качества и промышленного потенциала.

В 40-х годах XIX века, когда русские только прощупывали торговые пути с туркменами, на начальника станции были возложены обязанности по организации торговой фактории в районе селения Гязь. Остается удивляться дипломатической образованности и невероятной изобретательности, проявленной, к примеру, начальником станции Воеводским в 1847 году, о действиях которого писал в журнале «Морской сборник» К. Петриченко – будущий начальник Астрабадской станции спустя десятки лет. Петриченко с талантом непревзойденного писателя рассказывает об интересном эпизоде, произведенном Воеводским для нейтрализации персидских провокаций: при охране Гязской фактории караульные однажды позабыли убрать фальконет; персидские власти немедленно обвинили Россию в придании торговому посту «военного характера», что грозило серьезным дипломатическим скандалом. Воеводский, действуя через посланника, представил орудие как «деревянную модель» [8, с. 308]. Этот эпизод демонстрирует, что российские представители были готовы к подобным конфликтам и действовали в духе тонкой политической игры, где быстрота реакции и «легенда» значили не меньше, чем военная сила.

Налаживание российских торговых связей с туркменами настолько беспокоило Персию, что каджарские власти Астрабадской и Мазендаранской провинций всячески пытались вести (зачастую с помощью английских агентов) антирусские подстрекательства среди туркмен. Вмешательство российского посланника в Персии заставляло персов идти на уступки, но нена-

¹ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 1775.

² Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1221.

³ Там же. Ф. 256. Оп. 1. Д. 1417.

⁴ Там же. Ф. 256. Оп. 2. Д. 411.

долго. В 1851 году произошло нападение туркмен на Ашур-Адэ, в связи с чем в Астрабадский залив прибыл капитан 1-го ранга Н.К. Краббе для расследования всех вопросов¹. По документам дела и отчету начальника станции капитана-лейтенанта Вендриха мы видим, в каких сложных условиях приходилось работать, контролируя (путем выдачи билетов, например) торговые отношения туркмен и персов². Начальник Астрабадской станции регулярно писал рапорты, но в связи с неотлагательностью многих вопросов ему приходилось самостоятельно принимать решения, действуя по собственной инициативе. Так, в деле о нападении на Ашур-Адэ Вендрих сообщает, что туркмены действовали с попечительства губернатора Мазендарана принца Мегди Кули, который не только покровительствовал туркменам, но и всячески награждал старейшин, восставших против русского отряда³. Вендрих также докладывает о причине своих действий в ответ на жалобу правителя Мазендарана против монопольной торговли нефтью и солью туркмена Кадыр-Мухаммед-хана (Ниязов)⁴. «Монополия» была инициативой начальника станции, поскольку он, после нападения туркмен на русские суда, воспретил всем туркменским лодкам посещать берега Мазендарана, кроме лодок Кадыр-Мухаммед-хана (Ниязов), поскольку тот оставался верен российскому отряду⁵.

Вполне возможно, что после этого начальнику дается «зеленый свет» в проведении карательных экспедиций. В 1858 году за отказ туркмен выдать русских пленных, захваченных на коммерческих судах, начальник станции капитан-лейтенант Лихарев во главе вооруженного отряда на двух пароходах провел операцию по уничтожению туркменского аула⁶.

В период «Большой игры» одной из важнейших задач Астрабадской станции было наблюдение за англичанами в Персии. Недовольные успехами России на среднеазиатской арене, англичане отправляли своих агентов в туркменские степи для подстрекательства старейшин против русских. Английские агенты пробирались через Персию; по большей части персы не только были в курсе, но и помогали англичанам достигать цели. В Персии за англичанами в Астрабаде и Мазендаране следил и российский консул, получавший сведения из разных источников и направлявший их начальнику Астрабадской станции с дальнейшими инструкциями. Небезызвестный консул Ч. Ф. Макензи в период пребывания в Гилянской и Мазендаранской провинции в 1859 году намеревался пробраться к туркменам «для неблагоприятных российским видам сношений». В своем письме российский консул в Астрабаде В. Гусев отмечает, что использует всяческие меры, чтобы воспрепятствовать данной поездке, но мало рассчитывает на содействие шахских властей⁷.

К 70-м годам XIX века в связи с переброской российских войск по среднеазиатскому театру торговля персов в Красноводском заливе шла с разрешения начальника Астрабадской станции. В 1869 году капитан 2-го ранга Петриченко запретил торговлю в этом районе из-за находящихся в заливе военных кораблей, «чтобы не было слухов и власти Астрабада ничего не узнали» [9, с. 26]. Кроме того, Петриченко активно участвовал в разработке «особых операций» по привлечению старейшин приморских туркмен. В 1871 году он «перехватил» некоего Ильгельды, который намеревался направиться с подарком к хивинскому хану, и заручился его согласием на оказание помощи в подготовке конного отряда подполковника Маркозова (назначенного вместо Столетова на должность начальника Красноводского отряда) во время рекогносцировки. Доподлинно неизвестно, был ли этот шаг причиной ареста десяти туркменских старейшин персидскими властями в Астрабаде. Петриченко, докладывая о данном деле, понимал все последствия и принял самостоятельное решение о поездке в Астрабад под предлогом

¹ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131.

² Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.1.

³ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.17.

⁴ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.14.

⁵ Там же. Ф. 296. Оп. 1. Д. 131. Л.14.

⁶ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 427. Лл. 5 – 8.

⁷ Там же. Ф. 251. Оп. 1. Д. 370.

нанести визит консулу, где он вступил в частный разговор с губернатором в защиту арестованных туркмен [9, с. 59 – 60].

В разгар завоевательных операций в Средней Азии наблюдение за туркменскими племенами, а также за астрабадскими властями велось непрерывно. По документам мы видим, как из года в год рапорты начальника станции выявляют как туркменские [9, с. 48 – 49, 52 – 53], так и персидские угрозы. В 1876 году, уже после образования Закаспийского военного отдела, рапорт начальника Астрабадской станции капитана 1-го ранга Зайкина показывает, насколько хитро действовали туркмены против персов, используя своих же «сородичей» из других племен. Докладывая российскому посланнику о жестоком обращении каджарских властей во время военного похода в туркменские степи, Зайкин сообщает о намерении туркмен-яралийцев отобрать у приморских туркмен куласы, чтобы совершать грабежи по берегам Астрабадского залива [9, с. 237 – 239].

После подписания Конвенции 1881 года, определившей российско-персидскую границу, Астрабадская станция не потеряла смысла, более того, в новых условиях начальнику прибавилось проблем в связи с тем, что перекочевки туркменских племен (йомудов) являлись источником конфликтов между Персией и Россией [7, с. 64]. После установления границ Россия лишилась рычагов давления на туркмен, находившихся на персидской стороне. Зачастую персидские власти использовали туркмен в качестве инструмента против российских интересов, укрывая, например, преступников, о чем в своих донесениях докладывает начальник станции. Так, в одном из рапортов за 1884 год капитан 2-го ранга Канин пишет о невозможности исполнять морской надзор и приводит пример укрывательства астрабадскими властями туркмена по делу подполковника Щербины, преданного суду за растрату денег. Главным виновником оказался туркмен, обворовавший Щербину¹. Более ценные сведения содержатся в размышлениях Канина о возможной персидской опасности в случае закрытия станции и ухода русского флота из Астрабадского залива. В последнее время, пишет он, активно развивается туркменская рыболовная «флотилия», кроме того, при использовании туркменами канала «Бургун» Астрабадская станция не сможет контролировать племена ввиду скрытого положения этого канала. Туркменские лодки вполне могли бы стать будущей персидской армадой (300-400 лодок)². Канин понимает, что любые плавсредства могут быть милитаризованы. Его фраза о «будущей персидской армаде, так необходимой нам самим» звучит как горькая ирония.

Нелегко приходилось Канину в тот же период при участии в конфликтах между персидскими властями и туркменами. В рапорте за тот же год он сообщает, что запретил каренджикам ходить в Мазендаран из-за задержания туркменских лодок неким ферикинарцем Ага-Гассан-Кули, действующим под покровительством персидских властей. Канин, зная, что в Мазендаране есть агент российского консульства, шифровал управляющему сообщение и послал канонерскую лодку «Секира» с лейтенантом Николаевым, который при выяснении обстоятельств, помимо прочего, допросил агента общества «Кавказ и Меркурий»³.

Довольно болезненно персидские власти реагируют на действия Астрабадской станции при попытках осуществления полицейского надзора в туркменских аулах. Капитан Эсмонт в 1883 году пишет объяснительную в связи с официальной жалобой персидского посланника на отправку вооруженного отряда для взыскания с туркменского старейшины долга в 700 туманов. Не вникая в подробности дела, отметим сообщение Эсмонта о том, что и ранее сами персы просили помощи во взыскании с туркмен долгов, однако жалоб не было. Эсмонт оперирует категориями фактического права и сложившейся практики, тогда как реакция Министерства ино-

¹ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Л. 5.

² Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Л. 6.

³ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 6192. Лл. 17 – 19.

странных дел России однозначна: «подобные поступки наших властей не могут повлиять на сохранение дружественных отношений с Персией»¹.

За персидскими территориями продолжается наблюдение, о чем, например, говорит дело за 1882-1883 годы «О предполагаемой постройке персидским правительством двух фортов в Энзели». Несмотря на то, что опасения не подтвердились, из дела мы видим, что благодаря поручению командира Бакинского порта «по собранным многочисленным сведениям» постройка фортов оказалась лишь предположением².

Деятельность начальника станции протекала в условиях постоянного противодействия. Как следует из рапорта капитана 2-го ранга Стронского от 1896 года, даже официальный визит к персидским властям мог сопровождаться неожиданным нападением со стороны персов. Официально направляясь на церемонию в честь восшествия на престол Николая II, Стронский параллельно решал оперативные задачи, следуя через туркменскую степь для сбора сведений. Вооруженное нападение персов на его группу вблизи персидской деревни и последующая имитация расследования местными властями красноречиво свидетельствовали о враждебности окружения и попустительстве персидской администрации³.

В 80-х годах XIX века в России активно разрабатывались военные театры на Каспии, в том числе Хорасанский, Азербайджанский и район вблизи Астрабада. Курс Николаевской Академии генерального штаба 1888 года А. М. Золотарева подробно останавливается на разборе каждого региона в «Военно-статистическом очерке Персии» [4]. Остров Ашур-Адэ с русской морской станцией ясно обозначается как стратегический пункт, приближенный к Тегерану. В то же время Л. К. Артамонов в 1889 году подчеркивал необходимость самого серьезного отношения к Персии как к потенциальному военному противнику [12, с. 120]. В 1891-1892 годах Артамонов командирован в Персию для военно-статистического исследования Астрабада и Северного Хорасана, в связи с чем он получил «весьма секретную» инструкцию на рекогносцировку Астрабадского залива с целью высадки десанта. Артамонов координирует свои действия с Астрабадской станцией, причем начальник станции капитан 2-го ранга Медведев действует не по шаблону, а проявляет инициативу, «безотлагательно» подготовив пароход «Чикишляр» для проведения рекогносцировки [1, с. 4]. Высадка русского офицера с казаками стала совершенной неожиданностью для местных властей и, что особенно важно, для английского консула. Астрабадская станция позволяла осуществлять скрытную высадку и перемещение разведывательных групп в обход традиционных дипломатических каналов, что было критически важно в условиях «Большой игры».

Список начальников Астрабадской станции второй половины XIX века представлен в таблице 1.

Таблица 1. Список начальников Астрабадской станции во второй половине XIX века

Table 1. List of Station Masters of the Astraabad Station in the Second Half of the XIX Century

Годы службы	Начальник станции
1843-1845	Дюгамель Михаил Иосифович, капитан-лейтенант
1845-1848	Воеводский Аркадий Васильевич, капитан-лейтенант
1849-1852	Вендрих Людвиг Павлович, капитан-лейтенант
1852-1855	Свинкин Иван Иосифович, капитан-лейтенант
1855-1859	Лихарев Иван Алексеевич, капитан-лейтенант

¹ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 3811.

² Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4152.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1377.

1859-1861	Рудаков Александр Ильич, капитан 1-го ранга
1861-1863	Майдель Григорий Густавович, капитан 2-го ранга
1863-1866	Ратьков-Рожнов Алексей Александрович, капитан-лейтенант
1866-1869	Ухтомский Леонид Алексеевич, князь, капитан-лейтенант
1869-1874	Петриченко Кирилл Никифорович, капитан 2-го ранга
1874 - 1879	Зайкин Порфирий Михайлович, капитан 1-го ранга
1879-1882	Эсмонт Александр Самойлович, капитан 1-го ранга
1882-1885	Канин Павел Васильевич, капитан 2-го ранга
1885-1887	Григорков Константин Антонович, капитан 2-го ранга
1887-1892	Возможно, Бутаков Федор Михайлович, капитан-лейтенант
1892-1895	Стронский И.И., капитан 2-го ранга
1895-1897	Клеопин, капитан 2-го ранга
1897-1899	Пороменский, капитан 2-го ранга
1899-1902	Киселев, капитан 2-го ранга

Начало XX века принесло российской политике в Персии новые вызовы: внутренняя угроза, вызванная Революцией 1905 года, и внешняя дестабилизация из-за революционных событий в Иране (1905–1911 гг.). В этих условиях военно-морская деятельность была вынуждена переориентироваться на защиту российских подданных и противодействие растущему влиянию Англии. Немаловажную роль в решении этих задач сыграла Астрабадская морская станция, которая не только сохранила свое значение, но и многократно усилила работу по ключевым направлениям.

В 1905 году поступили секретные сведения о строительстве британцами мортирных батарей в Герате для их последующей переброски на Каспий. В качестве вероятного места для скрытной сборки десантных средств рассматривалось устье реки Гюрген. Морское ведомство, несмотря на сомнения, разработало план контрмер, для чего начальнику станции предписывалось провести срочный промер глубин в устье Гюргена и усилить надзор за побережьем¹. Главный морской штаб, признавая угрозу тайной переброски англичанами военных судов на Каспий, констатировал ключевую роль Астрабадской станции для удержания русского влияния, одновременно отмечая ее плачевное инфраструктурное состояние и несоответствие корабельного состава новым задачам². В 1909 году была разработана инструкция начальнику Астрабадской станции, которая подвела нормативную базу под ее многогранную деятельность. Документ закрепил статус начальника станции и расширил его полномочия. Таким образом, «Инструкция 1909 года» стала прямым следствием стратегического пересмотра роли Каспия и официальной основой для деятельности станции как ключевого форпоста России в Персии в начале XX века³.

Значимость Астрабадской станции возросла в период революционных событий в Персии. Анархия, вызванная беспорядками в персидских городах, требовала от России усиления военного присутствия, в том числе для охраны и успокоения рабочих. 1 апреля 1909 года командир портового судна «Красноводск» Судовиков рапортует, что по приказу начальника Астрабадской станции направился к речке Кара-су для восстановления спокойствия на рыбной ватаге из-за убийства персидского подданного. Флотскому экипажу было поручено разобраться в этом деле и найти виновных. Возмущение персов из-за убийства соплеменника было столь велико, что на русских судах никто не спал, ожидая нападения персов, поскольку те предупредили: «за то, что вы не дали нам расправиться с пленным армянином, мы будем теперь стрелять

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2948. Л. 8.

² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3227.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952.

по вашим солдатам, как только привезут нам винтовки из Бендер-Гязь»¹. В том же рапорте согласно секретному предписанию начальника Астрабадской станции о направлении «Красноводска» к порту Энзели, Судовиков сообщает о революционном настроении в городе².

Проблемы с персидскими туркменами заставляли начальника станции действовать, как и ранее жестко – путем личного разбирательства и десантных вылазок. В июле 1909 года из-за убийства казака, капитан 2-го ранга Кондогури, действуя по соглашению с консулом в Астрабаде, произвел карательную экспедицию после тщетных поисков убийцы. Из миноносца «Пылкий», судя по рапорту³, было произведено два выстрела, однако персы по-своему обставили данный случай, телеграфировав в английскую газету историю о бомбардировке персидского города. Российская газета «Биржевые ведомости» №11794 с отсылкой на английский источник сообщила, между прочим, что персидский город (не указывается какой) был почти полностью разрушен русским адмиралом, командующим Каспийской флотилией по жалобе Лианозова об аресте персидских подданных, с которыми у него вышел спор⁴.

Этот скандальный случай совпал по времени с политическим кризисом в Персии – свержением персидской власти в июле 1909 года. В 1911 году свергнутый Мохаммед-Али Шах вернулся в Персию. Согласно телеграмме Иванова в Тегеран, бывший шах начал активный сбор войска с привлечением туркменов [10, с. 7]. То, что туркмены были против действующего правительства, подтверждается рапортом начальника Астрабадской станции от октября 1910 о том, что явившиеся к нему туркменские ханы просили разрешить провести морем вооруженный конный отряд туркмен в Мазендаран в селение Шакели для соединения с другим отрядом. Кондогури ответил уклончиво, делая акцент на невмешательстве станции во внутренние дела Персии. Однако в то же время он снялся с якоря и отправился в Бендер-Гязь для посылки телеграммы российскому посланнику в Тегеране. В ответ он получил приказ не пропускать вооруженный отряд ввиду обязательства российского правительства нести военно-полицейскую службу в этом районе моря⁵.

Не все вступающие в должность руководители Астрабадской станции понимали ее функции, а также обязанности самого начальника, несмотря на «Инструкцию 1909 года». Сменив Кондогури, командир канонерской лодки «Ардаган» капитан 2 ранга Вейнер в августе 1912 года недоумеает в своем рапорте: «Мне совершенно неясно, почему функции политического свойства, а также носящие чисто административный характер и являющиеся всецело деятельностью консула и консульского агента в Бендер-Гязе, стали деятельностью начальника Астрабадской морской станции»⁶.

На протяжении первых десятилетий XX века Астрабадская морская станция сохраняла ключевые функции несмотря на то, что ее деятельность протекала в условиях хронического недофинансирования: с 1905 года в рапортах начальников нарастает критика плачевного состояния инфраструктуры и бытовых условий поселенцев на Ашур-Адэ. В заметках адмирала Бирилева за 1913 год мы видим отражение всей запущенности станции: «Если бы я не был русским и случайно не попал бы на Ашур-Адэ, то считал бы Россию самой дикой страной на земном шаре»⁷. Кроме того, он отмечает опасность упразднения станции, так как это в первую очередь дало бы Персии право отказаться от обязательства не иметь военных судов на Каспии, ввиду отсутствия сильного российского флота. От адмирала не ускользает и английская угроза: он напоминает о намерении англичан на случай войны привести в Персидский залив разборные миноносцы, вьюками доставить их к Энзели, там собрать и пустить на Каспий. Бирилев пишет:

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952. Лл. 99 – 100.

² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3952. Лл. 101 – 102.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Лл. 120 – 121.

⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Лл. 111, 128.

⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 3997. Л. 198.

⁶ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4207. Лл. 211 – 215.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Л. 25.

«Я познакомился с проектом из самого достоверного источника - от самого автора, который, в веселый час, показал мне его совершенно разработанным»¹.

Во время Первой мировой войны «туркменские проблемы» сохраняются [7, с. 189]. Начальник Астрабадской станции и командир судна «Астрабад» капитан 1-го ранга Кондогури 1 сентября 1915 года в своем рапорте морскому министру сообщил о доставке российского консула в г. Астрабаде сначала в Бендер-Гязь, а затем в селение Кара-Су с просьбой прислать военное судно вследствие секретного сообщения, что среди степных туркмен идут тайные переговоры к какому-то выступлению². Там же Кондогури заявляет, что без военного судна при неожиданных неприятных событиях, ему будет трудно, почти невозможно справиться.

Осенью 1915 года российское влияние в Персии находилось в удручающем положении вследствие усиления политики Германии. Основные действия Каспийского флота переносятся в сторону Энзели и Астары³. Но значение Астрабадской морской станции не ослабевает, ввиду чего в ноябре 1915 года на Ашур-Адэ строится радиотелеграфная станция для постоянной связи с Бакинским портом.

Несмотря на сближение России и Англии в Первой мировой войне в 1915 году соотношение сил складывалось не в пользу союзников. К началу 1917 года территория Персии была почти полностью оккупирована иностранными войсками, в том числе германо-турецкими [6, с. 194].

Коренные изменения политической системы России в 1917 году не могли не оказать дезорганизующего воздействия на все структуры военно-морского флота [3, с. 14], включая отдаленные морские станции, каковой являлась станция на Ашур-Адэ, чье существование, тесно связанное с имперской внешней политикой и логикой «Большой игры», потеряло смысл в новых исторических условиях. Фактическое упразднение станции стало частью общего процесса демонтажа прежних институтов власти и знаменовало собой завершение целой эпохи в истории российского присутствия на северном побережье Каспия.

4. Заключение.

Астрабадская морская станция на о. Ашур-Адэ во второй половине XIX – начале XX века играла ключевую роль в реализации военно-политических и экономических интересов Российской империи в Персии. Ее функционал не был статичным и последовательно расширялся, и адаптировался в ответ на вызовы времени: будь то среднеазиатские походы России, революционные потрясения в Персии или задачи, поставленные Первой мировой войной. Ее начальник, формально оставаясь флотским офицером, фактически выполнял функции военного, дипломатического, разведывательного и административного агента. В условиях «Большой игры» и сложной региональной обстановки станция стала гибридным институтом, сочетавшим контроль над акваторией, сбор разведанных на персидской территории, ведение переговоров с туркменскими старейшинами, карательные операции и экономическое регулирование. Несмотря на хроническое недофинансирование, изменение политической обстановки и растущее влияние капиталистических держав, станция сохраняла стратегическое значение вплоть до революционных событий 1917 года. Ее ликвидация стала своеобразным символом завершения эпохи имперского влияния России на персидских берегах.

¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Л. 31.

² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 171. Лл. 90 – 91.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 4472.

Список источников и литературы

1. Артамонов, Л. К. (1897). *Поездка в Персию, Астрабад-Шахрудский район и северный Хоросан: Военно-статистическое исследование*. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 206 с.
2. Веселаго, Ф. Ф. (1907). *Общий морской список от основания флота до 1917 г.* СПб.: Типография Морского министерства, 696 с.
3. Малевинская, М. Е. (2018). *Елагинские чтения. Выпуск IX*. СПб: РГАВМФ, 142 с.
4. Золотарев, А. М. (1888). *Военно-статистический очерк Персии* СПб: типо-лит. А. Е. Ландау, 207 с.
5. Кадырбаев, А. Ш. (2015). *Россия на Каспийском море, в Персии и Средней Азии 1857-1911* // Восточный архив. № 1 (31). С. 4-11.
6. Кулагина, Л. М. (2010). *Россия и Иран (XIX - начало XX века)*. Москва: Ключ-С, 272 с.
7. Кулагина, Л. М., Дунаева, Е.В. (2007). *Россия и Иран: история формирования границ*. Москва: Гуманитарий, 184 с.
8. Петриченко, К. Н. (1863). *Астрабадская станция и влияние ее на развитие края*. // Морской сборник. Т. 69. № 12. С. 285-314.
9. Ильясов, А. (1960). *Присоединение Туркмении к России: сборник архивных документов*. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 823 с.
10. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Выпуск VII (с 1 июля по 31 декабря 1911 г.) (1911). СПб.: Государственная типография, 437 с.
11. Сефербеков, Р. И. (2022). *Каспийская флотилия: становление и развитие, прошлое и настоящее* // Вестник Дагестанского государственного университета. Т. 37, № 2. С. 37-56.
12. Тер-Оганов, Н. К. (2015). *Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870-1918): к истории разведывательной деятельности негласных военных агентов Штаба Кавказского военного округа в Турции и Иране (1870-1918)*. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 308 с.

References

1. Artamonov, L. K. (1897). *Poezdka v Persiyu, Astrabad-Shahrudskii raion i severnyi Khorosan* [Trip to Persia, Astrabad-Shahrud Region and Northern Khorasan]. Tiflis, Tipografiya kantselyarii Glavno nachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. (in Russian).
2. Veselago, F. F. (1907). *Obshchii morskoi spisok ot osnovaniya flota do 1917 g* [General Naval List from the Foundation of the Fleet until 1917]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. (in Russian).
3. Malevinskaya, M. E. (2018). *Elaginskie, chteniya. Vyp. IX* [Elagin Readings. Vol. IX]. St. Petersburg, RSAVMF. (in Russian).
4. Zolotarev, A. M. (1888). *Voенно-statisticheskii oчерk Persii* [Military-Statistical Sketch of Persia]. St. Petersburg, Tipo-lit. A. E. Landau. (in Russian).
5. Kadyrbaev, A. Sh. (2015). *Rossiya na Kaspiiskom more, v Persii i Srednei Azii. 1857-1911* [Russia on the Caspian Sea, in Persia and Central Asia. 1857-1911] in *Vostochnyi arkhiv*, 1 (31), 4-11. (in Russian).
6. Kulagina, L.M. (2010). *Rossiya i Iran (XIX - nachalo XX veka)* [Russia and Iran (19th - early 20th century)]. Moscow, Klyuch-S. (in Russian).
7. Kulagina, L.M., Dunaeva, E. V. (2007). *Rossiya i Iran: istoriya formirovaniya granits* [Russia and Iran: History of Border Formation]. Moscow, Gumanitariy. (in Russian).
8. Petrichenko, K. N. (1863). *Astrabadskaya stantsiya i vliyanie ee na razvitie kraya* [Astrabad Station and its Influence on the Development of the Region]. *Morskoy sbornik*, 69, 12. (in Russian).

9. Пыасов, А. (1960). *Prisoedinenie Turkmenii k Rossii: sbornik arkhivnykh dokumentov* [The Annexation of Turkmenistan to Russia: Collection of Archival Documents]. Ashkhabad, Izdatel'stvo AN Turkmenskoi SSR. (in Russian).

10. *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov, kasayushchikhsya sobytii v Persii. Vypusk VII* [Diplomatic Documents Concerning Events in Persia. Issue VII]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, (1911). (in Russian).

11. Seferbekov, R. I. (2022). *Kaspiiskaya flotiliya: stanovlenie i razvitie, proshloe i nastoyashchee* [Caspian Flotilla: Formation and Development, Past and Present]. in *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 37, 2, 37-56. (in Russian).

12. Ter-Oganov, N. K. (2015). *Iz istorii razvedki ShKVO v Turtsii i Irane (1870-1918): k istorii razvedyvatel'noi deyatel'nosti neglasnykh voennykh agentov Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga v Turtsii i Irane (1870-1918)* [From the History of Intelligence of the Caucasian Military District Headquarters in Turkey and Iran (1870-1918): Towards the History of Intelligence Activities of Covert Military Agents.]. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing. (in Germany).

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ/
SCIENTIFIC LIFE DISCUSSIONS AND PROBLEMS**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2026-46-1-141-147>
УДК 93/94

**СЛАВЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРЕЗ ПОСТКОЛОНИАЛЬНУЮ
ОПТИКУ: О КНИГЕ S.T. PRIETO «THE EARLY SLAVS. THE FIRST CENTURIES OF
EASTERN EUROPE». LONDON: ROUTLEDGE, 2025. 220 p.**

*К.А. Юрьев**

Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, Воронеж, 394018, Россия

Е.В. Ермошина

Независимый исследователь, Воронеж, Россия

**SLAVIC MEDIEVAL HISTORY THROUGH A POSTCOLONIAL LENSING:
ABOUT S.T. PRIETO'S BOOK "THE EARLY SLAVS. THE FIRST CENTURIES
OF EASTERN EUROPE". LONDON: ROUTLEDGE, 2025. 220 p.**

*K.A. Yuriev**

Voronezh State University,
Universitetskaya pl., 1, Voronezh, 394018, Russia

E.V. Ermoshina

Independent Researcher, Voronezh, Russia

Отечественный историк Павел Юрьевич Уваров в одной из своих работ написал, что существуют «великие историографические державы», то есть те страны, где активно изучается всемирная история. К ним он отнёс США, Францию, Германию и Россию, отметив, что другие страны на протяжении долгого времени тратили больше средств на изучение национальной истории, приводя в качестве примера Ирландию и Испанию [6, с. 148-164]. Хотя по поводу последней было сделано уточнение: в рамках испанской историографии характерно изучение также регионов, связанных с «центром», что в случае распространения испанской культуры охватывает значительную часть мира [6, с. 164]. Однако монография, рассматриваемая в данной работе, показывает, что ситуация постепенно меняется.

Сусана Торрес Прието – доцент кафедры гуманитарных наук Мадридского университета. Исследовательница специализируется на славянской, в частности, древнерусской истории. Как отмечает сама автор монографии, она занимается славистикой около 30 лет (с. 8). В 2020 году на испанском языке была опубликована её книга, посвящённая раннесредневековой истории славян [11], в 2022 году ожидалась переработанная англоязычная версия этой книги¹, но в итоге в 2025 году вышла данная монография, которая представляет собой нечто совсем иное, по мнению американского исследователя Флорина Курты [9, p. 271].

* Ответственный автор / Responsible author.

¹ Prieto S. T. Europe, All of Europe, and Nothing but Europe. URL: <https://www.ie.edu/insights/es/articles/europe-all-of-europe-and-nothing-but-europe/> (дата обращения: 09.04.2025.).

В журнале «The Byzantine Review» Ф. Курты опубликовал разгромную рецензию на рассматриваемую в данной работе книгу. Он указал на плохое знакомство С. Т. Прието с литературой по теме, непонятные хронологические рамки монографии (книга называется «Ранние славяне», но посвящена событиям в славянской истории с IX по XIV вв.) и огромное количество фактических ошибок, среди которых нельзя не сослаться на один из наиболее ярких примеров, который может быть любопытен для российского читателя. Со слов Ф. Курты о книге С. Т. Прието: «Более чем за 600 лет до рождения большевика Михаила Ивановича Калинина король Богемии Отокар II основал город Калининград (стр. 87¹) (Пер. К. Ю.)» [9, p. 273].

Американский исследователь акцентировал внимание на той части ошибок С. Т. Прието, которые пагубно сказались на содержании книги, но зачастую более удручающе ошибки выглядят в страноведческом разделе (Глава 4. Ранние политии). Мы приведём несколько примеров, прокомментировав их:

– моравский князь Ростислав не был сыном своего предшественника на престоле Моймира I (с. 82), только племянником [2, с. 168];

– Бордживой не был основателем чешской династии Пржемысловичей (с. 84), но он первый её известный по историческим источникам представитель [2, с. 177];

– авары не обладали властью над Великой Моравией (с. 94), только над территорией, которая впоследствии вошла в состав этой политии; появление самой Великой Моравии произошло после падения Аварского каганата [8, с. 14-17];

– волжские булгары были только одной из ветвей болгарской народности (с. 94), другая её ветвь (орда Аспаруха) на Дунай ушла из Приазовья, где до этого обитали булгары, расселившиеся в Восточной Европе в VII веке, при этом на Волге часть булгар соединилась с местными народностями и образовала Волжскую Болгарию [4, с. 201-202].

Этот список, как и в рецензии Ф. Курты, может быть огромным, но хотелось бы отметить и другие любопытные стороны монографии испанской исследовательницы, так что на этом закончим с перечислением ошибок. В данном контексте иронично выглядит заявление автора рассматриваемой книги, оставленное во введении: «В то время, когда базовую и не совсем надёжную информацию можно найти мгновенно, я решила оставить в стороне многое из того, что я назвала бы неуважительно “история с Википедии” (Пер. К. Ю.)» (с. 7).

Стоит отметить, что все эти ошибки являются мелкими. Сложно представить, что трансляция информации в правильном варианте могла бы отразиться на той «концепции» исторического развития славянских обществ, которую пыталась создать С. Т. Прието. К слову о самой «концепции». Этот вопрос во введении монографии был подробно рассмотрен самой испанской исследовательницей, которая отметила, что никакой авторской концепции здесь нет. По задумке автора, у книги следующая роль: «Она призвана стать честным введением в славистику древнейших времён и сделана именно для тех, у кого пока нет конкретных вопросов, на которые нужно ответить, то есть, в основном для неспециалистов в славистике, которые, тем не менее, хотели бы иметь обновлённое общее введение в различные аспекты истории и культуры средневековых славян (Пер. К. Ю.)» (с. 7). С. Т. Прието сразу сообщила, что использовала многие концепции предшественников, особенно «крупные прорывы последних десятилетий», хотя не всегда может согласиться с теми или иными мыслями. Но в конце концов, испанская исследовательница признаёт, что книга одного автора не может обойтись без особенностей видения написавшего её. Этот авторский взгляд мы попытаемся найти, насколько это возможно.

Особое место в историческом процессе Средневековья в славянских землях, согласно взгляду С. Т. Прието, занимала работорговля: она была той самой силой, больше всего повлиявшей на появление первых славянских государств. При этом, в описании испанской исследовательницы, происходил процесс образования политий зачастую так: иностранцы переселялись на славянские земли, подчиняли местное население, начинали с ним торговать и вступать в

¹ Эта страница из монографии С.Т. Прието была указана в качестве ссылки в рецензии Ф. Курты.

браки, создавая новую смешанную элиту, и, конечно же, эти самые элиты продавали местное население в рабство. В исторических источниках, например, в поздних хрониках, эти события были переданы в виде легенд о призвании иностранцев править в славянских регионах. Так было с купцом Само в Центральной Европе или варягами на Руси (с. 17). При этом, как замечает испанская исследовательница: «Были ли славяне единственными людьми, порабощёнными в Европе? Конечно, нет. Были ли эти элиты единственными, кто торговал с ними? Конечно, нет. Но славяне стали известным товаром... (Пер. К. Ю.)» (с. 63-64). Также С. Т. Прието разделяет мнение, что на определённом этапе в Западной Европе слово «славянин» («sclavus») приобрело значение «раб» (с. 61).

Процесс христианизации славян был важен, но и тут не обошлось без ухода в тему работорговли. Как считает С. Т. Прието, среди причин принятия христианства одна занимала важное место: продажа в рабство христиан была запрещена, поэтому христианизация позволяла элитам перейти из разряда «торговцев» в «князья», так как своими подданными они торговать не могли в юридическом смысле, да и соседи должны были перестать это делать (с. 139).

Также испанская исследовательница подробно описывает славянскую культуру после принятия христианства, ту литературу, которую создали христианские авторы. Но обращает на себя внимание другой момент. С. Т. Прието критикует христианских авторов, которые описывали славян-язычников в реалиях языческих сообществ античности, восточные же источники, по её мнению, более объективны (с. 143-144). Более того, говоря о том, что раннюю историю славян мы знаем в основном по византийским или франкским известиям, испанская исследовательница пишет следующее: «Все они подробно описывают, чего славяне хотели, искали, что им нравилось, и что они предпочитали, но в течение долгого, долгого времени мы слышим только голоса империй. Это почти как в «Сердце тьмы» Джозефа Конрада: мы становимся свидетелями ситуации, но говорят только белые люди (Пер. К. Ю.)» (с. 120). Любопытное сравнение, хотя и не такое яркое, как получилось у немецкого и российского историка Августа Людвиг Шлёцера, который про отожествление во франкских источниках франко-моравских отношений IX века написал: «Здѣсь Нѣмцы стоятъ противъ Славенъ, какъ Римляне противъ Карфагенянъ: только первые, какъ счастливые побѣдители, говорятъ, хвастаются, даже лгутъ изъ любви къ отечеству и скрываютъ истину; другой же стороны слышать нельзя» [7, с. 432].

Да, А. Л. Шлёцер выразил эту мысль за пару сотен лет до С. Т. Прието, но интерес к цитате, приведённой в рассматриваемой монографии, добавляет ссылка на американского исследователя Эдварда Саида и его книгу «Ориентализм» (с. 126). В этой работе он высказал мысль, что «Запад» смог не просто подчинить «Восток», но и создать его образ противника, «Другого». Удалось это потому, что о «Востоке» вместо него самого «говорил» «Запад», игнорируя мнение самого объекта «разговора» [5, с. 17-26]. Данная ссылка была не единичным, случайным явлением. Так, испанская исследовательница критикует «...Ориенталистское видение многих известных византистов двадцатого века... (Пер. К. Ю.)» за то, что они пытались показать средневековую Болгарию стремящейся «стать византийской» (с. 93).

И тут стоит сказать, что «Ориентализм» Эдварда Саида стал «точкой отсчёта», «первой фазой» для постколониальной теории, сторонники которой как раз пытаются проанализировать этот самый «ориенталистский» и «колониальный» нарратив Запада в отношении Востока, «дать голос» маргинальным группам населения [10, р. 64-65], хотя границы постколониальной теории шире, как отметила индийская исследовательница Лила Ганди. В основе этой теории лежат антигуманизм, постструктурализм и «новые гуманитарные науки» [10, р. 54], среди которых она называет женские исследования, культурологию, исследования в области сексуальных меньшинств [10, р. 42]. Как считает Л. Ганди, постколониализм следует за тем же феминизмом в критике основополагающих дискурсов, но идёт дальше и «...направляет свою критику против культурной гегемонии европейских знаний в попытке подтвердить эпистемологическую ценность и действенность неевропейского мира (Пер. К. Ю.)» [10, р. 44].

В вопросе средневековой истории славян постколониальный взгляд, «ориентализм», проявляются в специфичном формате. В данном случае у нас есть, с одной стороны, две империи: Византийская и Франкская (они олицетворяют «Запад»), а с другой – славяне, которые в описываемой ситуации выступают этим самым «Другим». Западные книжники, в свою очередь, успешно создали им образ «варваров» в своих работах. Сами славяне были зажаты между империями, перенимали их практики, тем самым их можно отнести к пограничным, маргинальным группам, но до появления письменности они сами не могли говорить о себе, поэтому мы и знаем о них на раннем этапе славянской истории только благодаря «голосу Запада». Отдельно стоит отметить позиционирование С. Т. Прието в отношении славян как группы угнетаемой, а главным инструментом угнетения было рабство. Этой теме мы уже касались ранее, но если обратиться к «Эпилогу» рассматриваемой книги, то появятся новые грани авторского взгляда. Например, испанская исследовательница обращает внимание на группу населения, которая была угнетена сильнее других в рамках славянского общества, – женщин. Они могли занимать разное положение в социуме, но наряду с другими маргинальными группами (крестьянами, рабами, иностранными торговцами) они внесли основной вклад в развитие славянских политий, однако их голоса заглушены ещё сильнее, так как в исторических источниках фокус сделан на элитах – мужчинах, занимающих высокое положение в обществе (с. 175-177).

Главная проблема рассматриваемой монографии, по мнению Ф. Курты, заключается в том, что под славянами С. Т. Прието понимает подавляющее большинство населения, а не исключительно элиту [9, р. 273]. Дело в том, что он считает средневековую идентичность искусственным конструктом, сформированным под влиянием культурно-политических факторов в первую очередь в среде элиты. То есть население в массе своей могло иметь разное происхождение, «биологический» фактор в вопросе консолидации не играл решающей роли [3, с. 21-24]. Однако в определении главной проблемы монографии мы не согласны с американским исследователем. Ранее был описан взгляд С. Т. Прието на процесс этно- и политогенеза славян: элиты в большинстве случаев были иностранными, а затем уже они славянизировались посредством смешанных браков и постепенной ассимиляции. И акцент своего повествования испанская исследовательница переключает с изучения идентичности на «опыт» славян. По её мнению, несмотря на разные религиозные, культурные и политические обстоятельства, славяне в Средние века переживали примерно одинаковый опыт на всей территории расселения: «...они, безусловно, разделяли схожие языки, момент экспансии в средневековой глобальной экономике, травму рабства, опыт имперской политики и все болезненные процессы создания новых государств, которые они, конечно же, разделяли с остальной частью Евразии. ...у них был более соотносимый опыт управления, у них была схожая экономическая система, им было навязано иностранное духовенство, и все они пытались выжить против империй, которые использовали их, посягали на них, нападали на них и на которые они сами нападали, в сложной борьбе за выживание (Пер. К. Ю.)» (с. 181).

И в данном случае произошла ситуация, описанная отечественным историком Аароном Яковлевичем Гуревичем: «Универсалии превращаются в реалии...» [1, с. 10]. Правда, сам Гуревич употребил это выражение в отношении работ некоторых своих коллег, которые применяли марксистскую теорию, а точнее, понятие «формация» без учёта индивидуальных особенностей того или иного общества, той или иной исторической ситуации [1, с. 10]. В этом плане также нельзя не вспомнить слова современного российского исследователя Николая Анатольевича Власова: «...уникальным и неповторимым является, строго говоря, любое историческое событие, любой процесс. История никогда не повторяется в точности...»¹. Соответственно, говорить о том, что опыт, переживаемый западным, южным и восточным славянином на одном временном отрезке одинаков, – упрощение. Попытка С. Т. Прието показать единство славян

¹ Власов Н. А. Немцы после войны: Как Западной Германии удалось преодолеть нацизм. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. URL: <https://books.yandex.ru/reader/f1YrE1Sv?resource=book> (дата обращения: 11. 12. 2025.)

разного этнического происхождения на фоне жителей империй тоже не вполне обоснована: вероятно, болгарин в политическом и культурном плане всё-таки ближе к византийцу, чем к поляку, по ряду причин, главная из которых – близкое соседство Болгарии и Византии, соответственно, теснее и взаимное влияние (с. 181). Таким образом, С. Т. Прието игнорирует собственную мысль о разном опыте у славян, которые попадали под влияние разных империй (с. 179-180).

Главным недостатком рассматриваемой монографии Сусаны Торрес Прието, по нашему мнению, является тот факт, что цель не соответствует результату. Эта книга не может быть «введением в славистику» из-за специфичных хронологических рамок. Данный недостаток усугубляется тем, что, несмотря на желание автора транслировать достоверную информацию, в книге присутствует большое количество фактических ошибок. Эти неточности, в свою очередь, вызваны поверхностным знакомством С. Т. Прието с источниками и литературой. Авторское видение заслуживает особого рассмотрения, так как изучение славянской истории с позиции современных постколониальных исследований позволяет внести свежий взгляд на некоторые проблемы (что является плюсом монографии). Особенно следует это сказать относительно раскрытия отдельных моментов взаимодействия славян с империями. Но, с другой стороны, испанская исследовательница в конце концов поддалась на искушение неоправданного обобщения ради необходимого ей вывода. По нашему мнению, ей всё-таки следовало доработать своё авторское видение, чтобы получить полноценную научную концепцию, так как перечисленные выше недостатки не позволяют говорить о рассмотренной книге как об удачном ознакомительном издании.

Список источников и литературы

1. Гуревич, А. Я. (2005). *К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад* // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Мидиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: РГГУ. С. 9-27.
2. Державин, Н. С. (1946). *Славяне в древности*. М.: Издательство Академии наук СССР. 215 с.
3. Метлицкая З.Ю. (2005). *Курта Ф. Формирование славян: история и археология низовий Дуная, 500-700 гг. Curta F. The making of the Slavs: history and archeology of the lower Danube region 500-700. – Cambridge, 2002. – 435 p.* // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. №3. С. 21-24.
4. Мингазов, Ш. Р. (2012). *Наследники Великой Болгарии в Западной Европе* // Филология и культура. Philology and Culture. № 1 (27). С. 201-207.
5. Саид, Э. (2021). *Ориентализм* / науч. ред. А.Р. Ихсанов. М.: Музей современного искусства Гараж. 560 с.
6. Уваров, П. Ю. (2015). *Вот тут все и кончилось..., или фракталы российской историографии* // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение. С. 148-164.
7. Шлёцер, А. Л. (1816). *Нестор. Русския летописи на древле-славенском языке, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Людовиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингскаго университета, и кавалером ордена Св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени* / пер. с нем. Д. Языкова. СПб.: Печ. В Императорской тип. Ч. 2. 832 с.
8. Юрьев, К. А. (2023). *Франки, авары и мораване на рубеже VIII-IX вв.* // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН. С. 14-18.

9. Curta, F. (2025). *Susana Torres Prieto, The Early Slavs: The First Centuries of Eastern Europe. London – New York: Routledge 2025. 211 pp. – ISBN 978-1-032-25113-4 // The Byzantine Review. Bd. 7. P. 271-276.*
10. Gandhi, L. (1998). *Postcolonial Theory. A critical introduction.* Sydney: Allen and Unwin. 200 p.
11. Prieto, S. T. (2020). *Los Antiguos Eslavos.* Madrid: Editorial Sintesis. 213 p.

References

1. Gurevich, A. Ya. (2005). *K diskussii o dokapitalisticheskikh obshchestvennykh formatsiakh: formatsiia i uklad* [Towards a discussion about pre-capitalist social formations: formation and way of life] in Gurevich A.Ia. *Istoriia – neskonchaemyi spor. Medievistika i skandinavistika: stat'i raznykh let.* Moscow: RGGU, 9-27. (In Russian).
2. Derzhavin, N. S. (1946). *Slaviane v drevnosti* [Slavs in ancient times]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
3. Metlitskaia, Z. Yu. (2005). *Curta F. Formirovanie slavian: istoriia i arkhologiiia nizovii Dunaia, 500-700 gg. Curta F. The making of the Slavs: History and archeology of the Lower Danube region 500–700. – Cambridge, 2002. 432 p. in Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 5. Istoriia: Informatsionno-analiticheskii zhurnal, 3, 21-24.* (In Russian).
4. Mingazov, Sh. R. (2012). *Nasledniki Velikoi Bolgarii v Zapadnoi Evrope* [The heirs of Great Bulgaria in Western Europe] in *Filologiiia i kul'tura. Philology and Culture, 1 (27), 201-207.* (In Russian).
5. Said, E. (2021). *Orientalism, nauch. red. A.R. Ikhsanov.* M.: Muzei sovremennogo iskusstva Garazh. (In Russian).
6. Uvarov, P. Yu. (2015). *Vot tut vse i konchilos'..., ili fraktaly rossiiskoi istoriografii* [That's where it all ended..., or fractals of Russian historiography] in Uvarov P.Yu. *Mezhdru «ezhami» i «lisanami».* *Zametki ob istorikakh.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 148-164. (In Russian).
7. Shletser, A. L. (1816). *Nestor. Russkiiia letopisi na drevle-slavenskom iazyke, slichennyia, perevedennyyia i ob"iasnennyia Avgustom Liudovikom Shletserom, nadvornym sovetnikom, doktorom i professorom Gettingskago universiteta, i kavalerom ordena Sv. ravnoapostol'nago kniazia Vladimira 4 stepeni, per. s nem. D. Jazykova* [Nestor. Russian chronicles in the Ancient Slavic language, collated, translated and explained by August Ludovic Schletzer, court counselor, doctor and professor at the University of Gottingen, and Knight of the Order of St. Vladimir Equal to the Apostles, 4th degree, transl. from Ger. By D. Jazykov] per. s nem. D. Iazykova. Saint-Petersburg: Pech. V Imperatorskoi tip., 2. (In Russian).
8. Yuriev, K. A. (2023). *Franki, avary i moravane na rubezhe VIII-IX vv.* [Franks, Avars and Moravians at the turn of the VIII-IX centuries] in *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Materialy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 23–24 maia 2023 g., otv. red. E.S. Uzeneva, O.V. Khavanova.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. 14-18. (In Russian).
9. Curta, F. (2025). *Susana Torres Prieto, The Early Slavs: The First Centuries of Eastern Europe. London – New York: Routledge 2025. 211 pp. – ISBN 978-1-032-25113-4 in The Byzantine Review, 7, 271-276.* (In English).
10. Gandhi, L. (1998). *Postcolonial Theory. A critical introduction.* Sydney: Allen and Unwin. (In English).
11. Prieto, S. T. (2020). *Los Antiguos Eslavos.* Madrid: Editorial Sintesis. (In Spanish).

Вклад авторов:

К.А. Юрьев: работа с первоисточником – рассмотренной монографией, её осмысление, работа с историографией;

Е.В. Ермошина: работа с первоисточником – рассмотренной монографией, её осмысление, редактирование текста данной работы.

Authors' contributions:

К.А. Yuriev: working with the primary source – the reviewed monograph, its interpretation, working with historiography;

E.V. Ermoshina: working with the primary source – the reviewed monograph, its interpretation, editing the text of this work.

ЗАЩИТА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

Р. Шмаилави

*Воронежский государственный университет
Университетская пл. 1, Воронеж, 394000*

PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN MODERN IRAQ

Rasool Shmailawi

*Voronezh State University
University Square 1, Voronezh, 394000*

1. Введение

Исторически территория Ближнего Востока была центром развития многочисленных культур и цивилизаций. Значительное число подобных памятников сосредоточены в границах современного Ирака. Ирак является родиной первых цивилизаций, которые положили начало классовому обществу. Вместе с тем, культурные и археологические памятники, расположенные на территории Ирака, страдают от негативной политической динамики, которая сложилась в этой стране в начале XXI века, что было связано с военной операцией США против правившего тогда Саддама Хусейна, а также с последующими гражданскими конфликтами между правительственными войсками и радикальными группировками. Постоянное ведение в течение более чем двух десятилетий военных действий на территории Ирака нанесло существенный удар по культурному и археологическому наследию страны.

Необходимость, важность и актуальность изучения современного состояния археологического наследия Ирака и перспектив его сохранения связаны с теми значительными потерями, которые страна понесла в первой четверти 21 века, когда был нанесен существенный удар по памятникам археологии.

Проблемы сохранения археологического наследия, представленного многочисленными памятниками различных исторических эпох, расположенных на территории Ирака, пребывают в центре авторского внимания в представленной статье. Целью автора данной статьи является изучение основных проблем, связанных с сохранением археологического и культурного наследия в современном Ираке. Задачами автора в представленной статье является анализ противоречий, связанных с сохранением и сбережением археологического наследия на территории Ирака, изучение основных мер, предпринимаемых правящими элитами страны для сохранения памятников археологии, изучение возможных перспектив дальнейшей политики Ирака в области сбережения археологического наследия [5].

Проблемы сохранения археологического наследия получили определенное изучение в историографии [7; 9]. Анализируя работы последних лет, посвященные это теме, во внимание следует принимать, что в изучении анализируемой автором проблемы сложились определенные закономерности. Во-первых, существует неформальный консенсус относительно необхо-

димости сохранения археологического наследия в Ираке как части исторического наследия цивилизации в целом [1; 12]. Во-вторых, Ирак относится к числу регионов, на территории которых археологические памятники пострадали в результате военных конфликтов [3; 8]. В-третьих, признается наличие, к сожалению, негативной внутренней динамики, связанной с проблемами Ирака как государства [4; 11], так как местные власти не в состоянии выработать эффективную модель политики в области сохранения памятников археологии на территории страны [2; 6]. В целом, в современной научной литературе, посвященной археологическому наследию Ирака, актуализируются его особенности как зоны военного конфликта, что привело к самым негативным последствиям для памятников археологии.

2. Результаты

Важной проблемой, связанной с защитой археологического наследия в современном Ираке, является недостаточный уровень развития инфраструктуры, в первую очередь - туристической, которая в перспективе могла бы приносить доходы, направляемые на содержание и поддержание памятников в надлежащем состоянии. Низкий уровень развития внутренней инфраструктуры затрудняет точный учёт и выявление количества археологических памятников на территории Ирака. По мнению иракских экспертов, в Ираке, вероятно, насчитывается более 18.000 археологических памятников, хотя из них обнаружено не более 15%¹. Как полагают большинство экспертов и аналитиков, археологические памятники в современном Ираке сталкиваются с отсутствием развитой инфраструктуры. Последний фактор фактически отрезает их от доступных основных услуг, которые в перспективе могли бы сделать эти памятники привлекательными для туристов. Большинство археологических памятников Ирака находится в тех районах, где наблюдается явный дефицит качественных асфальтированных дорог, канализации и инфраструктуры для размещения возможных туристов². В ситуации, когда значительная часть памятников отрезана от путей сообщения, многие из них подвергаются разрушению, так как отсутствует должный уход и охрана.

Другой важной проблемой сохранения археологического наследия является возвращение на территорию Ирака ранее похищенных и впоследствии вывезенных памятников археологии [7], что стало следствием военной оккупации и последующей политической дестабилизации [19]. Активный вывоз памятников археологии из Ирака начался после американского военного вторжения в страну, что фактически лишило археологические объекты необходимой охраны и защиты, чем воспользовались преступные международные группировки, которые наводнили памятниками из Ирака рынки сначала близлежащих стран, а позднее Европейского Союза и США. На протяжении почти 20 лет иракские власти пытались вернуть артефакты, незаконно вывезенные из страны³. В этом направлении власти Ирака достигли определённых успехов, но большинство из них носит символический характер и имеет значение почти исключительно для поддержания культурной и исторической идентичности иракского населения. Наиболее пострадавшим от подобного вывоза памятников стал, конечно же, Иракский Национальный музей в Багдаде [17]. В период политической нестабильности из музея были похищены многочисленные памятники, ранее привезённые из Ура, Вавилона, Урука и Нимруда. В целом, к середине 20-х годов XXI века власти Ирака смогли вернуть более 23.000 археологических артефактов, включая клинописные таблички, статуи, цилиндрические печати, а также фрагменты различных текстов, которые ранее были вывезены с территории страны⁴.

¹ Проблемы посягательств на архитектурное наследие археологических памятников Ирака // Аденский центр исторических исследований. 2024. 11 февраля. <https://aden.center/articles/2772> (на арабском языке)

² Культурное наследие Ирака: жертва войны и экстремизма // Фанак. 2015. 9 июля. <https://fanack.com/ar/iraq/culture-of-iraq/iraqi-cultural-heritage-a-victim-of-war-and-extremism/> (на арабском языке)

³ «Важные шаги»... Как иракское правительство может защитить древности и восстановить разрушенные? // Аль-Араби. 2023. 9 марта. <https://www.alaraby.com/news/> (на арабском языке)

⁴ Иракский город Мосул: масштабные разрушения и скудные средства на восстановление // Аль-Араби. 2022. 10 июля. <https://www.alaraby.com/news/> (на арабском языке)

Несмотря на негативную динамику и хронический дефицит финансирования, Ирак к середине 20-х годов XXI века, тем не менее, смог добиться определённых успехов и значительного прогресса в проектах, направленных на защиту археологических памятников, в частности, и культурного наследия, в целом¹. На современном этапе в защиту археологического наследия, которая реализуется при поддержке ЮНЕСКО, вовлечено несколько иракских государственных ведомств, включая Министерство культуры, туризма и древностей², а также Министерство строительства, жилищного хозяйства и муниципалитетов, которые пытаются использовать свои ограниченные ресурсы для защиты памятников археологии³.

В рамках подобных программ и инициатив реставрации подвергаются как древние, так и средневековые памятники, расположенные на территории современного Ирака. В частности, к 2025 году было найдено финансирование на реставрацию мечети аль-Нури и наклонённого минарета аль-Хадба⁴. В деле сохранения средневекового археологического наследия ограниченную роль играет Министерство строительства, которое частично финансирует и помогает материалами, а что касается защиты археологических памятников древности, то этот процесс сопряжён с большими трудностями и сложностями. Большинство подобных проектов направлены на сохранение памятников в регионе Вавилона⁵. Современный этап защиты археологического наследия в Вавилоне, вероятно, начался в 2019 году, когда усилия властей были направлены на устранение ветхих глинобитных сооружений, развитие и поддержку дренажных систем, а также смягчение последствий изменения климата, что самым негативным образом сказывалось на археологических памятниках⁶. Подобные проекты реализовывались за счёт как местного финансирования, так и международных грантов.

Самым значительным успехом властей Ирака в этом направлении стало возвращение клинописной таблички, которая известна как "Сон Гильгамеша", в 2000-е годы нелегально вывезенной в Соединённые Штаты. Возвращение этого памятника стало результатом многолетних судебных процессов. Значительной проблемой в защите археологического наследия современного Ирака является относительно устаревшее законодательство, так как Закон об охране наследия был принят в начале XXI века. В связи с этим иракские юристы подчёркивают, что необходимо пересмотреть текст статьи 40 Закона об охране памятников и культурного наследия, так как в 2002 году была законодательно ограничена защита и уголовная ответственность за разграбление и вывоз памятников только теми объектами культурного наследия, которые находятся в ведении Управления по охране памятников⁷. Кроме этого, иракские юристы предлагают смягчить некоторые статьи закона для тех лиц, которые добровольно передадут похищенные археологические памятники в пользу государства. Эксперты также указывают на необходимость расширения формулировок, содержащихся в законе 2002 года. Если действующая редакция указывает только на защиту археологических памятников, то, по мнению ряда

¹ Правовая защита наследия в законодательстве Ирака // Верховный судебный совет. 2024. 27 июня. <https://sjc.iq/view.73990/> (на арабском языке)

² Министерство культуры объявляет о плане восстановления и развития археологических и исторических памятников в Ираке // Title News. 2024. 27 июня. <https://title.news/6726-.html> (на арабском языке)

³ В Ираке продолжается реставрация археологических памятников, что повышает интерес к ним со стороны мирового сообщества // Ассоциация шиитских новостей. 2024. 4 ноября. <https://iraq.shafaqna.com/AR/465462/> (на арабском языке)

⁴ Иракские археологические памятники будут включены в Список всемирного наследия: шаг к сохранению истории // Голос Ирака. 2024. 18 октября. <https://www.sotaliraq.com/2024/10/18/> (на арабском языке)

⁵ Министерство культуры объявляет об инициативах по сохранению иракского наследия. <https://hathalyoum.net/amp/3310915> (на арабском языке)

⁶ Изменение климата и загрязнение окружающей среды угрожают археологическим памятникам в Ираке: эксперты призывают к срочной защите // Курдистан 24. 2025. 11 марта. <https://www.kurdistan24.net/ar/story/875632> (на арабском языке)

⁷ Разграбление арабских древностей — преступление, не подлежащее исковой давности // Ближний Восток Онлайн. 2026. 4 января. <https://www.middle-east-online.com/> (на арабском языке)

юристов, этот перечень следует дополнить историческими памятниками и объектами духовного наследия [9]. В целом, иракское экспертное сообщество настаивает на необходимости последовательного расширения перечня охраняемых памятников, что позволит учитывать не только археологическое наследие, относящееся к древним цивилизациям, но и более детально включить в свод охраняемых памятников объекты, унаследованные Ираком от периода Средневековья¹.

К середине 20-х годов власти Ирака достигли определенных успехов в защите археологического наследия [11], что было сделано частично за счёт привлечения иностранных и международных экспедиций [12], которые принесли с собой финансирование, направленное как на проведение раскопок [14], так и на последующую музеефикацию обнаруженных памятников [15]. Примечательно, что иностранные археологические экспедиции действуют на территории Ирака неравномерно. Первой провинцией, где иностранцы получили право на проведение археологических раскопок, была провинция Дикар. Позднее зарубежные экспедиции начали действовать на территории провинции Дивания, Мутания и Вавилон². На территории Багдада на протяжении первой половины 2020-х годов активно и успешно действовала итальянская археологическая миссия, которая исследовала памятник Тель-Мухаммад. Кроме этого, итальянские археологи действовали на территории иракского Курдистана. Политика правительства Ирака по привлечению иностранных экспедиций на территории страны сводилась к следующему: власти привлекали зарубежных археологов для проведения раскопок на территории, которые наиболее пострадали от действий радикального по своим взглядам правительства. Таким образом, иностранные экспедиции действовали на территории таких городов как Нимруд, Хатра, Ниневия. В ходе этих экспедиций и проводимых ими раскопок Ирак получал финансовую помощь от Лувра, ЮНЕСКО, правительства Объединённых Арабских Эмиратов и других организаций³.

Политика властей Ирака, направленная на защиту археологического наследия на современном этапе, в значительной степени основана на попытках систематизации потерь, которые страна понесла в результате разграбления её археологических памятников. К середине 20-х годов XXI века иракские аналитики смогли подвести печальные итоги потерь для археологического наследия страны [12]. С одной стороны, были осмыслены потери в целом, так как в ходе военных действий и политики радикалов, были разрушены многочисленные христианские церкви, а также исламские и неисламские памятники. С другой стороны, известно, что Ирак понёс конкретные потери, связанные с разграблением музеев⁴. По предварительным подсчётам иракских экспертов, с территории Ирака, начиная с 2003 года, были украдены тысячи артефактов и сотни рукописей, а незаконные и нелегальные раскопки стали обычным явлением на археологических объектах, расположенных на территории всей страны, что существенно усложняло контроль, так как центральное правительство не обладало достаточным количеством ресурсов чтобы проконтролировать археологические исследования на территории всего Ирака в целом.

В 2003 году основной жертвой стал Национальный музей в Багдаде [6], из которого было похищено более 15.000 предметов. Кроме этого, разграблению подверглись и другие археологические памятники, а находки, найденные на их территории, оказались на международном нелегальном рынке [9]. Археологическое наследие Ирака понесло потери и от американской ок-

¹ Как недостаток услуг влияет на устойчивость археологических памятников в Ираке? // Народная борьба. 2025. 8 января. <https://www.tareeqashaab.com/index.php/report/21324-2025-01-08-19-43-50> (на арабском языке)

² Правовая защита наследия в законодательстве Ирака // Верховный судебный совет. 2024. 27 июня. <https://sjc.iq/view.73990/> (на арабском языке)

³ Сохранение иракского наследия // Международная сеть по археологическому наследию. 2019. 4 марта. <https://www.archernet.org/ar/2019/03/04/> (на арабском языке)

⁴ Наследие в международном, арабском и иракском праве // Куфийский университет. 2018. 20 марта. <https://arch.uokufa.edu.iq/archives/5254> (на арабском языке)

купации, так как на территории Вавилона американские войска создали военную вертолётную базу. При этом радикальные группировки уничтожили значительную часть памятников как древних, так и средневековых культур. Если памятники древних цивилизаций уничтожались ими как домусульманские, то значительная часть средневековых памятников была уничтожена как связанная с шиитами¹.

К середине 20-х годов XXI века власти Ирака предприняли определённые шаги, направленные на расширение представленности иракских памятников в международных перечнях [9]. По мнению властей Ирака, следует расширить представленность и видимость страны в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО [6]. К середине 20-х годов XXI века шесть объектов на территории Ирака, включая Вавилон, Ур, Ашур, Хатру, Самаррус и Урук, а также крепость Эрбиль, находились под защитой ЮНЕСКО². К середине 20-х годов власти Ирака выразили желание включить ещё 14 объектов, которые находятся на территории Ирака под защиту международных организаций³. Часть этих памятников относится к древним цивилизациям, а другая является частью средневекового исторического и археологического наследия. Работа, направленная на передачу археологических памятников под защиту ЮНЕСКО, в Ираке осложняется несколькими факторами⁴. Власти Ирака признают сложность доказательства того, что объекты соответствуют критериям, необходимым для установления над ними международной защиты⁵. Иракские чиновники, которые участвовали в сотрудничестве с международными культурными организациями, указывают на то, что памятники должны представлять собой шедевры человеческой цивилизации, демонстрируя различные культурные влияния, а также актуализировать цивилизационные особенности Ирака, которые сформировались на протяжении его тысячелетней истории.

Ситуация с защитой археологического наследия усугубляется отсутствием единого перечня защищаемых памятников археологии. На протяжении первой половины 20-х годов XXI века иракское правительство предприняло ряд шагов, направленных на пересмотр существующего перечня, так и на формирование его новой расширенной версии. Этому предшествовали масштабные археологические исследования, с одной стороны, и обобщение опыта предшествующих раскопок, с другой. В силу того, что более ранние археологические работы ввели в научный оборот новые памятники, власти Ирака постепенно приняли решение о необходимости их включения в перечень охраняемых объектов⁶. В формирование такого перечня вовлечены как иракские эксперты, так и зарубежные археологи. Предполагается, что формирование нового перечня объектов археологического наследия на территории Ирака приведёт к повышению глобального интереса к Ираку и привлечёт туристов, что обеспечит дополнительные доходы, которые будет можно направить как на проведение археологических раскопок, так и на охрану уже известных памятников археологии [16]. По мнению иракских экспертов, включение новых памятников в перечень объектов ЮНЕСКО существенно повысит не только пре-

¹ Сохранение археологических памятников: Министр культуры подчеркивает важность защиты иракского наследия // Маданйон. 2025. 10 января. <https://www.madanyon.com/posts/alaanay-balmoakaa-alathry-ozyg-althkaf-yokd-ahmy-hmay-altrath-alaaraky-6780baf519a15/amp> (на арабском языке)

² Наследие в международном, арабском и иракском праве // Куфийский университет. 2018. 20 марта. <https://arch.uokufa.edu.iq/archives/5254> (на арабском языке)

³ Министерство культуры объявляет о плане восстановления и развития археологических и исторических памятников в Ираке // Title News. 2024. 27 июня. <https://title.news/6726-.html> (на арабском языке)

⁴ Иракские археологические памятники будут включены в Список всемирного наследия: шаг к сохранению истории // Голос Ирака. 2024. 18 октября. <https://www.sotaliraq.com/2024/10/18/> (на арабском языке)

⁵ В Ираке продолжается реставрация археологических памятников, что повышает интерес к ним со стороны мирового сообщества // Ассоциация шиитских новостей. 2024. 4 ноября. <https://iraq.shafaqna.com/AR/465462/> (на арабском языке)

⁶ Как недостаток услуг влияет на устойчивость археологических памятников в Ираке? // Народная борьба. 2025. 8 января. <https://www.tareeqashaab.com/index.php/report/21324-2025-01-08-19-43-50> (на арабском языке)

стиж страны, но и подчеркнёт роль и место Ирака в истории мировой цивилизации и ее место в международной археологии¹.

В целом, на современном этапе в Ираке сложилась крайне неблагоприятная ситуация для защиты памятников археологического наследия [18]. Иракские эксперты и аналитики, вовлечённые в вопросы правового статуса памятников [8], с одной стороны, и принятие конкретных мер, направленных на сохранение археологических объектов, с другой, указывают на то, что в Ираке отсутствуют реальные условия для успешной охраны исторического наследия. Целый ряд проблем содействуют ухудшению ситуации, так как в городской среде активно идёт застройка, фактически ведущая к уничтожению культурной памяти². В условиях растущего и набирающего темпы строительства на исторических территориях появление новых зданий ведёт к уничтожению археологических памятников. Кроме этого, предполагается, что частая смена правительства ведёт к отсутствию единой и сбалансированной, а также последовательной, политики, направленной на защиту археологического наследия³.

К середине 20-х годов XXI века основную роль в защите и изучении археологического наследия современного Ирака начало играть Министерство культуры. В связи с этим, в 2025 году министр культуры подчёркивал важность сохранения и защиты иракского культурного и археологического наследия. Министр Ахмед Факак аль-Бадрани указывал на важность и необходимость принятия эффективных мер по охране археологических и исторических памятников страны. В такой ситуации Государственное управление по делам древности и наследия фактически в Ираке начинает играть второстепенную роль. Поэтому большинство инициатив по защите археологического наследия берёт на себя Министерство культуры. Именно Министерство культуры аккумулирует разнообразную активность, связанную не только с финансированием и частично с организацией археологических исследований, но и с привлечением туристов на наиболее известные археологические объекты, расположенные на территории Ирака. Кроме этого, Министерство культуры, в отличие от Государственного управления по делам древностей и наследия, стало инициатором ускорения процессов, связанных с инвентаризацией, как археологических объектов, так и результатов предшествующих археологических исследований, которые хранятся или экспонируются в иракских музеях⁴.

К середине 20-х годов XXI века именно Министерства культуры Ирака стало основным центром принятия и реализации решений, направленных на защиту археологического наследия в стране. В 2024 году Министерство культуры заявило, что в Ираке насчитывается 4.000 объектов культурного, в том числе - и археологического, наследия, которые находятся под его защитой⁵. Комментируя активность Министерства культуры, направленную на защиту памятников археологии, пресс-секретарь Министерства культуры Ахмед аль-Улайави сообщил о том, что был запущен целый ряд инициатив, направленных на сохранение памятников археологии, реализуя которые Министерство культуры, активно сотрудничало с международными культурными и исследовательскими организациями, привлекая их потенциал и финансы для защиты материального и нематериального наследия. Реализуя эту программу именно Министерство культуры выступило с инициативой провести очередную инвентаризацию археологических памят-

¹ Иракские археологические памятники будут включены в Список всемирного наследия: шаг к сохранению истории // Голос Ирака. 2024. 18 октября. <https://www.sotaliraq.com/2024/10/18/> (на арабском языке)

² Разграбление арабских древностей — преступление, не подлежащее исковой давности // Ближний Восток Онлайн. 2026. 4 января. <https://www.middle-east-online.com/> (на арабском языке)

³ Иракский город Мосул: масштабные разрушения и скудные средства на восстановление // Аль Араби. 2022. 10 июля. <https://www.alaraby.com/news/> (на арабском языке)

⁴ Сохранение археологических памятников: Министр культуры подчеркивает важность защиты иракского наследия // Маданйон. 2025. 10 января. <https://www.madanyon.com/posts/alaanay-balmoakaa-alathry-ozyr-althkaf-yokd-ahmy-hmay-alrath-alaaraku-6780baf519a15/amp> (на арабском языке)

⁵ Ирак 2025: Отчет об усилиях по защите культурного наследия и развитию археологических памятников // Информационное агентство Карбалы. 2025. 8 декабря. <https://karbala-intel.net/index.php/arabic/15704> (на арабском языке)

ников, расположенных на территории Ирака¹. Таким образом, к середине 20-х годов XXI века по инициативе Министерства культуры ряд объектов, расположенных на территории Ирака был зарегистрирован на международном уровне, что было призвано обеспечить им защиту как археологическим памятникам.

3. Выводы

На территории Ирака расположено значительное число памятников археологии. Перед правящими элитами страны стоит насущная задача выработки качественной и содержательно новой стратегии, направленной на учёт, систематизацию, изучение и защиту памятников археологического наследия. В предшествующие годы власти Ирака предпринимали попытки наладить подобную политику, но практически все мероприятия не приводили к существенным улучшениям. Причина неудач лежала в том, что, начиная с начала XXI века Ирак превратился в зону боевых действий. Военная операция США и последующая гражданская война нанесли самый существенный урон археологическому и историческому наследию страны.

Поэтому, значительная часть памятников не просто пострадала, но и была физически уничтожена. Политическая нестабильность создала крайние благоприятные условия для нелегального вывоза памятников археологического наследия за пределы Ирака, так как слабая центральная власть не контролировала археологические исследования, которые фактически были нелегальными. Власти не могли противостоять экспорту объектов культурного наследия за пределы страны. Поэтому перед современным Ираком стоят задачи, связанные с выработкой новой стратегии защиты, учёта и сохранения исторических памятников, а также с качественной новой организацией археологических экспедиций. Проблемы усугубляются значительным уровнем бюрократизации страны, а также хроническим дефицитом финансирования, которое направлялось бы на проведение археологических раскопок и сохранения памятников археологии. Существующие в Ираке университеты в полной мере эту задачу решить не могут в силу того, что их собственные ресурсы также ограничены, и они сами зависят от государственной поддержки.

Зарубежные археологические экспедиции, хотя и вносят позитивный вклад в сохранение наследия, тем не менее, они также не могут радикальным образом улучшить ситуацию, так как позитивные изменения будут возможны только в случае пересмотра политики, направленной на сохранение памятников в стране. Такие изменения, однако, кажутся маловероятными, так как пока Ирак не решит собственные внутренние социально-экономические проблемы он не сможет эффективно сохранять находящееся на его территории археологическое наследие.

Список источников и литературы

1. Бибикова, О. П., Жилина, И. Ю. (2022). *Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности* // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 15. № 2. С. 222–239. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12
2. Изнаулов, А. С. (2017). *Проблематика сохранения культурного наследия в условиях конфликтов* // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 4 (209). С. 92-99.
3. Кармов, Т. М., Буторин Д.А. (2019). *Международные организации в сфере сохранения Всемирного культурного наследия в условиях вооруженного конфликта в Сирийской Арабской Республике в 2011-2017 гг.* // *Журнал Института Наследия*. 1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-organizatsii-v-sfere-sohraneniya-vsemirnogo>

¹ Министерство культуры объявляет об инициативах по сохранению иракского наследия. <https://hathalyoum.net/amp/3310915> (на арабском языке)

kulturnogo-naslediya-v-usloviyah-vooruzhennogo-konflikta-v-siriyskoy (дата обращения: 07.02.2026).

4. Кольцова, Н. В. (2019). *Проблема сохранения культурного наследия в условиях современных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке* // Военный академический журнал. № 2 (22). С. 112-120.

5. Ahmad, R. (2022). *The legal role of government in protecting cultural heritage and archaeological sites in the war-affected countries: the case of Iraq and Syria* // Journal of Liberty and International Affairs. Vol. 8. No 2. P. 281 – 292. DOI: 10.47305/JLIA2282281a

6. Al Radi, S. (2003). *The Destruction of the Iraq National Museum* // Museum International. Vol. 55. No 3–4. P. 103 – 107. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2003.00445.x>

7. Al-Hussainy, A.A., Matthews, R. (2008). *The Archaeological Heritage of Iraq in Historical Perspective* // Public Archaeology. Vol. 7. No 2. P. 91 – 100. DOI: 10.1179/175355308X329973

8. Antal, R., Lewis, M. (2024). *Legal Definitions as a Cornerstone for Protecting ‘Archaeological Finds’* // Public Archaeology. Vol. 23. No 1–4. P. 122 – 141. DOI: <https://doi.org/10.1080/14655187.2024.2425575>

9. Bahrani, Z. (2003). *Iraq’s Cultural Heritage: Monuments, History, and Loss* // Art Journal. Vol. 62. No 4. P. 10 – 17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00043249.2003.10792179>

10. Brown, N. E. Liuzza, C., Meskell, L. (2019). *The Politics of Peril: UNESCO’s List of World Heritage in Danger* // Journal of Field Archaeology. 2019. Vol. 44. No 5. P. 287 – 303. DOI: <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1600929>

11. Curtis, J. (2008). *The Cultural Heritage of Iraq after the 2nd Gulf War* // MARQ. Arqueologia y museos. No 3. P. 75 – 80.

12. Isakhan, B. (2015). *Creating the Iraq cultural property destruction database: calculating a heritage destruction index* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 21. No 1. P. 1 – 21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.868818>

13. Isakhan, B., Meskell, L. (2019). *UNESCO’s project to ‘Revive the Spirit of Mosul’: Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 25. No 11. P. 1189–1204. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1578988>

14. Jordan, A. (2012). *Embedded Archaeology, Cultural Heritage, and the Iraq War* // Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology. Vol. 3. No 1. P. 9 – 23.

15. Kersel, M. M. (2010). *Antiquities under siege: cultural heritage protection after the Iraq War* // International Journal of Heritage Studies. Vol. 16. No 3. P. 242 – 244. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527251003620826>

16. Koush, A. (2025). *Heritage Education as a Tool of Social, Ethnic, and Religious Cohesion in Iraq: Empirical Insights* // Journal of Field Archaeology. Vol. 50. No 3. P. 199 – 214. DOI: <https://doi.org/10.1080/00934690.2024.2401211>

17. Pollock, S. (2003). *The looting of the Iraq Museum: Thoughts on archaeology in a time of crisis* // Public Archaeology. Vol. 3. No 2. P. 117 – 124. DOI: <https://doi.org/10.1179/146551803793156655>

18. Russo, A., Giusti, S. (2019). *The securitisation of cultural heritage* // International Journal of Cultural Policy. Vol. 25. No 7. P. 843 – 857. DOI: <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1518979>

19. Warren, J. (2005). *War and the Cultural Heritage of Iraq: a sadly mismanaged affair* // Third World Quarterly. Vol. 26. No 4 – 5. P. 815 – 830. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500128048>

References

1. Bibikova, O. P., Zhilina, I. Yu. (2022). *Razoreniye kul'turnogo naslediya Iraka i Sirii kak sredstvo lisheniya narodov natsional'noy identichnosti* [Destruction of the Cultural Heritage of Iraq and Syria as a Means of Depriving Peoples of National Identity] in *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, parvo*, 15(2), 222–239. DOI: 10.31249/kgf/2022.02.12 (in Russian).
2. Iznaurov, A. S. (2017). *Problematika sokhraneniya kul'turnogo naslediya v usloviyakh konfliktov* [Problems of Preserving Cultural Heritage in Conflict Contexts] in *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 4 (209), 92–99. (in Russian).
3. Karmov, T.M., Butorin, D.A. (2019). *Mezhdunarodnyye organizatsii v sfere sokhraneniya Vsemirnogo kul'turnogo naslediya v usloviyakh vooruzhennogo konflikta v Siriyskoy Arabskoy Respublike v 2011-2017 gg.* [International Organizations in the Sphere of Preservation of World Cultural Heritage in the Context of the Armed Conflict in the Syrian Arab Republic in 2011–2017] in *Zhurnal Instituta Naslediya*. 1(16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-organizatsii-v-sfere-sohraneniya-vsemirnogo-kulturnogo-naslediya-v-usloviyah-vooruzhennogo-konflikta-v-siriyskoy> (дата обращения: 07.02.2026) (in Russian).
4. Kol'tsova, N. V. (2019). *Problema sokhraneniya kul'turnogo naslediya v usloviyakh sovremennykh vooruzhennykh konfliktov na Blizhnem Vostoke* [The problem of preserving cultural heritage in the context of modern armed conflicts in the Middle East] in *Voyennyi akademicheskii zhurnal*, 2 (22). 112–120. (in Russian).
5. Ahmad, R. (2022). *The legal role of government in protecting cultural heritage and archaeological sites in the war-affected countries: the case of Iraq and Syria*. In *Journal of Liberty and International Affairs*, 8(2), 281 – 292. DOI: 10.47305/JLIA2282281a
6. Al Radi, S. (2003). *The Destruction of the Iraq National Museum*. In *Museum International*. 55(3–4), 103 – 107. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1350-0775.2003.00445.x>
7. Al-Hussainy, A.A., Matthews, R. (2008). *The Archaeological Heritage of Iraq in Historical Perspective*. In *Public Archaeology*. 7(2), 91 – 100. DOI: 10.1179/175355308X329973
8. Antal, R., Lewis, M. (2024). *Legal Definitions as a Cornerstone for Protecting 'Archaeological Finds'*. In *Public Archaeology*. 23(1–4), 122 – 141. DOI: <https://doi.org/10.1080/14655187.2024.2425575>
9. Bahrani, Z. (2003). *Iraq's Cultural Heritage: Monuments, History, and Loss*. In *Art Journal*. 62(4), 10 – 17. DOI: <https://doi.org/10.1080/00043249.2003.10792179>
10. Brown, N.E. Liuzza, C., Meskell, L. (2019). *The Politics of Peril: UNESCO's List of World Heritage in Danger*. In *Journal of Field Archaeology*. 44(5), 287 – 303. DOI: <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1600929>
11. Curtis, J. (2008). *The Cultural Heritage of Iraq after the 2nd Gulf War*. In *MARQ. Arqueologia y museos*. 3, 75 – 80.
12. Isakhan, B. (2015). *Creating the Iraq cultural property destruction database: calculating a heritage destruction index*. In *International Journal of Heritage Studies*. 21(1), 1 – 21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2013.868818>
13. Isakhan, B., Meskell, L. (2019). *UNESCO's project to 'Revive the Spirit of Mosul': Iraqi and Syrian opinion on heritage reconstruction after the Islamic State*. In *International Journal of Heritage Studies*. 25(11), 1189–1204. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527258.2019.1578988>
14. Jordan, A. (2012). *Embedded Archaeology, Cultural Heritage, and the Iraq War*. In *Field Notes: A Journal of Collegiate Anthropology*. 3(1), 9 – 23.

15. Kersel, M. M. (2010). *Antiquities under siege: cultural heritage protection after the Iraq War*. In *International Journal of Heritage Studies*. 16(3), 242 – 244. DOI: <https://doi.org/10.1080/13527251003620826>
16. Koush, A. (2025). *Heritage Education as a Tool of Social, Ethnic, and Religious Cohesion in Iraq: Empirical Insights*. In *Journal of Field Archaeology*. 50(3), 199 – 214. DOI: <https://doi.org/10.1080/00934690.2024.2401211>
17. Pollock, S. (2003). *The looting of the Iraq Museum: Thoughts on archaeology in a time of crisis*. In *Public Archaeology*. 3(2), 117 – 124. DOI: <https://doi.org/10.1179/146551803793156655>
18. Russo, A., Giusti, S. (2019). *The securitisation of cultural heritage*. In *International Journal of Cultural Policy*. 25(7), 843 – 857. DOI: <https://doi.org/10.1080/10286632.2018.1518979>
19. Warren, J. (2005). *War and the Cultural Heritage of Iraq: a sadly mismanaged affair*. In *Third World Quarterly*. 26(4 – 5), 815 – 830. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436590500128048>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьев Максим Валерьевич, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия
<https://orcid.org/0009-0009-0004-746X>
legalexpertprof@ya.ru

Булавина Анастасия Александровна, аспирант, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия
satomila_a@mail.ru

Джамил Мохаммед, кандидат филологических наук, Воронежского государственного университета, Россия, Ирак
belenov@ir.vsu.ru

Ермошина Елена Валерьевна, независимый исследователь, Воронеж, Россия
na_podskoke@mail.ru

Жевалов Сергей Анатольевич, соискатель кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Москва, Россия
szhevalov@mail.ru

Житин Руслан Магомедович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия
istorik08@mail.ru

Левченко Андрей Васильевич, кандидат философских наук, доцент Пермского национально-исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия.
lev4enko.andrei_2016@mail.ru

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-1525-724X>
liva2006@yandex.ru

Музыченко Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, преподаватель МИРЭА – Российского технологического университета, Москва, Россия
<https://orcid.org/0009-0003-8265-4912>
paulmacca@bk.ru

Подлесных Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>
agera3@yandex.ru

Серазетдинов Борис Уразбекович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра военной истории Института российской истории Российской академии наук. Москва, Россия

<https://orcid.org/000-0001-7730-2769>
sbu54@bk.ru

Топильский Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, a-topil@yandex.ru

Федорик Ирина Анатольевна, аспирант, Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I, Воронеж, Россия
anhesenamon@bk.ru

Филатов Геннадий Александрович, аспирант Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, Воронеж, Россия
filatov@relex.ru

Шмаилави Расул, аспирант Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, Ирак
frasol923@gmail.com

Юрьев Кирилл Алексеевич, аспирант, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
kirill.yuriev2012@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maxim V. Avksentyev, graduate student, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-0004-746X>
legalexpertprof@ya.ru

Anastasia A. Bulavina, graduate student, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
camomila_a@mail.ru

Jamil Mohammed, PhD in Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia, Irak
belenov@ir.vsu.ru

Elena V. Yermoshina, independent researcher, Voronezh, Russia
na_podskoke@mail.ru

Sergey A. Zhevalov, Postgraduate Student, Department of Economic History and Information Technology, Ogarev Mordovian State University, Moscow, Russia
szhevalov@mail.ru

Ruslan M. Zhitin, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, istorik08@mail.ru

Andrey V. Levchenko, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
lev4enko.andrei_2016@mail.ru

Dmitry V. Liventsev, PhD in Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1525-724X>
liva2006@yandex.ru

Oleg A. Muzychenko, Candidate of Historical Sciences, Lecturer, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-8265-4912>
paulmacca@bk.ru

Sergey N. Podlesnykh, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Morozov Voronezh State Forest Engineering University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0009-0001-2613-5777>
agera3@yandex.ru

Boris U. Serazetdinov, PhD in History, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Military History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia
<https://orcid.org/000-0001-7730-2769>
sbu54@bk.ru

Aleksey G. Topilsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, a-topil@yandex.ru

Irina A. Fedorik, PhD Student, Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University, Voronezh, Russia
anhesenamon@bk.ru

Gennady A. Filatov, PhD Student, Emperor Peter the Great Voronezh State Agrarian University
filatov@relex.ru

Rasul Shmailavi, PhD Student, Voronezh State University, Voronezh, Russia, Irak
frasol923@gmail.com

Kirill A. Yuryev, PhD Student, Voronezh State University, Voronezh, Russia
kirill.yuriev2012@yandex.ru

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 1 (46) / 2026

*Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 16.03.2026
Дата выхода в свет 17.03.2026
Бумага 81,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 2
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <https://history-fas.ru/>

Подписной индекс журнала № 43281 в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1